

ВЫЖИТЬ И ВЕРНУТЬСЯ

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Валерий Вахромеев

ВЫЖИТЬ И ВЕРНУТЬСЯ

**НА ЛИНИИ
ФРОНТА**

**ПРАВДА
О ВОЙНЕ**

**ОДИССЕЯ СОВЕТСКОГО
ВОЕННОПЛЕННОГО**

1941—1945

В. Вахромеев

**НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ**

Валерий Вахромеев

**ВЫЖИТЬ
И ВЕРНУТЬСЯ**

**ОДИССЕЯ СОВЕТСКОГО
ВОЕННОПЛЕННОГО**

1941—1945

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
В22

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «На линии фронта. Правда о войне»
выпускается с 2006 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Вахромеев В.Н.
В22 **Выжить и вернуться. Одиссея советского военнопленного. 1941—1945 — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. — 223 с. — (На линии фронта. Правда о войне).**

ISBN 978-5-227-02790-0

Уникальная судьба и невероятные приключения ждали Валерия Вахромеева, хотя, казалось, все предвещало быстрый и страшный конец. Смерть в лагерном застенке, ожидавшая большинство окруженцев 41-го. Однако сперва судьба улыбнулась В. Вахромееву, когда поезд с советскими военнопленными проехал мимо лагеря смерти. Затем ему посчастливилось сбежать с военной фабрики в городе Дармштадт и не оказаться пойманным, подобно тысячам других беглецов. А затем началось немислимое для советского паренька путешествие: Германия, Франция, Швейцария, Италия, Египет, Палестина, Иран и, наконец, советский Баку. Долгая дорога на родину, к сожалению, как и для многих бывших военнопленных, закончилась фильтрационным лагерем НКВД и работами на тяжелом производстве. Однако автор никогда не унывал, веря, что его дороги еще впереди...

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-227-02790-0

© Вахромеев Ю.В., 2011
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011

ВЫЖИТЬ И ВЕРНУТЬСЯ

**ОДИССЕЯ СОВЕТСКОГО
ВОЕННОПЛЕННОГО**

1941—1945

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

Недавно мне попала на глаза книга Эрика Лундквиста, шведского путешественника, проведшего два десятка лет в джунглях Новой Гвинеи, «Дикари живут на Западе». В ней есть фрагмент, посвященный событиям начала сороковых годов XX века. Однажды автор рассказал носильщикам из племени каннибалов о том, что далеко на западе идет большая война, гибнет множество людей. Аборигены хитро переглянулись, но промолчали. Лундквист поинтересовался, чем вызвана такая, с его точки зрения странная, реакция? Немного смутившись, простодушные людоеды признались: «Теперь победившее племя досыта наестся! А вот нам Большой Белый Бог (имеется в виду Спаситель) не разрешает есть своих врагов...» Им было совершенно невдомек, что где-то там, вдали, люди убивают друг друга вовсе не потому, что голодны, а по каким-то иным причинам. В словах дикарей прозвучала обезоруживающая правда, с которой невозможно спорить, как невозможно было объяснить им, почему и за что воюют западные «белые племена».

Оказавшись втянутым во Вторую мировую, Советский Союз мобилизовал на защиту своей свободы и независимости лучших, цвет нации. Патриотизм, желание защитить, спасти свою страну для молодежи того времени в основном были нормальным, естественным явлением, это не секрет. Попав летом 1941-го под ураганный огонь танковых дивизий и артиллерийских расчетов противни-

ка, слушая, как визжат над головой немецкие бомбардировщики, готовясь обрушиться на отступающие по дорогам бесконечные неровные колонны советских войск новые тонны смерти, они, эти парни, еще недавно читавшие в газетах об «абсолютной готовности СССР к войне», о том, что враг «будет разбит на его территории», не переставали спрашивать себя, почему же Родина оказалась не готовой к нападению, почему теперь им приходится уходить все дальше от границы, избегая плена, окружения, гибели. Одна винтовка на четверых и один боекомплект к ней, пустые бутылки для «коктейля Молотова», противогаз — вот и все, чем они могли противостоять стальной мощи вермахта. До сих пор не подсчитано точно, сколько советских ребят осталось в тех полях и на тех дорогах — убитыми, пропавшими без вести — и сколько их, несмотря на все усилия выбраться к своим, оказалось в немецком плену, как случилось и с моим отцом.

В детстве и подростковом я много раз расспрашивал его о войне — слушая рассказы сверстников о родителях-фронтовиках. Но что он мог ответить мне тогда, если само слово «военнопленный» обозначало только одно: предатель и трус. До 1970-х годов он не мог даже считаться участником этой войны. Удивительно, как после возвращения домой в ноябре 1944-го, госпроверки и фильтрационных лагерей с вызовами на ночные допросы, после слежки соседей по коммуналке он сохранил любовь к Родине, преданность ей. Как потом все-таки нашел силы рассказать о пережитом в плену, побегах, месяцах, проведенных в попытках добраться до нейтральной Швейцарии (последний его побег состоялся из лагеря в немецком городе Дармштадте), о желании сражаться с немцами в рядах французского Сопротивления, о возвращении в Советский Союз? Не впасть в уныние, не утопить несправедливость в вине, не наложить на себя руки? Я преклоняюсь перед его мужеством и оптимизмом, открытостью навстречу Жизни и окружавшим его Людям, — чертами характера, которые ему всегда удавалось сохранять и поддерживать в себе.

Правда, кое-что из своей военной «одиссеи» он все же поведал мне, когда я был еще совсем мал. «Сначала было слово». В соответствии с этой вечной формулой рождались некоторые его воспоминания. В палатке на привале (они с моей мамой любили ходить в походы и брали меня с собой), на вечерней прогулке или когда я лежал в постели с температурой, — он, понемногу, подбирая фразы, старался простым и понятным языком донести до меня свои переживания, свои впечатления. Лишь в конце семидесятых, тяжело заболев и фактически снова оказавшись лицом к лицу со смертью, он, по совету мамы, его верной спутницы и подруги, стал записывать какие-то фрагменты воспоминаний: на отдельных листках и лоскутах бумаги, стараясь ничего не забыть, доверяя серым страницам самое сокровенное.

Постепенно болезнь забирала его память и силы, и тогда мама попросила меня привести в порядок разрозненные записи. Я взялся за этот труд, плохо представляя всю сложность задачи. Отпечатав (тогда еще на примитивном ПК) очередной рассказ, я показывал его папе: он смотрел, соглашался или просил что-то исправить. Так к 45-летию Победы я подарил ему отпечатанный (единственный!) экземпляр получившейся книги с ксерокопиями его рисунков, сделанных в дополнение к рассказам. Потом, несколько лет спустя, появились еще 4 экземпляра, дополненные новыми рассказами и рисунками.

Подарив их родным и друзьям (а те, в свою очередь, отдали читать дальше), я много раз слышал их советы предложить папины рассказы в издательство, которому была бы близка эта тема. В 2010 году папы не стало... Но живет его слово, его повествование о почти невероятном и тем не менее абсолютно правдивом приключении молодого двадцатилетнего московского паренька, прошагавшего свои собственные пол-Европы.

Юрий Вахромеев

Ноябрь 2010 года

ОТ АВТОРА

Не знаю, то ли с годами, то ли под впечатлением прочитанной в «Неделе» статьи о Франции военных лет у меня в голове всплывают воспоминания о моей далекой военной юности. Все было будто вчера. Тогда по планете шагала Вторая мировая война. Эти воспоминания, возможно, хорошо бы прочесть самому, живя в совершенно другое время, в другом возрасте. Сейчас идет 1970 год, двадцать девять лет прошло с тех пор, как началась военная эпопея. И далеко, и близко все это было. Да, все это было...

Рассказы всплывают в памяти отдельными штрихами, эпизодами, без хронологической последовательности моей жизни тех далеких лет...

3 июля 1970 года

ЖАВОРОНКИ 41-го **(Конец июня 1941 года)**

Приходилось ли вам слушать пение жаворонка, парящего в безоблачном летнем небе? Послушайте, если представится такая возможность. И наверное, он будет петь свою песню, как пел ее нам в далеком уже 41-м году...

Шли первые тяжелые дни войны. После изнурительного двухдневного марша и отхода на новые позиции наша часть окопалась. Сильно нас потрепали немцы, многих бойцов мы недосчитались. Утреннее солнце ласково пригревало молодых солдат. Клонило ко сну. Уже двое суток не было отдыха. Молодой политрук, как мог, подбадривал бойцов. Его юношеская, худая фигура мелькала то тут, то там на фоне зеленого поля. Лицо политрука осунулось и почернело, глаза выдавали его нечеловеческую усталость. Чувствовалось, что он подбадривает молодых ребят, преодолевая усталость из последних сил.

Томительно тянулось время в ожидании боя. Веки сами собой смыкались, пригретые лучами солнца. Раскаты дальнего боя слышались то справа, то слева от наших позиций. Сон и жажда валили с ног, но мы ждали боя. Но вот затихли звуки дальней канонады. В звенящей тишине мы услышали веселую и задорную песню

жаворонка. Беззаботно и свободно в высоком голубом небе резвилась крохотная птичка, будто вовсе и не было войны! В пении птицы слышалось обращение ко всему живому, призыв к радости наслаждения жизнью. И, сразу забыв об усталости, запыленные, пропитанные потом бойцы вглядывались в небесную лазурь. Они искали взглядами маленького певца жизни.

Вдруг разом вздрогнула земля, расколота разрывами вражеских мин. Дым, пыль, комья земли — все мигом закрыло небо, солнце. Шквал разрывов ураганом пронесся по мирному зеленому полю. Ветер гнал широкую серо-черную полосу дыма. Она густой тенью затягивала изрытое разрывами поле. В ушах стоял нестерпимый звон, от гари и дыма во рту было противно кисло.

Облако дыма, постепенно рассеиваясь и редая, уходило куда-то на север. Наступила звонкая зловещая тишина. Оглушенные канонадой и ослепшие от пороховой гари бойцы постепенно приходили в себя, оглядываясь кругом. Рядом со мной, наполовину засыпанный землей, лежал молодой боец, мой ровесник. Голова его была естественно запрокинута назад, широко открытые глаза удивленно глядели в голубое небо. Осколок мины прервал его жизнь в тот момент, когда он слушал пение жаворонка. Мертвые, широко открытые глаза, устремленные в голубое небо, как бы продолжали любоваться полетом птицы. Тонкая алая струйка крови медленно сползла с мертвого лица на воротник солдатской шинели... Много лет прошло с тех пор, а эта трагическая картина первых дней войны и сейчас перед моими глазами. И стоит мне только услышать пение жаворонка, я вновь мысленно возвращаюсь в июнь 1941 года...

Люди, во имя жизни на Земле, пусть пение птиц никогда не прервется звуками войны!

Призывался я 20 апреля 1941 года Кировским райвоенкоматом Москвы. Пока ехали в теплушках до части в Проскуров, успели все перезнакомиться. Я подружился

с тремя одногодками-москвичами. Решили и в дальнейшем держаться вместе, помогать друг другу. Имена двоих из них я, к сожалению, забыл. А вот Володю Сеницына я запомнил на всю жизнь.

Это был непревзойденный весельчак и балагур. Но выделялся он не только своей говорливостью, а еще и характерной фигурой. Мешковатый и неопрятный Володя часто получал за свою небрежность наряды вне очереди и другие армейские наказания. Толстый и неповоротливый, он сосиской болтался на турнике, вызывая смех товарищей. При начальной военной подготовке нас частенько гоняли на кроссы и марш-броски с полной солдатской выкладкой.

Июнь в 41-м выдался жаркий. «Распустить ремешки. Приготовиться к бегу», — командует ротный. Бежать в тяжелых кирзовых сапогах, гимнастерке и каске десять километров по украинской степи невыносимо тяжело. Пот заливает глаза, увесистый ранец и шинель в скатку бьют по спине, во рту пересохло. Сержант прикрикивает: «Подтянуться, помочь отстающим!» А отстающий, как всегда Сеницын, пыхтит, еле-еле передвигает заплетающимися ногами. Мне приходится вместе с другим красноармейцем подхватить товарища под руки и тащить его к финишу. Как только Володя почувствовал опору с двух сторон, он сразу обмяк. Мы из последних сил тащим Володю, проклиная его полноту и неуклюжесть.

Звучит команда: «Шагом марш!» Не успели мы вытереть струящийся по лицам пот, как сержант командует: «Запевай!» В роте два запевалы — я и Сеницын. Пересохшему горлу не до песен, и мы упорно молчим. «Вахромеев, Сеницын — запевай!» — кричит взбешенный сержант. Молчание... «Рота! Бегом ма-арш!» — следуют команда. Шатаясь от усталости, мы неохотно опять начинаем бег. Но наша взяла — мы не запели!

По возвращении в казарму нас построили. Ротный перед строем объявил мне три наряда вне очереди за неповиновение. Затем такое же наказание получил и

Володя. Пришлось нам с утра до вечера драить полы в казарме и мыть всю посуду после еды. Это было мое первое и последнее наказание за время службы. Дальше началась война...

В то воскресенье в части были устроены различные соревнования. Я участвовал во взводных соревнованиях по метанию гранаты. Граната после моего броска улетела так далеко, что у зрителей невольно вырвался крик восторга. Это польстило моему юношескому самолюбию. При следующей попытке я размахнулся как можно шире и швырнул цилиндрическую гранату со всей силой. Через несколько секунд я увидел далеко за нормативной чертой облачко пыли от упавшей гранаты. На этот раз ребята бурно аплодировали моему рекордному броску. После такого успеха я был назначен защищать честь роты в соревнованиях, которые должны были состояться на следующий день. Но внезапно соревнования были прерваны.

Всех собрали на плацу — по радио выступал Молотов. Так мы узнали о начале войны. Молчаливые и подавленные, мы стояли и слушали. Слова горькие и неожиданные. Нас с детства убеждали в том, что мы готовы дать мощный и сокрушительный отпор любому агрессору. А в это время враг вторгся на землю нашей Родины на протяжении всей западной границы и молниеносно продвигался в глубь страны. Справедливый гнев, ненависть к фашистам горели в груди каждого из молодых бойцов. Мы стремились скорее вступить в схватку, отомстить ненавистному врагу за сожженные села и города.

Утром следующего дня нас наскоро экипировали и колонной направили в сторону быстро приближающегося фронта. Винтовок всем не хватило. Только каждый десятый получил по винтовке Мосина образца 1898 года и одну обойму патронов. Зато каждому были выданы громоздкие ранцы, противогазы, по две гранаты-лимонки и по две пустых бутылки для горючей смеси. Винтовки получили не лучшие из красноармейцев, а как раз наоборот — провинившиеся. Конечно, достался такой

«подарок» и моему другу Володе Сеницыну за его плохую физическую подготовку. Вручили ему эту боевую подругу в надежде, что с ней он быстрее станет настоящим бойцом.

Три или четыре дня мы в пешем строю продвигались в сторону линии фронта. Как я уже говорил раньше, июнь того года выдался жарким. В походе мы очень страдали от изнуряющего зноя еще и из-за того, что кормили нас преимущественно ржавой селедкой. Вода, запасенная в солдатские фляги, быстро кончалась, а ту воду, что предлагали украинские женщины в селах и хуторах, нам строго-настрого запрещали брать. Нам также не разрешали принимать и продукты у населения. Всеобщая шпиономания и подозрительность были тогда в моде. Проходили мы, запыленные и усталые, мимо заплаканных женщин, которые протягивали нам узелки с едой. Но стоило кому-нибудь из нас протянуть руку, как политрук или старшина с окриком подсакивали и выбивали скромное подаяние сельчан. И так на протяжении всего нашего пути.

В последний день нашего движения вдаль уже явно слышались звуки дальних боев. По безоблачному небу плыли дымы пожаров. В той стороне на небосклоне после наступления темноты сверкали багровые зарницы и всполохи. Фронт приближался.

Поступил приказ: окопаться и ждать дальнейших распоряжений. Мы с Володей Сеницыным и двумя другими москвичами принялись за работу. Володя пыхтел и обливался потом, копая пропеченную жарким солнцем землю. Но его острые шуточки нет-нет да звучали и веселили нас. Он не унывал сам и старался поддерживать товарищей.

К вечеру в наш окопчик заглянул молодой лейтенант и, сев на край его, закурил. Я тоже закурил. Слово за слово, завязался разговор. Я сказал, что призывался из Москвы, но родился в Ярославской области. Он обрадовался, так как тоже оказался ярославцем. Долго мы беседовали с ним. На небе уже высыпали крупные звезды,

мои товарищи уже спали, а мы все говорили и говорили. Разговор шел о мирной жизни, о встречах с девушками, о семьях. Доверившись ему, я рассказал, что мои родители из мещанского сословия. Он, в свою очередь, признался, что семья его была раскулачена, и ему пришлось скрыть свое происхождение для поступления в военное училище. Такая доверчивость в разговоре могла стоить ему очень дорого. Я успокоил лейтенанта, что о нашем разговоре никто не узнает, и мы расстались.

А наутро был первый наш бой. Из утреннего тумана сначала появились танки. Под их прикрытием шли автоматчики. Издали все они казались ненастоящими, игрушечными — маленькие плоские коробочки танков и солдатики в серых мундирах. Но вот полыхнуло пламя, прозвучал сначала один выстрел. Снаряд пролетел и разорвался далеко за нашими окопами. Следом прозвучало еще несколько выстрелов, которые также не принесли нам никакого вреда. Из наших окопов был открыт ответный огонь, немцы залегли, но танки приближались.

Нам нечем было встретить танки, и они свободно прошли нашу линию обороны, проутюжили несколько ячеек и повернули назад. Наш ротный, выхватив свой пистолет, поднял нас в контратаку. С криком «Ура!» мы побежали в сторону удалявшихся танков. Те, у кого были винтовки, держали их наперевес, а остальные бежали в атаку, держа в руке по гранате-лимонке. Но залегшие немцы встретили нас шквальным огнем, и нам пришлось сначала залечь, а потом ползком возвращаться на свои позиции.

Среди ровной степи негде укрыться. Я полз, стараясь как можно плотнее прижаться к земле. Сзади я слышал знакомое сопение и ворчание — это Володя с трудом передвигался непривычным способом. Оглянувшись, я увидел его толстое лицо, испачканное в грязи и крови. Только струйки пота оставляли на нем светлые полосы. Вот и наш родной окопчик. С облегчением мы свалились в него. Я спросил: «Володя, ты ранен? У тебя все лицо в крови». Он снял пилотку и вытер ею

лицо. Никаких ранений не было. И только теперь я почувствовал, что правый обшлаг моей гимнастерки мокрый. Взглянув на руку, я увидел струящуюся кровь. Видно, в пылу атаки я не заметил ранения, а когда мы ползли, Володя, следуя за мной, испачкал лицо моей кровью. Расстегнув рукав, я увидел, что немецкая пуля прошла вскользь, только поддев кожу. Товарищи перевязали меня, остановили кровотечение. Так закончился наш первый бой 41-го года.

БОЙ **(Украина, июнь 1941 года)**

На это поле мы пришли в конце дня, после трудного марша. Нас, пока мы шли маршем, обгоняли колонны машин, две или три танковые колонны. В одном месте довелось увидеть удивительное творение советской технической мысли — тяжелый танк-крепость «За Родину!». Он поразил нас, молодых ребят, своими колоссальными размерами. Танк напоминал вагон бронепоезда, поставленный на гусеницы: несколько пулеметных и орудийных башен красовались на его бортах. Командир объяснил нам, что экипаж этого «динозавра» состоял из десяти человек. К сожалению, он оказался непригодным для передвижения по мягкому грунту и застрял, только съехав на обочину шоссе. И теперь эта громада высилась бесполезной горой мертвого металла, глубоко зарывшись гусеницами в землю. Видно, не оказалось поблизости тягачей, чтобы вытащить танк на дорогу.

Кстати, после призыва я был направлен для обучения в танковую часть, хотя с детства мечтал и готовился стать моряком. На меня большое влияние оказали книги Джека Лондона и Константина Станюковича. Я зачитывался морскими рассказами, поэтому после школы выучился сначала на водолаза-спасателя, а потом на моториста спасательного катера. В танковой части я успел пройти только начальную военную подготовку

с начала мая по 23 июня. Не довелось мне стать танкистом...

Солнце уже садилось за горизонт, когда наша рота получила приказ остановиться на привал. Усталые, покрытые дорожной пылью, мы как подкошенные упали на теплую землю. Вокруг, насколько хватало видимости, была ровная украинская степь. Лишь пыльная проселочная дорога пересекала ее метрах в пятидесяти от нас. Вдали виднелось пшеничное поле, которое, видно, так и не дожидается жатвы...

Я снял с плеч тяжелый и неудобный ранец. За время нашего отступления он уже изрядно натер мне плечи. Он был из толстого и плотного картона, обшитый сверху грубым брезентом. Особой необходимости в ранце не было, так как в нем лежали лишь сухой паек: сухари и вобла, алюминиевый котелок, кружка и ложка. Вокруг ранца была привязана шинель в скатку. На боку висел громоздкий противогаз в брезентовой сумке. Больше всего во время марша раздражал перезвон пустых бутылок. Их нам выдали перед выступлением каждому по две штуки и строго-настрого приказали хранить при себе. Как нам объяснил политрук, эти бутылки нужны были для борьбы с танками противника. Где-то нам должны были залить в них горючую жидкость и дать зажигательные ампулы. Когда и где — никто не знал, а пока они успешно создавали музыкальное оформление во время долгого пути.

За несколько дней изнурительного марша на нашу колонну несколько раз налетали «мессершмитты» и на бреющем полете стреляли в скопления бойцов. В ответ они получали слабый отпор, так как даже винтовки были не у всех, а лишь у одного из троих. К винтовке давалась одна обойма патронов. Мы могли только рассыпаться по степи вдоль дороги. Когда налет кончался, мы собирали раненых бойцов и здесь же, в степи, хоронили убитых. Много было безымянных могил вдоль военных дорог...

Все это вспомнилось мне, пока нам раздавали в алюминиевые миски уже остывшую перловку. Быстро спра-

вившись с кашей, мы уже готовились ко сну, когда прозвучала команда «Строиться!». С трудом поднялся на негнувшиеся ноги и встал в строй. Лейтенант коротко рассказал, что немцы пытаются взять нас в кольцо и поэтому мы должны на этом поле окопаться и принять бой. Вот и отдохнули!

Копать твердую степную землю саперной лопаткой невыносимо тяжело. Болит спина после дневного перехода, кровавые мозоли на руках, а лейтенант ходит от одного к другому и подгоняет матерком. В летних сумерках справа и слева от меня слышится тяжелое дыхание моих товарищей и скрежет лопат о сухую землю.

Закончили свой тяжкий труд, лишь когда все небо усыпали крупные звезды. В степи тишина. Лишь сонная птица нет-нет да нарушит покой ночной тишины. Мы замертво свалились в свои отрытые окопчики. Тяжелый сон свалил молодых ребят...

С первыми лучами солнца прозвучала команда «Подъем!».

Болит спина, ладони покрыты кровавой коркой, пальцы не гнутся. Опять построение, затем скудный завтрак. Затем политрук собрал нас перед нашими окопами и объяснил, откуда командование ждет появления немцев. Наша задача — не пропустить или задержать немцев до прихода подкрепления. Мы должны контролировать дорогу, пока по ней движется нескончаемый поток отступающих частей и беженцев. Они создают монотонный гул, пыль стелется от сотен и тысяч ног и колес.

К полудню поток на дороге несколько редет. Солнце печет наши незащищенные головы и спины. Мучит жажда после съеденной утром ржавой селедки. Все мы ждем появления немцев и вглядываемся в далекое степное mareво. Тишину нарушают только одинокие жаворонки.

Внезапно из-за ближайшего холма послышался рокот моторов и, почти сразу, появилось несколько танков. На серой броне ясно выделяются черные с белой

окантовкой кресты. Немного отстав от танков, перебежками движется пехота. На ходу, сделав несколько выстрелов из орудий по окопам, танки заходят на нашу позицию с двух сторон. Из наших окопов слышатся лишь отдельные винтовочные выстрелы, затем с левого фланга — короткие пулеметные очереди. У нас было мало гранат, да и те хороши только против пехоты — противотанковых гранат нам не дали.

Танки, как по команде, одновременно развернулись и с двух сторон стали утюжить наши окопчики. Каждый из них резко тормозил возле окопа и несколько раз прокручивался на одном месте, пока от окопа ничего не оставалось. Пройдя так по всей линии нашей обороны, танки ушли за тот же холм. Наступило злое затишье.

ЖИВОЙ БРУСТВЕР

Воспользовавшись временным затишьем, наш командир решил оставить позиции и отступить. Мы больше не могли оборонять этот рубеж. Многих бойцов заживо погребли в окопчиках танки, бороться с ними нам было нечем. Мы короткими перебежками, залегая и поглядывая в сторону немцев, стали отступать. Из-за холма появились фигурки в серых мундирах. С их стороны слышались частые автоматные очереди, видно, они патронов не жалели.

Мы лежали посреди ровной степи, не было никакого укрытия. Каждый из красноармейцев стремился вжаться в твердую землю, ища малейшую ложбинку, ямку. Пули свистели совсем рядом с нашими головами, срезая степной ковыль, и с противным визгом рикошетом летели вдаль.

Я лежал невдалеке от нашего молодого лейтенанта. У него в руках была трехлинейка. Время от времени он передергивал затвор и стрелял в сторону немцев. Видно,

стрелять из тяжелой винтовки ему было неудобно без упора. Он озирался по сторонам в поисках подходящего предмета, но кругом была только ровная степь.

«Вахромеев, ко мне!» — вдруг услышал я голос лейтенанта. Я выбрался из ложбины, в которой лежал, и подполз к лейтенанту. «Ложись передо мной!» — командовал он. Я не понял и удивленно посмотрел на командира. Он выругался и опять приказал мне лечь перед ним. «Товарищ лейтенант, но здесь открытое место и меня подстрелят!» — возразил я. «Я приказываю, понял! — заорал он. — Невыполнение приказа — расстрел на месте!» Остальные бойцы следили за этой сценой, они даже перестали отстреливаться, сочувствуя мне. Что делать, приказ есть приказ!

Вот я распластался перед нашим командиром, а он спокойно положил на меня свою винтовку и не спеша прицеливается в наступающих немцев. Те же, наверное заметив, откуда в них стреляют, перенесли огонь в нашу сторону.

Все ближе и ближе ко мне пыльные фонтанчики, пули рикошетят над самой головой. Я могу только руками прикрыть голову и как можно плотнее вжаться в землю. Сейчас я живой бруствер для одного и хорошая мишень для других...

Внезапно выстрелы у меня над ухом прекратились, и винтовка, лежавшая на моей спине, скользнула в сторону. Некоторое время я продолжал лежать неподвижно, прикрывая голову. Потом взглянул в сторону лейтенанта.

Он лежал на боку, лицом к небу. Глаза широко открыты. Прямо под звездочкой на пилотке зияло ровное пулевое отверстие. Не знаю, то ли немецкий снайпер выбрал его своей мишенью, то ли судьба покарала его за жестокость и случайная пуля оборвала его жизнь. Мне тогда Бог сделал большой подарок, ведь любая из шальных пуль могла поставить тогда точку в моей жизни.

В ТЫЛУ ВРАГА **(Украина, конец июня 1941 года)**

Темная украинская ночь. Только к ночи вывел нашу часть из второго окружения молодой местный хлопчик. Короткими перебежками переправляемся через шоссе. Приходится перебегать небольшими группами, так как по шоссе почти без перерыва идут колонны немецких машин, военная техника и снуют мотоциклисты. Немцы неудержимо продвигаются на восток, а в их тылу остаются разбитые и разрозненные группы красноармейцев. Перед броском через шоссе пришлось залечь в низине и в вязкой болотной жиже дожидаться перерыва в движении транспорта. Выбрав удобный момент, мы быстро перебежали на другую сторону шоссе. Там нам приходится на четвереньках карабкаться по склону крутого косогора. Спешим, скользим, скатываемся вниз. В любую секунду могут появиться немцы.

От нашей части после нескольких тяжелых боев осталось около полутора сотен бойцов и небольшая группа командного состава. Сколько солдатских могил пришлось выкопать в родной земле! А сколько молодых ребят остались непохороненными при отступлении...

Все мы благополучно переправились через дорогу и поднялись на гребень холма. Местный паренек, простившись с нами, пожелал быстрее выйти к своим и растаял в сумраке ночи. А мы, растянувшись нестройной массой, стараясь не шуметь, спешим уйти подальше от шоссе. И вот уже только отблески фар и отдаленный гул моторов напоминают о преодоленной преграде... Долгий ночной марш заканчивается в редком молодом сосновом лесу. Командиры подбадривают нас, усталых, измученных долгой и тяжелой дорогой. Колонна постепенно углубилась в лес. Молодые сосенки стоят далеко друг от друга, задевают нас колючими ветками, а мы уже ничего не замечаем, скорее бы привал. Вот и объявили шепотом по колонне: «Привал!» Бойцы упали на землю там, где застала команда. За-

снули все моментально, не обращая внимания на разразившийся летний ливень. Под головы подложили тяжелые брезентовые ранцы, сейчас они милее пуховых подушек.

Утро началось командой «Подъем!». Едва отдохнув за остаток ночи, строимся. Идем лесом недолго. Остановились на опушке, и командир послал вперед на разведку двух бойцов. Они направились в сторону деревни, видневшейся за дальним холмом.

Ждем час, другой... еще полчаса — разведки нет. Решили, что они нарвались на немцев и ждать дальше бесполезно. Осторожно двинулись окраиной леса. Неожиданно из-за деревьев показались белые мазанки другой деревни. Наша колонна осторожно подошла к крайним строениям. Остановились у довольно большой пустой конюшни.

Командир послал нескольких солдат разведать, есть ли в селе немцы, и достать чего-нибудь съестного. Скоро посланцы вернулись и доложили, что через это село прошло уже несколько отступающих частей и продуктов у колхозников нет. Они смогли лишь напоить нас парным молоком.

Полдень, а наше командование еще не приняло никакого решения. В какую сторону идти? Где фронт, где наши? Трудно скрытно вести такую массу людей по открытой местности.

И вот, наконец, звучит команда «Стройся!». Построились. Наши оставшиеся командиры о чем-то долго совещаются. Вперед вышел командир нашей части: «Смирно! По порядку номеров рассчитайсь!» После расчета оказалось, что в наличии имеется ровно полторы сотни почти безоружных бойцов.

Последовала продолжительная пауза, затем наш командир сказал короткую речь: «Товарищи бойцы! Мы оказались в глубоком тылу противника. Немцы очень быстро продвигаются в сторону Киева. У нас нет никакой связи с командованием. С вооружением, как вы сами видите, у нас очень плохо: винтовка на троих с

одним боекомплектom. Продуктов нет совсем. Учитывая все это, приказываю вам пробираться в сторону линии фронта отдельными группами, по три-четыре человека. Разойдись!»

Вот и отвоевались! Где ж она, эта линия фронта? Куда идти? Все в недоумении переговариваются, не зная, с кем и куда идти.

Постепенно все разбились на группы. Я, со своим земляком Виктором Алешиным, присоединился к еще двум москвичам. Все наше имущество состояло из шинелей в скатку, противогазов, тяжелых и неудобных брезентовых ранцев. В ранцах гремели и перекатывались пустые бутылки. Их нам выдали «для уничтожения танков противника», не оснастив ни горючей жидкостью, ни запалами. Это было единственное наше «оружие».

И наша четверка отправилась в путь, в неизвестность...

Мы, четверо москвичей, все с Раушской набережной и с Садовнической улицы, собрались вместе и решили пробиваться к своим вместе. Двинулись по украинской земле. Погода стояла жаркая, хотелось пить, да и продуктов у нас с собой не было. Всюду, в какую бы деревню мы ни заходили, нас встречали местные женщины, со слезами протягивали узелки с едой, а некоторые даже приглашали зайти в хату.

Зашли в небольшой украинский хуторок. Бедная мазанка под соломенной крышей, покосившийся плетень, увешанный пустыми крынками. Зашли внутрь. Скромная обстановка, земляной пол, иконы в углу. Хозяин, уже в годах украинец, усадил нас за большой дощатый стол, покрытый вышитой разноцветной скатертью, сел сам вместе с женой и миловидной дочерью. Девушка поставила на стол графин с горилкой и скромную еду. Выпили, закусили — все понемногу. Разговорились о жизни, о войне. Как продолжать жить, когда немцы

прорвались далеко на восток, и где наша армия? Старик заинтересовался жизнью в Москве, где ни разу не был, так как никогда не покидал своих мест.

Выйдя на улицу после застолья, я обратил внимание на покосившийся плетень, окружавший хату. Пока мои товарищи отдыхали в доме, я подошел к плетню и чуть подправил его, подвязав куском проволоки к столбу, который еще прочно держался в земле. Затем присел на завалинке и закурил, не зная, что хозяин наблюдает за мной из окна. Молодуха то и дело порхала мимо нас, бросая любопытные взгляды в мою сторону. До призыва в Красную армию я занимался футболом, тяжелой атлетикой, а перед самой службой работал водолазом-спасателем на Воробьевых горах. Поэтому выделялся среди товарищей хорошей физической формой. С лица дивчины не сходила застенчивая улыбка, она все время что-то щебетала по-украински, обращаясь ко мне.

Настал момент расставания с гостеприимными хозяевами, мы тепло поблагодарили их за хлеб-соль и уже собрались в путь, как хозяин вдруг подошел ко мне, положил на плечо руку и стал уговаривать меня остаться жить у них. Оказалось, что им всем я приглянулся! Откровенно говоря, предложение было совсем неожиданным. Своей нелепостью оно обескуражило меня: вокруг война, нам надо пробираться к своим, к фронту, а тут... Хозяин предложил мне переодеться в крестьянскую одежду и остаться у них до окончания войны, а если понравилась их дочь, то и пожениться. Девушка стояла в стороне и, потупив глаза, слушала отца.

Я категорически отказался, и мы, поблагодарив еще раз хозяев за радушный прием, тронулись в путь. В дороге гостеприимные хозяева собрали нам немного еды в узелок, хозяйка перекрестила нас крестным знаменем, хотя мы и сказали, что в Бога не верим, и всплакнула. Что ждет нас впереди? Перед нами лежала пыльная дорога, уходящая вдаль по украинской степи.

Долго еще были видны возле хаты силуэты хозяина, его жены и дочери. Мы тем временем перебрасывались

шутками по поводу столь неожиданного предложения стать женихом. Хотя нет-нет да и оборачивались назад, чтобы снова и снова увидеть, как все трое машут нам вслед руками.

ПОПАЛИСЬ... **(10—11 июля 1941 года)**

Уже девять суток бродим мы, четверо москвичей, по Украине. Встречаем по пути таких же бедолаг окруженцев. Все они мечутся: кто на восток, кто на север, кто на юг. Везде немцы. В какую бы деревню ни зашли, везде говорят, что фронт быстро откатывается на восток. Узнав в крайней хате, что в селе еще нет немцев, просим что-нибудь перекусить и бредем дальше.

На закате подошли к окраине большого села. Немцев не видно. Пройдя несколько домов, выходим на центральную площадь села. Возле пруда стоит сельский магазин. Из него колхозники тащат по домам оставшиеся в магазине продукты. Наше появление никого не удивило и не прервало грабеж, все продолжали тащить мешки с мукой, крупу, соль и другие припасы. Пожилой мужчина, как потом выяснилось председатель колхоза, вел на поводу лошадь. Вдали мы увидели еще и других людей, уводивших со скотного двора телят и коров. Председатель объяснил нам, что раздает все, чтобы не досталось немцам. Мы спросили его, где нам можно переночевать? Жестом он показал нам на скромную мазанку. Подойдя к ней, постучались. Из низенькой двери вышла старушка. Маленькая, но очень подвижная пожилая женщина быстро-быстро заговорила по-украински, приглашая нас зайти.

Внутри хаты было тесновато из-за огромной, как мне тогда показалось, чисто выбеленной печи. От нее поперек хаты шла дощатая перегородка. Она делила все пространство дома надвое. Усадив нас на лавку, хозяйка достала с печи горшок с простоквашей и дала его

нам. Она извинилась, что у нее нет ни хлеба, ни картошки. Мы выпили простоквашу. Хозяйка уже хлопотала о нашем ночлеге. Она сама принесла с улицы большую охапку сена, разложила его прямо на земляном полу за перегородкой. После долгого пути усталость сразу сморила нас. Мы, четверо, улеглись рядком, крепко заснули...

Сон оборвался внезапно. Кто-то пинками бесцеремонно будил нас. Глаза слепил яркий свет карманных фонарей. Оглядевшись, мы увидели двух немцев. Стволы автоматов они направляли то на одного, то на другого. Громкая и непонятная немецкая речь. По движению стволов автоматов мы поняли, что надо выходить на улицу.

Уже выходя на улицу, я заметил нашу старенькую хозяйку. Она стояла, прислонившись к углу печи, всхлипывая, причитала, вытирала слезы подолом передника. А двое здоровых немцев выгоняли нас, подталкивая в спины дулами автоматов. На выходе нам встретился третий немец и какой-то мужчина в гражданской одежде. Мужичок злобно хихикнул и с издевкой произнес: «Навоевались, москали!»

Немец в дверях оттеснил мужчину, пропуская нас. Жестом руки приказал нам идти за угол хаты. Там стоял у дороги военный тягач на гусеничном ходу. Ярко горели его фары и работал двигатель. Трое немцев, подгоняя автоматами, усадили нас в кузов тягача и сели сами.

Машина взревела, выбросив сизую струю дыма, развернулась на месте и направилась в сторону моста. Подъезжая к мосту, лучи фар выхватили из темноты одинокую фигуру мужчины, он протягивал крынку. Тягач притормозил. Мужчина, подобострастно улыбаясь, протянул немцам, сидящим в кузове, полную крынку молока. Один из них, перегнувшись через борт, взял ее из рук мужчины. Все немцы по очереди отпили молока, опорожнив крынку. Приняв обратно пустую посуду, мужичок низко поклонился. Тягач рванулся с места,

и хлебосольный крестьянин так в поклоне и исчез в темноте ночи.

Проехали через все село и за околицей остановились. Немцы вылезли из тягача и выкатили из придорожных кустов противотанковую пушку, прицепив ее к тягачу.

Опять тронулись и, проехав до окраины следующего села, остановились. Мощные лучи фар высветили вдали маленькую белую церквушку. Нас высадили и поставили лицом к стене у ближайшего дома.

Я стоял с краю, возле открытого окна дома. Внутри, недалеко от окна, стоял стол, на столе керосиновая лампа. Она освещала офицера, который что-то писал, сидя за столом. Наш конвоир вошел и что-то доложил офицеру, стоя по стойке «смирно». Офицер, не переставая писать, давал солдату какие-то распоряжения, время от времени поглядывая на него. Затем тягач с тремя немцами уехал. По всей вероятности, они выполнили свое задание и передали нас другим. Мы невольно посмотрели вслед уехавшему тягачу. Уже начало светать, и мы увидели на фоне церкви темные могильные кресты... В голове промелькнуло: кресты — кладбище — расстрел!

К нам подошли три солдата с автоматами и приказали идти в сторону церкви. Один из солдат протянул мне сигарету. Я его спросил: «Erschiesen?» («Расстрел?») «O, nein, nein!» — ответил он и улыбнулся. «Nicht schiesen! Ferstehen?» — еще раз пояснил он, и я понял, что нас не расстреляют. Потом он ткнул себя в грудь: «Osterreich!» Я понял, что он австриец. По дороге австриец спросил, откуда я. Ответил, что москвич.

Миновали кладбище. За церковью была площадь. На площади несколько костров освещали телеги, лошадей и спящих между ними солдат. Австрийцы передали нас офицеру и пошли назад. Офицер подозвал двух солдат с карабинами. Они отвели нас ближе к кострам, где на деревьях были подвешены туши коров. Доходчиво нам объяснили, чтобы мы сидели тихо, иначе будут стрелять!

Улеглись прямо на земле, но долго не могли заснуть, надо было переварить случившееся... После обмена

мнениями мы пришли к выводу, что нас выдал кто-то местный, из деревенских. По всей вероятности, тот мужичок, что был возле хаты. Видно, чем-то ему насолила советская власть, и он с радостью помог врагам, выдал нас.

Раннее утро в украинской деревне встретило нас шумной бранью и суетой. Кругом сновали немцы, громко переговариваясь между собой. К нам, четверым, подсадили еще двоих русских пленных. Пригляделись при свете дня к селу. Оно было большое, поэтому, наверное, немцы и выбрали его для расположения своей механизированной части. На центральной площади села стояли тягачи, грузовики, телеги, повозки.

Примерно через час нашу группу повели под конвоем автоматчиков к дороге. Там уже стояли несколько повозок, запряженных лошадьми. Пленных расположили в середине этой колонны, и вся вереница тронулась по дороге на запад. Миновав село, дорога вышла в поле.

Шагаем быстрым шагом, едва поспевая за обозом. Солнце уже высоко. На выгоревшем небе ни облачка. Утреннюю прохладу сменил полуденный зной. Украинская степь дышит жаром. Сильно хочется пить, да и голод дает себя знать. Усталые и голодные бредем мы, подгоняемые окриками конвоя.

Прошли от села примерно с десяток километров, когда над нашими головами в белесом и безоблачном небе появилась пара наших истребителей. Они летели на большой высоте и казались маленькими пчелками. Я сразу подумал о своем брате Юрии: где-то он сейчас? С самого начала войны я не получал от него писем. Ведь он летчик и тоже, наверное, где-то на фронте дерется с немцами.

Наша колонна остановилась. Немцы с любопытством следили, прикрывшись от солнца ладонями, за самолетами. Никто и не думал покинуть колонну до тех пор,

пока от самолетов не отделились две темные точки. Немцы рассыпались по обочине, залегли в кювет. Пролетев некоторое расстояние, точки рассыпались множеством белых листков бумаги. Они летним снегопадом, кружась и разлетаясь окрест, устилали степь и дорогу.

Немцы подняли несколько листков. Прочитав их, они громко расхохотались и изорвали их в клочья. Мы тоже подняли пару листков. Текст был написан по-немецки. А самолеты, удачно «отбомбившись», быстро скрылись за горизонтом. Другой груз они должны были бы сбросить, с большей пользой!

Кстати, наши самолеты за все время боев и отступления мы видели над головами лишь один раз. Тогда в небе произошел очень быстротечный бой двух наших фанерных «ястребков» с двумя «мессершмиттами». Наши самолеты один за другим зачадили густым черным дымом и ярко вспыхнули. Они свечками быстро устремились к земле. Летчики так и не успели воспользоваться парашютами...

Вот вдали показалась какая-то деревня. Наша колонна постепенно вползает на деревенскую улицу. Останавливаемся у большого дома. Это, по всей вероятности, бывшая барская усадьба с высоким и широким крыльцом. Потом, в советское время, там был устроен сельсовет, от которого еще осталась вывеска. Пленным велели ждать, пока один из конвоиров пошел в дом докладывать о нашем прибытии.

Присели на траву и оглядываемся кругом. Возле дома, вернее, за домом небольшой пруд в тени старых, раскидистых деревьев. На его берегу стоят зенитки, направив стволы почти вертикально вверх. Жара. Немцы поят своих лошадей, а потом, загнав их в пруд, моют. Они и сами с удовольствием плещутся, со смехом обливая друг друга водой. Возле зениток сидит крепкий, упитанный солдат. На нем лишь трусы и короткие сапоги с широкими голенищами. Солдат с аппетитом уплетает жареную курицу. А мы-то уже два дня не ели... Глотая слюнки, отворачиваемся.

На крыльцо вышел наш конвоир в сопровождении какого-то мужчины в широких брюках и белой косоворотке, обтягивающей арбузоподобный живот. С усмешкой, оглядев нас, он произнес: «Здрате, соотечественники! На что изволите жаловаться?» Он ехидно ухмыльнулся. Почти в один голос мы сказали, что уже двое суток ничего не ели. «А что же Сталин вас не накормил?» — опять съехидничал он. И, грузно развернувшись, ушел в дом.

Через некоторое время он опять появился на крыльце. Он вынес нам банку тушенки и полбуханки черного хлеба. Мы все это с жадностью мигом проглотили.

Не успели мы доест, как к дому подъехала крытая брезентом грузовая машина. Из кузова на землю прыгнули один за другим трое солдат, вооруженных автоматами. Они с нескрываемым любопытством разглядели нас. Видно, они впервые видели пленными своих противников. В это время на крыльце появился офицер в сопровождении толстяка. Солдаты застыли по стойке «смирно». Офицер что-то коротко скомандовал им, и нас стали заталкивать в кузов грузовика. Один из солдат сел в кабину, а двое залезли к нам в кузов и сели около заднего борта. Машина тронулась и, набирая скорость, покатила по ухабистой и пыльной дороге.

Брезентовый полог сзади был откинут, поэтому мы могли видеть, куда нас везут. Пыль клубилась за машиной, а мы с тоской смотрели на убегающие от нас родные просторы... Вот и окраина города Проскурова, где я начинал еще совсем недавно свою службу. Проехав город, машина несется уже по шоссе на дороге все дальше и дальше на запад. Навстречу нам непрерывным, нескончаемым потоком идет колонна военной техники, армада армии вермахта.

К вечеру нас привезли на товарную станцию города Тернополя. На ступеньках пакгауза, на шпалах и просто на земле сидели наши пленные красноармейцы, человек сто пятьдесят — двести. Наши конвоиры велели нам сойти с машины и присоединили нас к остальным пленным. Наше появление не вызвало никакого интереса

у понурых и усталых людей. Примерно через час всех построили в колонну, и конвой повел нас по улицам Тернополя...

ПЕРВЫЙ ПОБЕГ **(Украина, Тернополь, июль 1941 года)**

Солнце нещадно палит. Июльская жара выматывает военнопленных, растянувшихся колонной по пыльной улице Тернополя. В растегнутых гимнастерках, в пилотах и без них, с шинелями под мышкой, с вещмешками и без них, идем мы, запыленные и усталые. Немцы тоже утомлены жарой, но все же периодически подталкивают отстающих прикладами и злобными окриками. Идем в неизвестность. Замыкают колонну раненые, которым достается от конвоя больше других. Здоровые по мере возможности помогают идти своим товарищам по несчастью, так как немцы могут пристрелить отставших красноармейцев.

Около низенькой православной церкви улица резко сворачивает вправо. Приближаясь к церковному кладбищу, я и другие красноармейцы слышим в голове колонны шум и озлобленные крики немцев. Подходим ближе и видим деревянные кресты на могилах немецких солдат. Захоронение совсем еще свежее. На каждом кресте повешена солдатская каска, но с одного из них она сброшена на землю. Да не просто сброшена, а еще и перевернута и осквернена испражнениями! Должно быть, до прихода нашей колонны никто еще не обратил на это внимания. Немцы от такого надругательства над могилами соотечественников пришли в ярость. Они стали бить всех пленных прикладами, вымещая свою злобу на безоружных людях. Они били и здоровых, и раненых, еле стоявших на ногах, измученных тяжелым переходом. Многие из них падали, но и упавших били коваными сапогами. Постепенно ярость утихла, колонну вновь собрали и погнали дальше.

Кривая улица, поднимаясь в гору, постепенно вывела нас на окраину города. Колонна замедлила шаг, поднялась и остановилась. На пустыре, на окраине Тернополя, стоял большой четырехэтажный дом из красного кирпича. Впоследствии мы узнали, что до прихода немцев он служил казармой для красноармейцев. На пустыре были устроены спортивные площадки и плац. Еще висели бодрые плакаты: «Чужой земли нам не надо, но и своей ни пяди не отдадим!», «Крепи оборону, Рабоче-Крестьянская Красная Армия!».

Как больно было видеть нам, пленным красноармейцам, эти бравурные лозунги на фоне серых немецких мундиров! А перед войной сколько песен, статей, кинофильмов и другой агитации выходило! «Броня крепка, и танки наши быстры...» Где они, эти быстрые танки с крепкой броней? Где «самые лучшие и самые быстрые советские самолеты»? Видели мы их, но сожженными на обочинах дорог и на аэродромах. Даже трехлинейки образца 1898 года получил не каждый новобранец. Был приказ добывать оружие в бою, то есть взять у павших товарищей. Как такая армия могла воевать? Обидно нам было за нашу огромную и многострадальную Родину, жалко было молодых замечательных ребят, так рано сложивших свои головы! Эх вы, «великие политики», «отцы народов»! Вот такие печальные и горькие мысли пронеслись в голове.

Эта казарма, вернее, ее двор стал первым для нас концлагерем. Казарма была обнесена дощатым забором по всему периметру. Но с одной стороны забор был не достроен, видно, строительству помешала война. Там лежали бревна, доски и высилась куча песка.

Нас разместили во дворе казармы, а раненых загнали в спортивный зал, запретив нам входить в помещение. Нас покормили перловой баландой с кониной. Супом это пойло можно было назвать, лишь обладая большим воображением. Варили его на кухне во дворе. Да и такой-то баланды давали очень мало, лишь бы мы не умерли с голоду.

В один из дней немцы привезли в лагерь лошадиную тушу. Положили ее в каком-то сарае во дворе. Охрану не поставили. Изголодавшиеся пленные ночью залезали в этот сарай и отрезали куски мяса от туши. Затем их тайком варили на кострах и ели. Когда немцы спохватились, то от туши остался скелет и кишки. После этого случая они уже были осмотрительнее и поставили часового у сарая.

Лагерь стоял на горе, и поэтому нам были хорошо видны окрестности на юго-восток от него. Смотрели мы на волю из-за забора и невольно искали пути выбраться из неволи. Видно было далеко. На горизонте, скрываясь в голубой дымке, виднелась шапка леса, а ближе к городу змеилась, временами исчезая в зарослях кустов, быстрая речушка. Она пропадала из поля зрения у самого лагеря. Дни стояли жаркие, а ночи теплые. Дождей не было, и мы не испытывали неудобства от сна на свежем воздухе.

Однажды утром, когда мы доедали свою баланду, к нашей группе подошел высокий немецкий ефрейтор. Он тростью выбирал, кому из пленных идти с ним на работу. Вот трость опустилась и на мое плечо. Я встал в строй отобранных для работ по лагерю. Подошел конвой, вооруженный винтовками. Пленных разделили на группы по четыре—шесть человек. Через переводчика ефрейтор объяснил нам, что мы будем достраивать дощатый забор вокруг лагеря. Подошли к углу забора, где были бурьян и крапива. Мне и моему напарнику выдали лопаты. Нам нужно было копать ямы под столбы.

Копаем и тихонько переговариваемся. Парень оказался лейтенантом, родом из Воронежа. Хотя на гимнастерке и не было знаков различия, было заметно, что он из командного состава. Это видно было по галифе с красной полоской и по довольно длинным волосам (рядовые были острижены наголо). Слово за слово, и разговор перешел на возможность побега из лагеря. Я изъявил горячее желание скорее вырваться на свободу. Обсудили, орудя лопатами, варианты побега. Я пред-

ложил бежать на юг, идти вдоль речки, минуя город, а затем уже повернуть на восток. Лейтенант не согласился, ссылаясь на то, что мы потеряем много времени. Он сказал, что пойдем через город, так как таких, как мы, много сейчас бродит вокруг, и на нас не обратят внимания. Пришлось согласиться, полагаясь на его опыт командира.

В это время наш конвоир, пригретый солнышком и разомлевший, перекуривая, оживленно переговаривался с другим солдатом. Оба они расстегнули мундиры и сняли ремни, лишь изредка поглядывая на нас. День уже клонился к вечеру, и солнце скатывалось в сторону заката. Красновато-оранжевые лучи его уже не припекали. Тени становились длиннее.

Улучив удобный момент, мы ползком, через бурьян, обжигаясь крапивой, скатились вниз по склону. Внизу обернулись — все тихо, никакой тревоги. Пригибаясь, бежим, стараясь использовать кусты для прикрытия. Держим направление в сторону городского моста через реку.

Вот вдаль увидели бревенчатый мост. Мы решаемся выйти на дорогу, ведущую к нему. На шоссе вливаемся в поток беженцев и машин, движущихся к мосту. К этому времени солнце уже село и наступили сумерки. Мы уже удачно перешли мост, когда к нам навстречу вышли трое в гражданской одежде. На рукавах у них были желтые повязки. На плечах висели наши русские винтовки. Они по-украински спросили у нас документы. Не успели мы сказать: «Товарищи, какие у нас...» — как при этих наших словах они выругались по-украински и наставили на нас винтовки. Один из них, подняв винтовку вверх, несколько раз выстрелил. Тогда мы поняли, что нарвались на западноукраинских националистов. Они были очень озлоблены присоединением Западной Украины в 1939 году к СССР.

Вскоре на выстрелы прискакали несколько всадников из военно-полевой жандармерии. Тот, который стрелял, наверное старший в патруле, что-то объяснил

жандармам по-немецки. Нам велели снять сапоги, и, подгоняемые пинками всадников и смехом полицаев, мы двинулись в обратный путь. Миновали мост, и дорога пошла в гору. Жандармы пустили лошадей рысью, заставляя нас плетками бежать впереди. По дороге они весело переговаривались, видно обсуждая удачную поимку беглецов.

Бежать в гору босиком невыносимо тяжело, пот заливает глаза, спотыкаемся, падаем и вновь бежим, в кровь сбивая ноги.

Дорога свернула влево, и вдаль мы увидели ворота нашего лагеря, будку охраны. При нашем приближении из караульной будки вышли несколько солдат. Немного переговорив, жандармы передали нас лагерной охране. Два немца схватили лейтенанта и, заломив ему руки за спину, подгоняя пинками, повели в сторону открытой двери подвала. Он находился под казармой.

Настала и моя очередь. Мне также заломили руки за спину и подвели к открытому дверному проему. Крутая лестница вела в подвал. Неожиданно я получил сильный пинок сзади и полетел вниз. Но получилось так, что в тот момент немец, державший мою правую руку, не отпустил ее. Уже падая, почувствовал в плече резкую боль и хруст. От неожиданной и резкой боли вскрикнул и скатился по ступенькам вниз. Мне вслед полетели мои сапоги и шинель.

Пытаюсь встать и вправить вывихнутую руку, но острая боль пронзила как током. Правая рука повисла плетью и не слушается. В подвале горит тусклая лампочка, цементный пол усыпан мукой. По всей вероятности, здесь хранятся запасы муки или мелют зерно. Ко мне подошли два немца. Один из них — высокий и тощий, а второй — маленький и толстый. Оба в холщовых фартуках и сапогах, припорошенных мучной пылью. Похожи они были на популярных тогда Пата и Паташона. Жестом мне приказали взять свои вещи и идти вперед по длинному коридору. По обе стороны были двери кладовых.

Когда я дошел до конца коридора, меня втолкнули в просторное помещение, заполненное до потолка мешками с мукой. Там уже шел допрос лейтенанта. При ярком электрическом свете я увидел сильно избитого моего товарища по побегу. Его допрашивали двое. Посреди комнаты стоял табурет, один немец стоял, а другой сидел на мешке. Поочередно следовали команды: «Сесть!», «Встать!». Если лейтенант задерживался с выполнением команды, его били кулаками, а упавшего добивали коваными сапогами. Из всей немецкой речи я мог понять только слова «комиссар» и «коммунист». Очевидно, немцев, как быков на корриде, бесили красные лампы командира. Лейтенант уже не мог держаться на ногах, и его под руки уволокли два солдата.

Вот настал и мой черед. Первые слова допроса были: «Комиссар? Комсомол?» Я отрицательно покачал головой, держась за больную руку. Рука нестерпимо болела. Боль, пульсируя, разливалась по телу. Удар сзади свалил меня на пол.

Немцы вдвоем бьют по животу, по спине — по чему попало. Это занятие их очень забавляет. Чувствую сильный запах винного перегара.

Вошли еще двое — те, что увели лейтенанта. У каждого из них в руке было по крепкой деревянной палке. Они о чем-то с азартом рассказывали моим палачам. Те, вдоволь насмеявшись, продолжили прерванное занятие. Опять меня сбили с ног. Один из них сапогом наступил мне на шею, прижав мое лицо к цементному полу так, что стало трудно дышать. Двое подняли мешок с мукой и положили его на меня. Затем другой мешок. На эти мешки взобрался тот, который наступил мне на шею. Сильно болела рука, разбитые губы распухли, из левого уха текла кровь и капала на цементный пол. Под тяжестью мешков и немца я почти задохался. В довершение пытки меня стали бить палками по пяткам. Удары сыпались все чаще и сильнее. Я уже не ощущал отдельных ударов, они слились в одну жгучую и пульсирующую боль. Постепенно мое сознание угасло...

Очнулся оттого, что меня облили водой, подняли и положили на мешок. Стоять я был не в состоянии. Казалось, что ноги мои опущены в расплавленный металл. Перед глазами плыли радужные круги и все раскачивалось кругом и расплывалось. Через некоторое время пришел переводчик. Он сказал, что били меня по ногам, чтобы я больше и не думал бежать. А если такое случится, то меня расстреляют на глазах у всего лагеря. Чтоб другим неповадно было. Затем два солдата отволокли меня в темное соседнее помещение и бросили туда же мои вещи.

Провел я там два дня без еды наедине со своей болью. Никто ко мне не заходил. Утром третьего дня пришел переводчик в сопровождении двух немцев. Он еще раз повторил то же, что сказал после наказания. Добавил, что немцы меня прощают и переводят к раненым в спортзал. Они ушли.

Прошло некоторое время, возможно несколько дней, и в мой каземат вошли двое пленных. Осторожно они подняли меня, но я все же вскрикнул от боли в плече. Оно за это время сильно опухло. Вынесли меня на яркий солнечный свет. И, несмотря на боль, радость переполнила меня: Я ЖИВ!!!

Внесли меня в помещение спортзала. Удушливый смрад от гноя и крови. На полу вповалку лежали раненые красноармейцы. Для перевязки они могли использовать только свое нижнее белье. За тяжелоранеными ухаживали те, кто мог еще передвигаться. Невыносимая вонь заставила меня почти ползком выбраться на свежий воздух. Там меня встретили расспросами мои товарищи: где я был? что случилось? Рассказал о неудачном побеге и наказании. Они, чем могли, накормили меня и, уложив здесь же, на земле, укрыли шинелью.

Медленно заживали побои. Еще долго я не мог ходить, так как ноги распухли и не слушались. Больше всего донимала выбитая рука, хотя мои товарищи несколько раз пытались ее вправить. Но молодость брала свое, и жизнь продолжалась...

Примерно через неделю, в полдень, всех, кто мог ходить, построили в колонну. Пленных повели через весь город на железнодорожную станцию. Там нас уже поджидал состав из товарных вагонов. Он состоял из платформ и крытых полувагонов. Они чередовались: полувагон, две платформы, полувагон и так далее. На тормозных площадках полувагонов были установлены пулеметы, а на крышах прожектора. Перед посадкой немцы через переводчика предупредили, что стрелять будут без предупреждения, если кто-то посмеет подняться со своего места. Сидим и ждем отправления. Уже стало темнеть, когда состав, лязгнув буферами, медленно тронулся в путь. На запад, в неизвестность...

Стучат колеса. Ярko светят прожектора. Мимо в ночной темноте проносится наша земля, захваченная врагом. Перестук колес не умолкает, ни одной остановки, никаких ориентиров. Под утро остановились в предместьях Львова. Конвой разрешил нам немного размяться, не отходя от вагонов. Местные жители с любопытством разглядывают нас. Хочется пить. Кто-то из пленных просит принести воды. «Сталин напоит!» — со злобой ответили ему. Привал окончен, опять залезаем на платформы. И стучат колеса, стучат: на запад, на запад...

ЭТАП

(Перемышль—Ярослав, июль 1941 года)

Наш товарняк прибыл в город Перемышль к полудню. Немцы согнали нас, подгоняя бранью и пинками, на товарную площадку возле вокзала. Стоим мы в ожидании и видим, что к перрону подходит пассажирский состав. На платформе и на железнодорожных путях под немецкой охраной работают евреи. Это мужчины и женщины разного возраста с желтыми треугольниками на груди и на спине. Они убирают мусор на платформе и путях. Кто-то подбирает мусор метлами и лопатами, а кто-то — просто руками. Из подошедшего состава на-

чинают выходить сами и с помощью санитаров раненые немецкие солдаты. Они прибыли с востока. Невольно стало радостно от мысли, что бьют их наши товарищи на просторах России! Из вагонов выходили на костылях, с перевязанными головами, с руками на перевязи люди в серой форме — наши враги. Тяжелораненых выносили на носилках санитары. Но вот несколько санитаров подошли к евреям-уборщикам и заставили их выносить раненых на себе. Презрение к евреям немцы выражали по-разному: одни старались пнуть ногой, другие плюнуть в лицо. И такое скотское отношение к подневольным и униженным людям, оказывающим им же помощь!

Постепенно вагоны опустели, и раненых погрузили в санитарные машины. На платформе остались только советские военнопленные. Немецкий конвой, подгоняя ударами прикладов, «помог» нам построиться в колонну, и мы двинулись в сторону города. По пыльной дороге идем недолго. В стороне от дороги стоит разоренная церковь. Вокруг нее следы недавнего пребывания здесь немецких войск: пустые ящики от снарядов, разбитые телеги, мусор. Нашу колонну пленных загнали в церковь и заперли за нами тяжелые кованые двери. Внутри просторной церкви немцами была устроена конюшня. Вдоль стен были построены стойла для лошадей. На полу конский помет, солома, битые стекла и следы недавнего пожара. Располагаемся на грязном полу, кому повезло — на соломе, а кто и так, постелив свою шинель. Измотанные долгой дорогой, голодные, мы забываемся сном.

Утро. Наскоро покормив баландой из походной кухни, конвой построил нас в походную колонну. Опять идем пыльной дорогой окраиной Перемышля. Война почти не оставила здесь своего следа. Мосты, через которые мы проходили, остались невзорванными, дома неразрушенными. Вдоль дороги немцы уже успели установить свои дорожные указатели и плакаты. Один из них мне хорошо запомнился. На нем был изображен

немецкий солдат-освободитель, пронзающий штыком красноармейца, убившего ребенка. Благородное лицо арийца и в зверском оскале лицо нашего солдата... Какая нелепица!

Город кончился, и мы идем дорогой вдоль широких украинских полей. Время к полудню. Солнце нещадно палит, мучает жажда, но привала все нет и нет. Колонна вытянулась вдоль шоссе, усталые ноги заплетаются. В хвосте колонны слышатся винтовочные выстрелы, охранники добивают обессилевших раненых. Ударами прикладов по нашим спинам конвоиры заставляют идти быстрее, подтянуться. А навстречу нам идет поток немецкой военной техники и грузовики с солдатами. Они потешаются, глядя на нашу колонну, с любопытством фотографируют. И проносятся мимо машины, обдавая нас пылью и копотью.

Вот первые ряды остановились, остальные постепенно подтягиваются. Сами немцы уже устали и разрешили нам оправиться. По обе стороны дороги мы разошлись по картофельным полям.

Привал недолог. Опять строимся в колонну, но некоторые из пленных далеко отошли в поле. Два конвоира вскидывают винтовки и почти одновременно стреляют. Мы видим, что два наших товарища остались лежать неподвижно среди невысоких кустиков картошки. Остальные бегом спешат в строй. И мы под палящим солнцем продолжаем свой скорбный путь...

На закате солнца мы приближаемся к одиноко стоящему у дороги дому. Вернее, от дома остались одни только наружные стены, остальное все сгорело. Здесь, видно, уже ждали нас. Рядом с развалинами расположилась походная кухня с баландой для нас. Повар с закатанными рукавами мундира большим черпаком разливал баланду. Он, потешаясь, смеялся над нами, ведь почти ни у кого не было с собой посуды. Мы подставляли свои пилотки, шинели. Устраиваемся. Кто — на кирпичях, кто — на обугленных бревнах, а кто — прямо на земле. Пленные руками выгребали из пилоток и ши-

нелей остатки баланды, стараясь утолить голод. И вот, несолоно хлебавши, опять выстраиваемся на дороге для продолжения пути. К вечеру поток транспорта несколько редее. Движение на шоссе затихает.

Солнце уже зашло, и наступили сумерки, когда наша нестройная колонна подошла к наскоро построенному лагерю. Посреди степи на столбах натянута в несколько рядов колючая проволока. Створки ворот тоже густо затянуты колючей проволокой. По углам забора стоят вышки с пулеметами и прожекторами.

Колонна пленных медленно проходит вдоль забора. По другую его сторону стоят наши «отцы-командиры» в расстегнутых кителях и гимнастерках, без пилоток и фуражек. Грустное зрелище! Проходим мимо и слышим из-за колючей проволоки: «Ребята, где фронт?!» А из колонны отвечают: «А это вас надо спросить, где фронт! Воевать-то собирались на чужой территории, малой кровью!» Что они могли нам ответить?

Из всех командиров мне запомнился особенно ярко один. Он стоял у самой проволоки, держась за нее руками. Среднего роста, коренастый седеющий мужчина в выгоревшей на солнце гимнастерке. У него, как и у большинства пленных командиров, были сорваны знаки различия. А выдавали его принадлежность к комсоставу лишь красные лампасы на галифе.

Он напоминал мне подбитого орла, погибающего, но полного решимости бороться! С надеждой он обращался ко всем, проходившим мимо, с вопросом о положении дел на фронте. Видно, он попал в плен в первые дни войны, возможно еще на границе. Как обидно было ему слышать упреки от пленных красноармейцев в неподготовленности армии к войне!

Лагерь разделен на две части колючей проволокой. В одной части были собраны командиры Красной армии, а в другой рядовые красноармейцы. Бараки были построены совсем недавно и еще желтели свежим деревом. Уже в густых сумерках колонна серой бесформенной массой втянулась за колючую проволоку лагеря.

Нас загнали прикладами в тесный барак. На ночь всем едва хватило места, чтобы расположиться сидя на корточках. Пленные сидели прямо на полу барака, тесно прижавшись друг к другу. В бараке было темно и душно, тяжело дышать. В разных концах барака слышались споры и ругань из-за места на полу. Пол был выложен красным кирпичом. Параша стояла в тамбуре, и если кто-то поднялся со своего места по нужде, то обратно уже вернуться не мог, так как его место уже было занято.

Вдруг громко и уверенно зазвучал чей-то голос: «Товарищи! Будьте стойкими! Наше отступление временное, скоро мы погоним эту сволочь с нашей земли! Не падайте духом, товарищи!» — закончил он с пафосом. Всеобщая тишина. Каждый обдумывал сказанное. Затем посыпались вопросы: «Где линия фронта?», «Где наша авиация, где наши танки?», «Почему нас погнали на фронт без оружия?». Этот шум услышали немцы и стали стучать в стену барака. Разговор продолжался шепотом, но постепенно затих.

Усталые и измученные люди впадали в тяжелую дрему. Согрела их лишь мысль, что не все потеряли уверенность в нашей скорой победе. Надо крепиться, надо выстоять!

РЯДОМ ГОЛЛАНДИЯ **(Германия, Меппен, осень 1941 года)**

Из концлагеря города Ярослав нас пригнали на станцию, где погрузили в телячьи вагоны. Узкие верхние окна были затянуты колючей проволокой. Широкие раздвижные двери были плотно закрыты и заперты снаружи. Состав идет на запад... Горячие лучи полуденного солнца раскалили железную крышу нашего вагона, стало трудно дышать, мы обливались потом. Я и мой друг Виктор Алешин расширили, чудом уцелевшим ножом, щель между вагонными досками. Мы приникли

к ней и жадно глотали кисло-сладкий воздух Германии. Как же он отличался от нашего родного воздуха России! Наш воздух был напоен настоем луговых трав и запахом наших лесов. Им не надышишься! А здесь даже воздух чужой. В узкую щель были видны пронесившиеся мимо аккуратные немецкие хутора, поселки, городки.

Иногда на больших станциях поезд останавливался, и нас выводили на платформу. Там под звуки духового оркестра нам раздавали похлебку. И, что удивительно, давали ее нам немки в белых крахмальных фартучках и чепчиках! Но, что удивило нас еще больше, наливали они похлебку в чистые фаянсовые тарелки! Мы, изголодавшиеся за долгую дорогу, моментально опустошали эти тарелки и, чисто вылизав их, отдавали обратно. После недолгой остановки опять нас загоняли в душные вагоны. Поезд, медленно набирая ход, устремлялся на запад, в глубь Германии.

Вот и конец нашего пути, город Меппен, вблизи германо-голландской границы. Нас, русских военнопленных, построили на платформе и строем повели по улицам города. Кругом высокие серые дома, непохожие на наши. Улицы вымощены черным брусчатым камнем. Гулко отдаются наши шаги на узких и пустых улицах старого города. Наша колонна свернула налево, неожиданно оказалась на окраине города. Еще полчаса идем пустырями. Вот вдали показался опутанный колючей проволокой концлагерь. По всем углам стоят сторожевые вышки. На них установлены пулеметы. Пройдя через широкие ворота, так же густо опутанные колючей проволокой, мы попали на административную территорию лагеря. Там располагались казармы охраны лагеря, кухня, административные здания. Дальше проходим через другие ворота в барачную зону. Она разделена дорогой надвое. С одной стороны дороги стоят четыре барака, и с другой четыре. В конце лагеря дорога кончается просторной площадкой-плацем. Весь лагерь в несколько рядов обнесен колючей проволокой. Первый ряд — невысокая ограда, метра полтора высотой. Вто-

рой ряд — спиральный вал колючей проволоки. И последний, третий ряд — высокая изгородь из колючей проволоки на деревянных столбах под током высокого напряжения, а по углам ее стоят пулеметные вышки с прожекторами.

Пустые дощатые бараки внутри были разделены на несколько помещений, рассчитанных на 10—12 человек. Полы в них также дощатые. При входе и выходе имелись тамбуры. В спальнях помещения были устроены низкие нары на деревянных столбах. Разместились мы со своим скудным скарбом в новом месте.

Вокруг лагеря была безлесная, кочковатая местность, покрытая травой. На кочках рос низкорослый кустарник, похожий на брусничник, но колючий и цепкий. Погода резко изменилась. Солнце редко радовало нас своим появлением. Почти постоянно дул холодный, пронизывающий ветер. Низкие серые облака часто приносили холодные дожди. С утра всех военнопленных выгоняли на плац. Чтобы хоть ненадолго укрыться от пронизывающего ветра, мы прятались за стену барака. Но охрана палками и пинками опять сгоняла нас на открытый всем ветрам плац. Даже в проливной дождь нам приходилось сидеть прямо на земле, прижавшись друг к другу. Если охрана с вышек замечала какое-то движение среди военнопленных, то следовала пулеметная очередь. Раненых и убитых с плаца уносили только вечером, когда остальных загоняли по баракам. Однажды мы все же решились спрятаться от дождя в бараке. Тогда охранники натравили на нас сторожевых собак, которые с остервенением рвали одежду узников, кусали за ноги измученных людей. Крики, ругань и стоны огласили лагерь.

Каждому лагерю военнопленные давали какое-то свое название, характерное для него, например «Польский» (там поляки были полицияями), «Дальний» и т. д. Этот лагерь назывался «Бардачный». Здесь баланду выдавали кому во что: в пилотки, в консервные банки, в шинели, в гимнастерки. Буханки хлеба бросали прямо

в толпу пленных, которые сразу же раздирали ее на лету. Происходила свалка, а порой и драка за кусок хлеба. Немцы это все наблюдали со стороны, весело обсуждая происходящее. Вволю позабавившись, они палками разгоняли дерущихся.

Голод был такой, что мы выкапывали и ели корни травы, грызли случайно найденные старые кости, ели гудрон, которым были облиты крыши бараков, — ели все. Дизентерия и отравление — частые причины смерти пленных. Почти все страдали расстройством желудка, пухли от голода. Запомнился один случай. Утром, когда мы вышли из барака умыться, увидели на высоком бетонном сооружении канализационной системы человека. Он стоял в полутора метрах над землей на крышке колодца босой, в галифе и гимнастерке. Немцы заставили его простоять целую ночь, постоянно поворачиваясь кругом на чугунной крышке колодца. На груди его повесили фанерную табличку: «Я обоссался». Видно, дизентерия довела его, и он испачкал свое белье. Немцы поставили его на ночь в назидание остальным. Вот и стоял он на холодном ветру, сгорбившись, перед всем лагерем и поворачивался, переступая с ноги на ногу. А на его месте мог быть любой из нас...

К вечеру в лагерь вернулась группа военнопленных с работы у бауэра. Им повезло. В лагерь они принесли собранные на дороге и в поместье окурки сигарет и сигар. После отбоя можно было выменять у них за кусок хлеба немножко курева и отвести душу. Утром весь лагерь столпился у ворот в надежде попасть на работу к хозяину и пожить там куревом. Но бауэр забрал на работу к себе только вчерашнюю группу.

Бригаду, в которую попал я, направили на торфоразработки. По ровному полю проходила широкая и глубокая канава. Ее берега уступами спускались к черной болотной жиже внизу. Нам раздали лопаты. Мы должны были аккуратно нарезать лопатами брикеты торфа, по транспортеру доставлять их на верхний уступ и складывать там для просушки. День выдался сырой, туманный.

От черной болотной воды поднимались зловонные испарения. Немцы то и дело подгоняли обессиленных пленных ударами палок и прикладов. Мокрые, тяжелые брикеты все с большим и большим трудом укладывали мы на бесконечную ленту ненавистного транспортера. Когда охрана теряла бдительность, один из нас подкладывал под ролик транспортера черенок лопаты или палку. Лента слетала с роликов, и мы могли некоторое время отдохнуть, пока чинили транспортер. Но немцы скоро раскусили нашу хитрость и стали жестоко наказывать за саботаж. Они, при поломке транспортера, нещадно били всех, кто оказывался рядом, не разбирая, кто прав, кто виноват. Тогда русская смекалка подсказала нам другие способы испортить ненавистный механизм. Мы, заранее договорившись, одновременно бросали на ленту в одном месте большое количество брикетов. Получалась перегрузка транспортера или затор из тяжелых брикетов на его верхнем конце. Опять мы могли отдохнуть.

Так прошел этот день. За все время работы нас ни разу не покормили, хотя конвоирам привозили из лагеря горячий обед. Они, сыто вытирая губы после еды, нехотя понукали нас: «Los! Los! Russische Schwein!» Что бы ни говорили, лишь бы не били. К вечеру нас, усталых и грязных, повели в лагерь.

При входе в ворота лагеря мы увидели привязанного к столбу лагерной ограды пленного. Он стоял на коленях. Руки и ноги его были связаны вместе колючей проволокой и привязаны к столбу за спиной. Перед ним стояла миска с баландой, до которой он не мог дотянуться. Около провинившегося стоял и курил немецкий солдат, посмеиваясь над ним. Молча наша группа прошла в свой барак мимо несчастного. В бараке нас сразу же окружили товарищи, спрашивая у нас табачка. Голодные и злые, мы отталкивали назойливых просителей. В этот день все «торфяники» оказались без обеда. Оказывается, тот парень у столба залез в открытое окно кухни и хотел стащить кусок хлеба, но был пойман поварами и так жестоко наказан. И это за кусок хлеба!

Через несколько дней по лагерю прошел слух, что нас поведут мыться в баню. Наконец-то можно будет помыться, отпарить многодневную грязь! Весь лагерь зашевелился в ожидании бани. Нас уже основательно донимали вши, быстро плодившиеся на грязных телах. Теперь-то мы сможем привести себя в порядок!

Действительно, после обеденной баланды нас построили и повели в открытое поле. Минут сорок вели нас по кочкам, и многие из нас успели продрогнуть на ветру. Особенно те, кто успел сменять шинель и даже гимнастерку на пайку хлеба или табак. Были и такие, кто остался даже без сапог. Наконец нашу колонну повели к красному кирпичному зданию с высокой трубой. Здание было обнесено высоким бетонным забором. Нас оставили на поле под охраной, отделив группу из 10—12 человек. Их повели за ворота, а мы попрятались от холодного ветра за кочками на поле. Лежим и с нетерпением ждем своей очереди, завидуя первой партии счастливицков.

Но вот и я попал в банную группу, и нас ведут во двор. Два пленных поляка вывезли повозку с вешалками, и немцы велели всем раздеться и повесить одежду на вешалки. Поляки увезли тележку с одеждой. Нас, совершенно голых, повели в коридор бани. Там несколько пленников электрическими машинками избавили нас от всей растительности на теле. После этой процедуры при входе в банное отделение нас встретили два немца в клеенчатых фартуках. В руках у них были мочальные кисти, которыми они, обмакнув в керосин, мазали наши постриженные места. От керосина сильно щипало глаза и тело в местах стрижки. В огромном холодном помещении нас собралось человек тридцать.

Стоим и дрожим в ожидании своей участи.

Два немца, что мазали нас керосином, отложили в сторону ведра и кисти. Затем они взяли в руки по пожарному брандспойту и включили воду. Тугие струи с двух сторон ударили по обнаженным телам. Ледяная вода доставала всех, от нее нельзя было укрыться. Она

сбивала с ног, а упавшие служили забавой для немцев. Они направляли две мощных струи на упавшего человека, и он скользил по цементному полу, с криком ища спасения от боли и холода. Закончив «банную процедуру», немцы открыли другую, противоположную, дверь и выпустили нас прямо на улицу. Холодный ветер обдал наши мокрые тела. На наше счастье, поляки уже закончили дезинфекцию и вывезли окутанную горячим паром тележку с нашей одеждой. Одежда была так горяча, что обжигала руки. Но мы искали спасения от холода и старались быстрее натянуть ее на себя. Надолго запомнилась эта «баня», тем более что немцы в лагерях регулярно устраивали нам такое «мытье».

Однажды в лагере произошел такой случай. Четверо наших военнопленных, работая в хозяйстве у фермера, решили бежать. Отойдя уже на приличное расстояние от места побега, они встретили стадо овец с пастухом. Они зарезали одну из овец и задушили пастуха, как лишнего свидетеля. Здесь же, в лесочке, они развели костер, поджарили овечье мясо и стали его есть. За этим занятием их и застали немецкие солдаты с собаками. Беглецы попытались разбежаться по лесу, но одного из них пристрелили, а троих привели в лагерь и сильно избили. Об этом нам рассказал после наш переводчик.

На вторые сутки после неудачного побега на плац привезли бревна и доски. Из них соорудили виселицу. Строили ее военнопленные под надзором офицера и солдат. Сооружение было готово после обеда. Весь лагерь выстроили на плацу и довольно долго держали под охраной солдат с собаками. Появились пойманные беглецы со связанными руками. А позади них шли лагерные офицеры и... православный священник с крестом в руке. Когда вся процессия подошла к виселице, вперед вышел комендант лагеря с переводчиком. Он произнес короткую речь: «Совершен побег, то есть грубо нарушен закон рейха. К тому же они убили немецкого пастуха, за это полагается смертная казнь через повешение! Всех, кто попытается бежать, ждет такая же участь!» К при-

говоренным подошел русский священник. Маленького роста, с непокрытой головой, он перекрестил их, тихо прочитав что-то каждому. Грусть и сострадание были на его лице.

Подошли три рослых солдата и накинули беглецам петли на шею. Двое из них держались мужественно. Спокойно стояли они перед палачами, только бледность выдавала их волнение. И только третий, низкорослый и щуплый, упал на колени и подполз к офицеру. Он целовал немецкие лаковые сапоги и молил о пощаде. Офицер брезгливо отпихнул носком сапога труса. Два солдата подняли его под руки с земли и подвели к виселице. Комендант взмахнул рукой, и по его команде солдаты выбили из-под ног осужденных скамейку. Некоторое время они еще болтались, судорожно извиваясь, и затихли...

После этого немцы заставили нас бегать кругами вокруг места казни, повернув головы в сторону повешенных. Лай собак, крики охранников и наш страшный хоровод — все слилось в диком кружении. Еще три или четыре дня висела страшная троица в назидание нам, живым...

Тянулись монотонные дни лагерной жизни в борьбе за выживание. Голод, холод и издевательство охраны многим из пленных сократили срок пребывания в лагере.

Однажды в ворота лагеря вошла колонна пленных, одетых в новенькую форму солдат Красной армии. Только не было знаков различия и звездочек на пилотках. Их повели в бараки, через дорогу от наших. По их разговору мы поняли, что это западные украинцы. Они всем полком сдались в плен немцам, убив всех своих командиров и комиссаров.

Немцы встретили их несравненно лучше нас. Нам на ужин давали только так называемый «чай» из листьев. «Западникам» доставили в деревянных кадках вареный картофель в мундире и к чаю — большие металлические банки с яблочным повидлом. Они разбились на своей

половине на «сотни» и стали делить между собой провизию.

Мы наблюдали через дорогу за их пиршеством, глотая слюнки. Немцы, убедившись в полном спокойствии вновь прибывших, удалились к себе в зону. Мы только этого и ждали. Сразу все смешалось. Мы хватали руками повидло и картошку, рассовывали их по карманам и в пилюльки. Шум драки слышали ушедшие немцы и с руганью набросились на клубок человеческих тел. Они с остервенением били всех подряд, не разбирая, где русские, где «западники». Постепенно все разбрелись по своим баракам, перемазанные повидлом, избитые и изодранные. Долго еще слышался шум в бараках галичан.

Утром немцы выдали еду: нам как и всегда, а «западникам» — в руки «сотникам». Наши ребята быстро справились со скудным пайком и потихоньку стали просачиваться к баракам «западников». Те тоже быстро поели и удалились в свои бараки для утренней молитвы. Через раскрытые окна мы могли хорошо слышать слова молитвы на украинском языке. Около барачных душ — все ушли на богослужение.

Наши ребята этим и воспользовались. Они через открытые окна умудрились стянуть торбы с едой, шинели и другое барахло дезертиров. Но вот закончилось богослужение, и в наш адрес полетели совсем не богоугодные слова. Обнаружив пропажу, западники не решились идти на нашу сторону и ругали нас на чем свет стоит со своей стороны дороги. Дня через два их построили и этапом перевели в другой лагерь.

Вот такие воспоминания остались у меня о лагере «Бардачный». В конце рассказа хочу пояснить, как делили мы буханку эрзац-хлеба пополам с опилками на равные части. Так вот, в бараке у нас были самодельные чашечные весы, на которых мы могли довольно точно взвесить маленькие кусочки хлеба. Если же не было весов, то поступали иначе. Резали буханку на примерно равные кусочки по количеству пленных в бараке.

Раскладывали на чистую бумагу или платок. Один из группы поворачивался ко всем спиной и, указывая на первый кусок, спрашивал: «Кому?» Ему говорили имя или номер, и он передавал кусочек этому человеку. И так поочередно все кусочки. Считалось большим счастьем получить при дележе кусок горбушки...

ГОРЬКАЯ ГОРБУШКА

Случилось это в конце 41-го года в одном из концлагерей. До сих пор с горечью вспоминаю случай с простой горбушкой хлеба... Тот, кто прошел ад немецкого плена, хорошо знает цену пайка лагерного хлеба, испеченного из отрубей, древесных опилок и низкосортной муки. Вся еда наша состояла из жидкой баланды (водяного отвара капустных листьев) и скудного пайка эрзац-хлеба. Мы опухали от голода. Многие из пленных заболели дизентерией, так как ели все более-менее съедобное: траву, корни травы, почки деревьев, смолу с еловых досок и строительный гудрон с крыш бараков. Жевали и кожаные ремни.

Так вот, не обошла дизентерия и моего друга, Виктора Алешина. Долго страдал парень. От него шел отвратительный запах, солдатские штаны сзади были постоянно мокрыми, ведь мы очень много пили воды, чтобы как-то заглушить чувство голода.

С Виктором я попал в плен и прошел уже несколько лагерей. Он был, как и я, москвичом, с улицы Осипенко. До войны мы не были знакомы, хотя жили рядом. Отец его работал в ресторане «Прага» официантом и мало уделял внимания сыну. Виктор рос сам по себе, школу почти не посещал, связался с дурной компанией. Подрастая в такой среде, он научился ловко воровать, что помогло нам в плену. Он мог незаметно стащить с кухни что-то из съестного, хорошо спрятать нож, который не могли найти при обыске немцы. Частенько воровал у «зажиточных» пленных. «Богатыми» мы на-

звали пленных с Западной Украины. Они имели выгоду от обмена своих продуктов на одежду и обувь других пленных. Также хорошо жили и те, кто работал на кухне. Они питались значительно лучше других. Еще имели возможность подкормиться и получить курево те пленные, кого выбирали для работы бауэры. Мою дружбу Виктор очень ценил и поэтому делился со мной своей добычей. Но никогда не привлекал меня к своим авантюрам. Он говорил: «Вором надо родиться».

От постоянного поноса Виктор совсем потерял силы, и я решил его вылечить. Конечно, никаких лекарств у нас не было. Но я вспомнил, как моя мама лечила меня в голодные двадцатые годы от расстройства кишечника сухарями черного хлеба. Я стал собирать корочки от наших пайков.

Однажды мне повезло — при дележе досталась горбушка. Каждый пленный был рад получить горбушку. Он долго мог наслаждаться ею, размачивать слюной, обсасывать, смакуя. Я срезал с нее корку и все накопленные корки высушил на раскаленной печке. Сам я съел мякоть наших пайков. При сушке корочки сильно подсохли, уменьшились в объеме. С радостью отнес я эти корочки другу, думал обрадовать его и помочь ему вылечиться. Но Виктор подумал, что я обделил его, слабого и больного. Он расплакался и высказал мне свою обиду. Как же горько мне было выслушивать его незаслуженные упреки! Ведь он был самым близким другом в плену и я искренне хотел его вылечить! Видно, голод и болезнь помutilи его разум. Слезы текли по его заросшим щетиной, грязным щекам. Впалая грудь тяжело, с хрипом, дышала. У него обострился туберкулез. С трудом мне удалось доказать свое бескорыстие и желание помочь ему. Несколько дней еще лечил я друга сухими корочками и... **ВЫЛЕЧИЛ!** Он был мне благодарен и больше не вспоминал тот случай с горбушкой.

Дальнейшая судьба Виктора сложилась печально. Вскоре с туберкулезом он попал в лагерный госпиталь, где недели через две скончался.

Уже после войны я исполнил свой последний долг и нашел его семью. Их дом стоял возле Устьянского моста. Родители жили в большой комнате коммунальной квартиры. Мать его не работала, была домохозяйкой. С родителями жила и его сестра. Отец содержал всю семью, принося из ресторана каждый вечер остатки со столов и чаевые. Меня поразило полное безразличие родных Виктора, когда я сообщил им о его смерти в лагере. Отец воспринял это сообщение совершенно без сожаления. Я понял, что в детстве Виктор был лишен родительского внимания.

В моей памяти Виктор остался таким, каким я его встретил в Проскурове, еще до начала войны. Среднего роста, сухощавый, светлые русые волосы, типичный славянин. Брови начинались почти на переносице, и поэтому лицо имело всегда какое-то скорбное выражение, подчеркнутое двумя продольными складками над переносицей. Сутулая фигура и впалая грудь несколько портили его. Серые и очень выразительные, но печальные глаза сразу приковывали внимание собеседника.

Поражали его ловкие руки с тонкими пальцами вора-карманника. Он мог совершенно незаметно вытащить из чужого кармана любую вещь. Он мог бы стать, наверное, музыкантом, имея такие чуткие пальцы. Жаль, что ему не досталось в детстве ни родительского внимания, ни воспитания.

Вот таким был мой друг Виктор Алешин, с которым делили мы последнюю корочку хлеба...

ЛИНИЯ ЗИГФРИДА (Юг Германии, июнь 1942 года)

Где-то на границе Германии с Францией и Бельгией расположился среди высоких песчаных холмов небольшой лагерь для военнопленных. Типичный, один из многих лагерей, разбросанных по всей Германии. Он был окружен колючей проволокой в несколько рядов.

По углам стояли пулеметные вышки. Вокруг него унылый и однообразный пейзаж: желтые песчаные холмы, поросшие редкими и чахлыми сосенками. Поблизости не было никаких поселений. Мне пришлось пробыть в этом лагере не долго, но надолго запомнился мне он...

Сначала немцы использовали наш бесплатный рабский труд на строительстве шоссейной дороги. Нас заставляли ежедневно от зари до зари доставлять в вагонетках тяжелый сырой песок. Рельсы, по которым мы катили вагонетки с песком, были проложены по склону песчаного карьера. Загружали их на дне карьера. Потом, упираясь руками в железный борт, мы толкали вагонетки на верх песчаного холма, где и высыпали песок. Тяжелый труд выматывал голодных и обессиленных людей, поэтому мы старались меньше насыпать песка в вагонетки. Охранники, заметив это, ругались. Они били пленных палками, прикладами винтовок или сапогами, заставляя работать быстрее и загружать вагонетки доверху. То здесь, то там слышалось: «Schnell! Schnell! Los, los!» — подгоняли нас немцы. Мы были рады любой задержке в работе и использовали ее для короткого отдыха.

Однажды день выдался безоблачный, жаркий. Мы работали с самого утра без перерыва. К полудню еле-еле передвигали ноги, когда выдалось немного времени для отдыха. Расположились кто где мог, используя любое укрытие от палящих лучей солнца. Один из наших товарищей присел на буфер стоявшей на дне карьера вагонетки. В это время два солдата-охранника стояли и перекуривали на вершине песчаного холма. Они весело переговаривались, наблюдая за военнопленными. Один из них, шутки ради, толкнул сапогом пустую вагонетку, стоявшую рядом. Она, быстро набирая скорость, покатилась по рельсам вниз... Пленный, сидевший на буфере, слишком поздно увидел приближающуюся опасность. Все произошло так быстро и внезапно, что мы услышали только страшный крик, лязг железа и... мертвая тишина. Мы подбежали к месту трагедии, раскати-

ли вагонетки. Наш товарищ лежал окровавленный, изуродованный, с широко открытыми глазами, в которых навсегда застыл ужас. Подбежали охранники. Они разогнали толпу пленных, и один из них, перевернув погибшего носком сапога, что-то сказал своему напарнику. Все мы, потрясенные случившимся, молча стояли в стороне. Немцы, что-то обсудив между собой, заставили четверых пленных бросить труп в пустую вагонетку. Затем всех нас построили, пересчитали и повели в лагерь. Это нас удивило. Несчастные случаи и убийства пленных случались и до этого случая, но никогда нас не уводили с работы раньше положенного. В этот день мы вернулись в лагерь часа на четыре раньше.

Очень редко встречались немецкие солдаты, относившиеся к нам, пленным, по-человечески. И как правило, начальство, заметив с их стороны симпатию к пленным, старалось отправить их на фронт. Это сказал нам один из таких охранников в последний день перед отправкой. Другие же отличались исключительной жестокостью в обращении с подневольными, постоянно старались причинить нам боль, унижить, показать свое превосходство. После того трагического случая нас больше не посылали на работу в карьер. Без работы, правда, мы не остались.

Послали нас на так называемую линию Зигфрида. Дело в том, что на южной границе Германии с Францией и Бельгией была выстроена мощная оборонительная линия. Места эти низинные, заболоченные. В песчаном грунте были вырыты окопы, блиндажи и другие оборонительные сооружения. Нас, пленных, заставляли разбирать полусгнившие в болотистой местности бревна и складывать метрах в ста пятидесяти ровными штабелями. Огромные бревна, пропитанные болотной влагой, были тяжелыми и скользкими. Истощенные, голодные люди, стоя по пояс в темной и холодной воде, с невероятным трудом вытаскивали бревна.

Облепив со всех сторон постоянно выскользывающее бревно, мы взваливаем его на плечи. Шатаясь, падая,

постоянно опасаясь быть раздавленными, несем его. Охрана ударами палок «помогает» нам. Ноги дрожат, подкашиваются. Одна мысль: «Только бы не упасть!» Болят стертые тяжелой ношей плечи. И так весь день, бревно за бревном.

На следующий день нас перебросили на другую работу. Теперь нас перевели на сухой, возвышенный участок оборонительных сооружений. Задача наша осталась прежней — выкапывать из песка и оттаскивать в сторону старые бревна. Утешает одно: носить их нужно недалеко.

Место это открытое, и солнце печет немилосердно. Конвоиры наблюдают за нашей работой, забравшись повыше на кучу песка. Военнопленные муравьиной цепочкой растянулись по линии окопов. Медленно, с трудом орудуя они совковыми лопатами. Когда внимание охраны несколько ослабевает, мы стараемся хоть немного отдохнуть. Я беру лопатой немного песка, краем глаза смотрю в сторону немцев. Если на меня они не смотрят, то замираю с приподнятой лопатой. Как только охранник поворачивает голову в мою сторону, продолжаю прерванное движение. Мои товарищи тоже, пользуясь моментом, изображают стоп-кадр. Если же немцы замечают нашу уловку, то сразу следует наказание: удары увесистой палки.

Был в нашей группе один паренек, такой изможденный и худой, что гимнастерка на нем висела как на вешалке. Желтая кожа обтягивала его не по-мальчишески старческое лицо. Все мы были тогда истощены, а он особенно. Он был не в силах уже поднять тяжелую лопату. Один из охранников сначала подгонял его выкриками: «Schnell, schnell!» Увидев, что тот все равно не шевелится, немец выхватил у него из рук лопату и показал, как нужно копать: «So! So!» («Так! Так!») Сунул ему в руки лопату и отошел в сторону. Я сказал бедняге, чтобы он хотя бы изображал видимость работы, иначе последует наказание. Он же в ответ все твердил: «Не могу я больше! Сил совсем нет, братцы!» Несколько немцев

подошли ближе к нашей группе. Наш охранник снова закричал на пленного, тормошил за плечо, заставляя его работать. Затем толкнул его так, что тот упал на песок. Немец пнул парня сапогом: «Aufstehen!» («Встать!») Тот лишь смог встать на колени, продолжая бормотать: «Не могу я, братцы!»

Мы, почувствовав, что может произойти что-то ужасное, попытались подойти и помочь товарищу встать. Немец в ярости крикнул: «Zurück!» («Назад!») Рассвирепев, он бил и бил ногами беднягу. Тот в ответ только закрывал руками голову. Тогда охранник снял с плеча карабин. Мы закричали нашему товарищу, чтобы он постараться скорее встать. Но от слабости он не мог даже привстать с колен, упираясь в песок руками. Приближалась развязка. Немец приставил дуло карабина к уху пленного. «Ребята, я не мо...» Раздался выстрел. Наш товарищ упал на песок, всю правую сторону головы снесло выстрелом. Желтый песок обогрился кровью, уцелевший левый глаз безжизненно смотрел на нас... Мы молча стояли вокруг, парализованные случившимся. Немцы, стоявшие поодаль, сняли на всякий случай с плеч свои карабины. Наш охранник, бледный, выругался и спихнул ногой убитого в им же вырытую канаву. Затем он приказал нам засыпать тело песком. Потрясенные и подавленные, мы отдали последний долг нашему товарищу по несчастью. Еще один из мучеников нашел последний приют в чужой и враждебной земле.

ТЯЖЕЛАЯ КАРТОШКА

Однажды немецкий конвой повел нас, несколько человек пленных, искать лопаты в переднюю зону. В ней находились кухня и пустой барак. Эта так называемая «передняя зона» отделялась от нашего барака дополнительной оградой из колючей проволоки. Немцы ввели нас в пустующий барак. На полу возле входа лежали две

лопаты, а несколько в стороне от них была насыпана большая куча картошки. Мы готовы были съесть глазами всю эту кучу. Конвой, заметив наше пристальное внимание к картофельной куче, быстро вывел нас с лопатами из барака.

По дороге в барак и в бараке перед моими глазами все стояла эта заманчивая куча желанной картошки. Мой живот тоже был не прочь отведать ее. Одна мысль вертелась в голове: как добраться до картошки? Утром, когда я шел умываться к водоразборной колонке, заметил, что колючая проволока, вернее ее нижний ряд, немного провисла. Если ее приподнять, то можно под ней проползти в переднюю зону и доползти до пустого барака. В голове сразу созрел план, и я стал ждать ночи.

Она выдалась лунной, хотя редкие облака нет-нет да и закроют ночное светило. Морозец был небольшой, градуса три. Я дождался, когда в нашем бараке все улеглись и заснули. Только один парень сидел возле печки и грелся. Решился сходить на разведку. Встал, прошел до туалета и посмотрел, что делает охрана. Часовой ходил вдоль колючей проволоки, подняв воротник шинели. Он то медленно приближался к воротам, то удалялся в глубь зоны. Все было тихо. Вернувшись в барак, я заметил, что парень у печки не обратил на меня никакого внимания. Улегся на нары. Одна мысль в голове: рискнуть или не рисковать? И все же я решился.

Выйдя на улицу, немного постоял на ступеньках, огляделся. Силуэт часового маячил где-то в отдалении. Тишина. Пригнувшись, добежал до колонки. Замер, спрятавшись за нее. Охранник, дойдя до конца, повернул обратно, идет в мою сторону. Я притаился за колонкой. Громко стучит сердце. Кажется, в ночной тишине стук его разносится далеко. Часовой прошел мимо, подошел к входным воротам лагеря. Заговорил с другим охранником у ворот. Они закурили. Голубой дым в лунном свете хорошо виден из моего укрытия. Я, подхватив заранее подготовленную палку, ползком направился

в сторону колючей проволоки. Дополз до нее. Приподняв палкой проволоку, зацепляясь за колючки, переполз на другую сторону.

Проволока предательски зазвенела. Оглянувшись, вижу охранника, направляющегося в мою сторону. Вжимаясь в землю, дополз до угла пустого барака. Спрятался за угол и наблюдаю за охраной. Все тихо. Часовой прошел мимо пустого барака. Я жду, когда он повернет обратно. Сердце бешено стучит в груди, готово выпрыгнуть. Охранник прошел, тихо насвистывая, мимо барака. Легкий ветерок раскачивает сосну, и ее ветви тихо шелестят в вышине.

Охранник отошел далеко, и я, быстро подскочив к двери, открыл ее. Дверь скрипнула, заставив меня еще раз вздрогнуть. И вот она, заветная куча картошки! В темноте тускло сереет на полу барака. Быстро-быстро набиваю картофелинами штаны, карманы, кладу за пазуху в гимнастерку, все набил до отказа. Рад бы еще, да некуда. Растолстел, наверное, вдвое и стал похож на толстого запорожца в шароварах. С трудом поднялся с колен. Вышел на улицу и осторожно закрыл за собой дверь.

На улице все тихо. Луна по-прежнему ярко светит, шелестят ветви сосен. В душе у меня ликование, сколько еды я принесу! Но мне предстоит еще обратный путь, путь более трудный и опасный. Осмотрелся кругом. Охранника поблизости не видно.

На четвереньках, придерживая ворот гимнастерки, подползаю к дыре в колючей проволоке. Опять осмотрелся — часового не видно. Приподнял палкой проволоку и пытаюсь пролезть, да не тут-то было. Я так растолстел, что застрял в проеме, зацепившись за колючки. И вдруг я с ужасом вижу, что охранник уже развернулся и идет в мою сторону! А я, как в мышеловке, застрял под проволокой на открытом месте. Но охранник еще довольно далеко. Сильно рванувшись, слышу треск рвущейся ткани на спине и на коленке. Все же вырываюсь из цепких объятий и успеваю спрятаться за

колонку. Холодный пот стекает по лбу, не хватает дыхания. Мимо проходит охранник. Он спокоен и тихо насвистывает что-то себе под нос. Теперь уже не страшно, я в своей зоне. Пронесло! Фигура охранника скрылась за поворотом, и я, уже не спеша, поднимаюсь на крыльцо барака.

В бараке тишина да храп уставших за день людей. У печки сидит тот же парень и греет руки. Он равнодушно проводил меня взглядом. Я, дотащившись до нар, стал выгребать картошку отовсюду и тихо складывать на доски. Теперь задача использовать всю добычу в течение этой ночи, так как хранить картошку негде — в бараке только голые нары. Если немцы утром обнаружат картошку, последует наказание. Беру несколько картофелин, сажусь у печки и режу их на кружочки. Режу, не очищая, прикладываю к раскаленной железной трубе печи. Картошка шипит, румянится и сама отваливается от печки по мере поджаривания. Сосед с удивлением наблюдает за моими действиями. В его широко раскрытых глазах вопрос, откуда столько картошки? А картошка шипит и падает на пол ароматными кружочками. Приглашаю и его принять участие в пиршестве. Долго мы сидели у печки и все ели и ели картошку, думали, что не насытимся. Но всему приходит конец. Животы наши раздулись, мучительно хотелось пить. Но нужно было дожарить всю картошку, и мы растопили печку докрасна. Жареная картошка отлетала и сыпалась на пол. Мы все подобрали, завернули в тряпки и разложили по карманам шинелей.

Под утро от картошки тошнота подкатывает к горлу, болят животы. Стали с жадностью пить воду, но облегчения это не принесло, только еще больше позывы к рвоте. Мой напарник сумел облегчиться. Уже рассвело, и скоро нас погонят на работы. С туго набитым животом встал в строй. Полегчало только в пути, когда содержимое желудка немного встряслось. Этот урок мне надолго запомнился. Больше я не рисковал жизнью ради временного утоления голода.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ **(Германия, 20 октября 1941 года)**

Сегодня мне исполнилось двадцать лет... Ровно в шесть часов утра в наш барак вбежал немецкий солдат с палкой в руке. «Aufstehen!» («Встать!») И его палка обрушилась на спящих людей. В бараке все сразу зашевелились, инстинктивно защищая руками головы от ударов. Это был Собака.

Всем охранникам в лагере военнопленные давали соответствующие их характеру клички. Большинству из них мы давали неблагозвучные, но очень точные и характерные прозвища. Например, одного прозвали Пердун (да простят меня строгие блюстители нравственности — что было, то было). Он выделялся среди аккуратных и подтянутых сослуживцев небрежностью в одежде. Форма на нем висела мешком, пилотка была натянута на уши. Был он среднего роста, белобрысый. Как бы выгоревшие ресницы дополняли бессмысленные и даже глуповатые серые глаза. Но главное, он постоянно производил очень неблагозвучные рулады. Его не стесняло даже присутствие рядом женщин. Возможно, в Германии это не считается зазорным, исходя из медицинских соображений. Нам же, «варварам», какими считали нас немцы, было странно постоянно слышать такие звуки. У нас это считается неприличным. К нашей радости, Пердуна вскоре отправили на передовую. В окопах его талантам, наверное, нашлось применение. Самое удачное место!

К сожалению, в лагере не задерживались и охранники, которые относились к нам по-человечески. Одним из таких немногих был Тихий. Высокий, стройный и несколько сухощавый, он напоминал внешностью сельского учителя или агронома. Почти не повышал голоса при общении с нами, не бил пленных. На работу к нему в группу старались попасть все, но он набирал только постоянный состав. Он, пожалуй, единственный из охранников, о ком я и сейчас вспоминаю с уважением.

Этого же прозвали Собакой. Прозвали так за его жестокое, зверское отношение к пленным. При распределении на работы каждый старался не попасть под его конвоирование, как правило кончавшееся жестоким избиением.

Утро в этот день было хмурым и морозным. На общем построении мысли уводили меня далеко от лагеря в родные края, в Москву. День рождения впервые без близких, вдали от Родины... Нашу группу строем повели в сторону канала. Путь проходил по дороге через небольшую деревню. Наши деревянные колодки гулко выстукивали дробь по мерзлой земле. И каждый раз, следуя этим маршрутом, при прохождении деревни наши конвоиры бранью и побоями заставляли нас ускорить шаг. А мы, вечно голодные, старались схватить с деревенской дороги либо огрызок яблока, либо окурок. Если немцы замечали это, то «счастливчика» заставляли тут же выбросить находку. Далее следовали пинки, побои, ругань и приказ бежать. Но вот уже вдали показался канал, на берегу которого стоят пустые вагонетки, ожидающие нас. Конвоиры разводят для себя костры по краям строительной площадки. Нас же заставляют скинуть шинели, чтобы мы быстрее шевелились на морозе, быстрее работали. Впереди день тяжелой и изнурительной работы по загрузке и откатке вагонеток с мерзлой породой и камнями, на ветру и морозе. Но мне-то сегодня двадцать лет! Медленно тянется мой день. А мысли неотступно уносят меня на Родину...

Вдруг резкий удар палкой по спине. Немец увидел, что я задумался, и напомнил мне о том, где я нахожусь. С днем рождения! Темнеет. Заканчивается наш каторжный рабочий день. Нас ведут в лагерь. Еле-еле передвигаем ноги от слабости из-за постоянного недоедания. Сзади немцы бьют отставших ослабевших наших товарищей. Одного из них, бывшего школьного учителя, приходится нести на руках. Человек пять-шесть подхватывают его и, тяжело пошатываясь, несут в лагерь. Немцы, смеясь над нами, наблюдают это. Всех нас быстро

пересчитали и загнали в бараки. Попав в тепло барака, мы сразу расслабились, усталость валит с ног. Кто-то сел на скамейку у печурки и замороженно глядит на багровое пламя в топке. Другие уже улеглись на дощатые нары. На улице совсем темно. А мои думы опять о доме и родных...

Вдруг в тамбуре застучали кованые сапоги. От удара ногой дверь резко распахнулась — на пороге Собака. Широко расставив ноги, держась руками за косяк, он мутным взглядом обводит барак. Собака сильно пьян. Предчувствуя что-то недоброе, мы замираем на своих местах, как на моментальном снимке. Мутный взгляд останавливается на мне... Вижу лютую злобу и ненависть в этом взгляде. Собака, шатаясь, подошел к столу, сел на скамейку, не спуская с меня пьяных глаз. Резко, с неожиданным остервенением, ударил кулаком по столу и... истерично заплакал, упав на скрещенные руки. Я в недоумении наблюдаю эту сцену, стоя у своих нар.

Несколько минут он истерично рыдал, затем резко выпрямился, и опять его багровое, залитое слезами лицо смотрело на меня. Вдруг он заскрежетал зубами и выдавил со злобой: «Du bist Moskauer!» И вновь кулаки обрушились на крышку стола. Немец встал из-за стола и, пьяно покачиваясь, вплотную подошел ко мне. Мы смотрели в упор друг на друга. Собака что-то говорил сквозь стиснутые зубы, глядя мне прямо в глаза. Потом он резко отшвырнул меня и выбежал на улицу. Все обитатели барака в недоумении наблюдали происходящее.

Прошло несколько минут, и вновь послышались тяжелые, пьяные шаги. У меня появилось предчувствие чего-то недоброго... Опять на пороге барака Собака, теперь уже без пилотки, с буханкой хлеба в руке. Шатаясь, подошел к столу, сел, положил буханку перед собой. Велел позвать переводчика. И опять на меня смотрели налитые злобой глаза, смотрели не мигая. Вбежал переводчик. Немец стал что-то долго ему говорить, часто слышалось слово «Moskau». Затем переводчик велел всем, кроме меня, подойти к столу. Из его слов мы по-

няли, что брат немца на днях погиб под Москвой, и он хочет услышать русскую песню о Стеньке Разине. Пока переводчик все это говорил, пьяный солдат нарезал буханку своим штык-ножом. Собака, ударив по столу кулаком, приказал всем запевать. И вот вначале робкие отдельные голоса, а затем, нарастая и усидываясь, полилась наша удалая русская песня про атамана. Голоса сливались в дружный хор. Немец, пьяно рыдая, опустил голову на руки, время от времени выкрикивал в мою сторону: «Moskauer!» Песня повторялась вновь и вновь. Насытившись пением, немец раздал хлеб всем, кто пел. Потом подошел ко мне и, сильно размахнувшись, ударил меня в лицо кулаком, сбив с ног. Затем он повернулся и, сутулясь, вышел из барака. Вот так я, москвич, «Moskauer», встретил свое двадцатилетие. С днем рождения!

УЧИТЕЛЬ

Темные силуэты высоких сосен в зимних сумерках отчетливо вырисовываются на фоне снега. Они величаво возвышаются над серыми и уродливыми сооружениями рук человеческих над нашими лагерными бараками. Сосны шумят ветвями, раскачиваются под холодным зимним ветром. Далеко от нас Родина, там тоже сейчас зима, но зима родная, русская. Здесь же все чужое. Забросила нас, русских военнопленных, далеко на запад Германии военная судьба.

Напротив моих нар, у окна лежит человек лет тридцати — тридцати пять. Мы знаем о нем, что он школьный учитель, добровольцем ушел на фронт. На медкомиссии он скрыл свой туберкулез и попал на фронт. Затем — окружение, плен. В плену, при скудном питании и тяжелой работе, у него обострилась его болезнь. Теперь он уже несколько дней не может подняться с нар от слабости. Он выделялся среди остальных узников тем, что был всегда спокоен, уверен в себе и ни при

каких условиях не сквернословил, не ругался. Наоборот, учитель пытался подбодрить нас, укрепить наш дух. Остальные видели его стойкость и уверенность, что придавало новые силы измученным людям. Но по всему было видно, что его дни сочтены. Он буквально захлебывался продолжительным, кровавым кашлем. Почти не спал из-за кашля.

Однажды утром немецкая охрана стала выгонять всех из барака и строить на плацу. Подняли и учителя. Мы попытались объяснить немцам, что он болен: «Er ist krank». Но охранники, рассмеявшись, пинками стали выталкивать изможденного болезнью человека на улицу. Мы все уже стояли в колонне, когда из барака показалась высокая, худая фигура учителя. Он вышел, с трудом переставляя ноги, опираясь руками на стены барака. Длиннополая шинель висела на нем как на жерди. На небритом, осунувшемся лице выделялись большие, но тусклые глаза. Он отрешенно осматривался кругом. При каждом шаге его покачивало, и он с трудом сохранял равновесие. Двое из нашей колонны подхватили под руки больного и встали с ним в конце строя. Вся колонна, дробно стуча деревянными колодками, медленно двинулась к воротам лагеря.

Холодное декабрьское утро неприветливо встретило нас морозом. Вышли за ворота. Медленно бредем по застылой дороге, но сзади слышатся окрики конвоиров и удары. Это немцы подгоняют нашего учителя. Он совсем не может идти, да и двое наших товарищей с трудом тащат почти бесчувственное тело. Нашу колонну ведут для работы на укрепление канала. Идти нужно примерно километра три. Дорога проходит через небольшую деревню, где мы стараемся поднять с земли что-либо съестное или окурки.

Вот вдаль показался канал. Вдоль берега проложены рельсы, на них стоят вагонетки. Нам надо перейти на противоположный берег — там наш участок работы. Через канал проложены временные мостки. Они узкие, без перил. Перебираемся по обледеневшим доскам на другой

берег. Охранники разводят костры, а мы должны быстрее работать лопатами, чтобы хоть немного согреться, ведь шинели приказано снять. Некоторых любимчиков немцы приглашают к костру немного погреться. Это те, кто всячески старается угодить охранникам. А остальным — окрики, пинки да побои. Учитель стоял, опершись на черенок лопаты. Он коченел, покачиваясь на ветру. Никакие окрики и пинки не могли заставить его работать. Так он простоял до обеда, когда нам привезли баланду. Немцы не дали ему баланды, объяснив это тем, что он лентяй и не заработал свой обед.

После обеда один из охранников подозвал меня и еще одного пленного к учителю. Он велел помочь ему перейти на противоположный берег канала по мосткам. Мы помогли учителю спуститься с крутого берега, подвели его к мосткам. Тогда другой охранник приказал учителю одному перейти на другую сторону канала. Мы остановились в нерешительности. Второй охранник подбежал и прикладом подпихнул немощного человека к мосткам. Пошатываясь и неуверенно ступая, учитель медленно побрел по узким мосткам. Немец шел сзади и толкал его прикладом винтовки. В самом конце моста охранник, как бы случайно, толкнул плечом совершенно ослабевшего человека. Тот оступился и с криком упал в ледяную воду возле берега. Остальные охранники, наблюдавшие эту сцену, громко расхохотались. Бедняга упал с высоты около двух метров и пытался подняться из воды. Его голова то показывалась из воды, то исчезала в черной ледяной купели. Слышались его мольбы о помощи. Мы подбежали с напарником и с большим трудом помогли товарищу выбраться на берег. Шинель пропиталась торфяной водой и была невероятно тяжелой. Мы усадили учителя на скамейку возле сарая с инструментами. Нам же немцы разрешили погреться у костра.

Всю вторую половину рабочего дня учитель просидел на скамейке. Шинель на нем превратилась в ледяной панцирь, с волос свисали сосульки. По окончании работы

нас построили в колонну. Несчастливого не могли поднять со скамейки ни крики, ни удары палкой.

Тогда конвоиры выбрали четверых пленных покрепче и велели нести учителя в лагерь на руках. Со смехом один из охранников накинул на шею бедняги веревочную петлю, другой конец веревки дал одному из заключенных. Мы все стояли на морозе и наблюдали это издевательство. Колонна двинулась в путь. В дороге немцы радовались своей «удачной» шутке, погоняли время от времени нашу процессию. Проходя по улице деревни, мы стали объектом насмешек обывателей. Особенно веселились местные мальчишки. Они с гиканьем носились вдоль колонны и бросали в нас комья грязи.

В бараке мы усадили учителя у печки, а когда он оттаял, раздели и уложили на нары, укрыв сухой шинелью. Ни жалобы, ни стоны не услышали мы от учителя, только кашель его стал чаще и надрывнее. К утру его не стало. Мы даже не заметили, как он умер — тихо и незаметно...

ТАНКИСТ

(Германия, Меппен, март—апрель 1942 года)

До сих пор стоит перед глазами один случай. Был среди нас невысокого роста паренек, который всегда ходил в шлемофоне. В первых боях в его танк попал снаряд, и он один остался в живых из экипажа. Паренька обожженным и контуженным взяли в плен, он почти ничего не слышал. Мы старались по мере своих сил помочь ему, приносили еду, на работах старались поставить на легкий участок. И вот однажды охрана сгоняла пленных на плац, и все бежали туда, подгоняемые окриками. Мы жестами и знаками пытались объяснить танкисту, чтобы он бежал быстрее на плац. Он же, удивленно раскрыв глаза, не спеша шел между барakov. Один из немцев догнал его и штыком хотел уколоть парня в ягодицу, но промахнулся и, не рассчитав

удара, вонзил штык в ляжку. Танкист вскрикнул, упал, держась левой рукой за рану. А немец в бешенстве бил его плашмя штык-ножом куда попало. Мы вернулись и, подхватив под руки паренька, повели его в строй. Этот случай всех нас потряс. Хотелось отомстить, да не было возможности.

В тот день, как всегда, хмурым ранним утром нас повели на работы. Работа заключалась в уборке железнодорожных путей возле товарной станции. Морозный воздух пробирался под шинель, мерзли руки, уши, лицо. Конвой, греясь у костра, зорко следил за нами. Каждый солдат отвечал за работу четырех-пяти военнопленных. Часовые у костров о чем-то переговаривались.

Холод и голод заставляли нас быстрее шевелиться, но ослабевшие ноги не слушались, и от этого теплее не становилось. Посиневшие, мы еле-еле двигали лопатами. Мороз в тот день, видимо, донимал и наших конвоиров, так как они, к нашему удивлению, меньше нас погоняли, не били. Больше они грелись у костра, а нам было холодно, зато не больно. Время на морозе тоже как бы застыло. Каждый из нас с нетерпением ждал прихода машины с нашей баландой.

Ждем время обеда мы, ждут и немцы, поглядывая на железнодорожный переезд, откуда должна появиться машина. Вот и она! Каждый конвоир спешит быстрее собрать свою группу. Крики, ругань. Бачки с теплой баландой уже стоят на земле, вокруг них тает снег. Но что такое? Немцы еще и еще раз пересчитывают пленных. Одного человека не хватает! Всех пинками и прикладами загоняют в пустой станционный сарай. И по одному выгоняют на улицу, ногами опрокидывают бачки с нашей баландой. Снег быстро тает, оставляя на почерневшей земле вареные капустные листья.

Одному из наших удалось бежать! К черту баланду! Ведь наш смельчак на воле! Всю долгую дорогу до лагеря немцы нещадно гнали нас сапогами и прикладами. Причем перед дорогой нас заставили снять шинели и оставили в одних гимнастерках. Вот и колючая лагерная

провода. Нас выстроили в шеренгу перед воротами лагеря, на территории немецких казарм. Все немцы сильно возбуждены, что не сулит нам ничего хорошего. Я стою последним в шеренге, перекинув шинель через левое плечо. Немцы стали по одному выводить из строя «нелюбимчиков». Это те, кто не нравился им медлительностью в работе, физической слабостью или непокорностью. И меня последним вывели из строя. За хмурый взгляд и за то, что я москвич, — уж больно они не любили москвичей. Набралось нас ровно десять. Остальных отправили в бараки. Стоим и гадаем о своей участи.

Но вот во всем лагере заметное оживление среди немцев. Через некоторое время мы видим толпу немцев, которые прикладами подгоняют невысокого человека. Он бежит, спотыкаясь и падая. Теперь мы видим, что это наш танкист. Лицо его все разбито в кровь, гимнастерка разорвана, он без своего шлема. Согнувшись, как затравленный зверь, он падает, вскакивает и вновь падает под ударами. Немцы озверело бьют куда попало, и его, полуживого, бросают около входа в барак. А мы, штрафники, ждем своей участи.

Вот из дверей немецкой кухни вышел повар в белом крахмальном колпаке. Он держит в одной руке две палки, а в другой табурет. Нам стало ясно, для чего он принес эти предметы...

Всех заключенных выгнали из барачков смотреть на экзекуцию. Один за другим мои друзья по несчастью получают порцию розог. Вот и моя очередь. Ложусь животом на табурет и крепко держусь руками за ножки. Резкий свист палки, и посыпались удар за ударом. Случилось так, что один удар пришелся мне по копчику. От такой резкой боли я, как пружина, рванулся и ногой в деревянной колодке угодил немцу прямо в лицо... Он сразу бросил палку и зажал лицо руками. Между пальцев у него алыми струйками потекла кровь. Мой удар пришелся немцу чуть ниже правого глаза.

Ко мне подбежали здоровяк повар и еще один солдат. И вот они двумя палками принялись дубасить меня.

Всю дорогу от табурета до барака они продолжали избивать меня. На четвереньках я вполз в барак, еле-еле дотянул до нар и повалился на них животом, свесив голову вниз. Все тело горело, как ошпаренное кипятком. Ребята в бараке тихо обсуждали случившееся.

Потом мы узнали, что наш танкист бродил по немецкому городку и выпрашивал еду. Немки его накормили, после чего он сам вернулся в лагерь... И стоило из-за этого бежать?!

В это время танкист лежал полуживой возле барака. Немцы строго запретили подходить к нему. До самой темноты слышны были глухие удары — немцы продолжали его избивать.

Не увидел наш танкист рассвета... Его тело немцы бросили под сводчатую крышу бетонного бомбоубежища, как бездомную собаку... Всю ночь я не мог заснуть. Боль и ненависть колом подступали к горлу. Слез не было, но спазмы перехватывали дыхание. Утром я не мог подняться с нар. Комендант в барак не заходил. Всех, кто был еще мало-мальски здоров, погнали на работы. Я и еще двое доходяг на работу не вышли. Вдруг в нашу комнату вбежал комендант с кисточкой и банкой с водой. Через переводчика он сказал, что нужно обмыть лицо нашего танкиста... Оставшиеся двое испуганно посмотрели на коменданта. Я понял, что они боялись мертвецов. Пришлось мне дать согласие на эту работу.

С трудом я сполз с нар, так как вся правая нога, вплоть до ягодицы, вздулась и была в синих рубцах.левой досталось немного меньше. Железобетонная крыша бомбоубежища лежала прямо на земле, и влезть под нее можно было лишь ползком. Покойник лежал на спине. Вместо лица кровавая маска, левая рука неестественно заломлена за спину к голове (наверное, сломана). Запекшаяся кровь на изорванной гимнастерке свидетельствовала о ночной трагедии. С трудом обмыв кисточкой разбитое лицо танкиста, я с отвращением отбросил банку с кистью и потащился в барак.

Часа через полтора в барак зашли несколько офицеров с комендантом. Комендант крикнул: «Achtung!» Двое встали по стойке «смирно», а я продолжал лежать на нарах. Комендант, злобно сверкнув глазами, подскочил ко мне. Он что-то яростно выговаривал мне по-немецки, видно, ругал. От группы офицеров отделился один одетый в польскую форму и заговорил на понятном мне языке: «Почему не встаешь? Немцы могут быть недовольны!» Я с трудом слез с нар на пол, повернулся к ним спиной и, спустив свои штаны ниже колен, показал им опухшие и избитые ноги.

Офицеры о чем-то посоветовались, поляк сделал пометки в своей записной книжке и записал мою фамилию. Затем он сказал мне, что я направляюсь в госпиталь.

Примерно через полчаса я, еще несколько человек и гроб-ящик с телом танкиста погрузились в грузовую машину и под охраной поехали в лагерь-госпиталь.

ГОСПИТАЛЬ

В концлагере я в буквальном смысле слова превратился в «доходягу» — как тогда называли подобных заключенных. Я действительно был «доходягой»: слабый, еле передвигавший ноги; тело опухло настолько, что даже ладони рук не удавалось сжимать в кулаки. Ноги отекли от голода, и обувь не налезала.

Даже трудно было представить, что до войны я имел атлетическую фигуру и выделялся среди сверстников. Детство мое пришлось на голодные двадцатые годы, когда и кусок хлеба был деликатесом. Мама отдавала в Торгсин остатки своего приданого, чтоб купить для нас с братом хоть какой еды. А мы с моим братом Юрой всегда хотели есть и кусок хлеба, посыпанный сахарным песком, называли «пирожным».

С детства я занимался футболом во дворе нашего дома на Раушской набережной, организовал дворовую команду. А перед самой войной занимался тяжелой

атлетикой и работал водолазом-спасателем. Но голод лагерей, постоянные побои немцев и нечеловеческие условия довели меня до такого состояния. Если бы не моя физическая подготовка, то неизвестно, остался бы я жив в таких условиях. Мне часто доставалось от немцев, когда они врывались на территорию барака и били нас палками.

У охранников было заведено для военнопленных свое правило: рано утром в любую погоду выгонять всех из бараков на построение. По обоим концам бараков располагались двери. В одну из них и входили немцы, которые, действуя палками, сгоняли всех заключенных к противоположной двери. Кто-то, боясь побоев, падал на пол, отчего начиналась давка и образовывалась настоящая сутолока. Пленные падали, стонали, кричали, а со всех сторон на них лилась ругань фрицев и удары сыпались немилосердно. Доставалось в этой свалке и мне, поскольку двигался я очень медленно. Немцы не разбирали, кто здесь раненый, больной или искалеченный.

До нашего приезда в этом лагере содержались пленные французы. От них на нарах остались матрацы из толстой бумаги, набитые соломой, а в соломе завелись мыши. Иногда по ночам мы слышали, как они возятся внутри матрацев и попискивают. Те же самые французы развели позади бараков небольшой огород, где выращивали капусту и морковь. Посмотрели бы вы, как мы, голодные и измученные, руками и палками рылись в земле, обнаружив остатки мороженых корнеплодов! В одно мгновение все грядки оказались тщательно перепаханы. На земле не осталось ни одного хвостика от моркови, а кочаны мы вырывали друг у друга и сразу же съедали. Охранники-немцы потешались над нашими стараниями. Весело гогоча во все горло, они что-то громко нам кричали. Остатки мороженой капусты мы стали засовывать себе за пазуху, и я помню, как она таяла под одеждой, превращаясь в скользкую жижу.

Во дворе лагеря стоял умывальник и несколько металлических банок с водой. Утром, выгоняя нас из бара-

ков, немцы, ругаясь, заставляли заключенных бежать к этому умывальнику и только потом выдавали скудную хлебную пайку — дневную норму. В этом лагере я встретил своего одноклассника, московского соседа, Кольку Нилова. До войны мы дружили, вместе увлекались футболом. Его приятель, тоже москвич, был в лагере поваром, и поэтому они оба выглядели неплохо. Правда, ни один из них ни разу ничем не поделился с нами — они готовы были только играть на остатки хлеба в карты, ставя его на кон против табака, который в лагере ценился буквально дороже золота. Помню, что в этом лагере был специальный «барак смерти», как мы его окрестили: там лежали военнопленные, умиравшие от ран, слабости и голода. Лечить никого не лечили, только не выгоняли на работы. При скудном пайке больные и раненые редко выживали. Такое отношение было только к советским военнопленным, которые не получали никакой помощи Красного Креста. В бараке стоял смрадный запах гноя и разложения, что чувствовалось издалека. Почти каждый день немцы заставляли нас хоронить умерших там, складывая их прямо в сырую землю возле барака. Много было при концлагерях таких безымянных могил...

ДНЕВАЛЬНЫЙ

Наш барак был разбит на три отсека. В первом были: переводчик, повара и украинцы. Во втором, в среднем — мы, преимущественно русские военнопленные. И в последнем, третьем — только украинцы, преимущественно западники. Большинство из них добровольно сдались в плен немцам, зачастую убив при этом своих командиров и политработников. Среди военнопленных западники вызывали отвращение своим предательством. При любой возможности мы старались пожить за счет их запасов. У каждого из отсеков был свой, независимый от других вход. Такое размещение придумал комендант лагеря для большей изоляции разных групп

пленных. В этих трех отсеках было примерно одинаковое устройство и расположение.

Деревянные нары располагались вдоль внутренних перегородок барака. Нары были немного наклонены в сторону ног, высотой от пола около метра. Спали мы прямо на голых досках, прикрывшись своими суконными драными шинелями. Шинели мы не могли залатать из-за того, что ни у кого не было ни ниток, ни иголок.

Однажды утром мои ноги так распухли от голода, что я не смог надеть свои деревянные колодки и выйти на общее утреннее построение. Комендант недосчитался в строю одного человека и, разозленный, вбежал в наш отсек барака. Я в это время сидел на скамейке возле печки-«буржуйки». Комендант вбежал с палкой в руке, рассерженный, что-то зло выкрикивая мне, заставляя встать в строй. Я ему показываю на свои распухшие ноги, объясняю, что из-за этого не могу надеть колодки. Немец вышел.

Через несколько минут он вернулся. Он принес и швырнул мне другую пару колодок. Но и эта пара не подошла. Я не смог даже втиснуть ноги в эти колодки.

Зло выругавшись, комендант велел мне остаться на этот день дневальным по бараку. Остальных пленных повели на работы. В этот день была по-настоящему зимняя, морозная погода.

Через полчаса после ухода моих товарищей в барак опять вошел комендант. Он велел мне подмести пол во всех помещениях, очистить от золы все печки, проверить помещения. Затем он велел мне взять два ведра и принести с улицы уголь для печек. Я ему показываю, что на улице мороз, а я без обуви. Комендант, расшвирипев, заорал: «Fort!» («Вон!») И я, подхватив ведра, в одних портянках выскочил на улицу. Быстро набрав уголь из кучи, бегом возвращаюсь в барак. И так три раза. Портянки промокли и обледенели, а ноги совершенно окоченели.

Только я успел натаскать угля, как опять появился комендант. Он через переводчика объяснил мне, что на

наш отсек полагается полтора ведра угля, а на остальные отсеки — по два ведра с четвертью. Я учтиво и внимательно выслушал его назидание, но после его ухода все сделал по-своему. Засыпал свою печку до отказа углем, часть высыпал на пол и еще оставил полное ведро угля у печки. Остальной уголь я поделил между двумя другими украинскими отсеками. Перед приходом с работы своих товарищей я растопил все печки. Свою печку я так раскалил, что портянки мои моментально высохли.

Вот уже застучали по мерзлым ступенькам колодки вернувшихся с работ пленных. С порога слышались одобрительные голоса моих товарищей — ведь еще ни разу в нашем бараке не было так тепло! Но совсем другое настроение было в соседних отсеках. С шумом и криком вбежали соседи, ругаются, что у них недостаточно тепло. Спрашивают: кто сегодня дежурный. Я выступил вперед и сказал, что нечестно всегда обделять нас углем. Разгорелся спор, почти до драки.

На шум в бараке прибежал комендант. Переводчик все ему объяснил, указав на меня как на виновника. Комендант с силой ударил меня палкой по плечу. Затем он вывел меня на середину и что-то стал кричать мне в лицо, показывая на ведро с углем. Переводчик перевел его слова: «Сейчас будет наказан вор, который украл уголь, чем нарушил закон Германии. За это каждый из присутствующих должен дважды ударить его розгой. Кто первый?»

Первыми вышли два повара. Они от души лупили розгами по моим костям, не считая ударов. Низкий потолок не давал им сильно размахнуться, так что они старались ударить наотмашь, со свистом сбоку. Затем за меня принялся переводчик. Потом, правда, не нашлось желающих продолжить экзекуцию.

Но и этого мне было предостаточно, рубцы от ударов полыхали огнем. Украинцы унесли ведро с углем к себе, а наши ребята улеглись в хорошо протопленном помещении. А мне было и больно, и радостно. Все-таки я сделал доброе дело и мои товарищи это оценили.

На следующее утро комендант выгнал меня на работу. Обернув в один слой портянки, я с трудом натянул колодки на ноги. Проработав на канале весь день, я стер в кровь ноги и с трудом смог добраться до барака. Вот так я был впервые дневальным.

РУССКАЯ КОСТЬ

Однажды немцы решили сделать дезинфекцию наших матрацев-одеял. Поясню, что это такое. В Германии зимы бывают обычно по-европейски теплыми, но зима 1941/42 года была необычайно холодной. Бараки, где расположился так называемый «госпиталь», построены были из тонких досок, совершенно не утеплены. Поэтому в сильные морозы температура в бараке мало отличалась от наружной. Немного теплее было оттого, что бараки постоянно были переполнены. Но и днем, и особенно ночью в них сохранялась отрицательная температура и вода в баке замерзала. На нарах лежали только матрацы, сплетенные из бумажных веревок и набитые соломой. Из-за сильного холода пленным приходилось укрываться ими вместо одеял. Укроешься, бывало, таким «одеялом», солома шуршит, и слышится попискивание наших сожителей. В матрацах находили убежище мыши с мышатами. Весело нам спалось под такой аккомпанемент!

Однажды под вечер в барак ввалилась орава немцев и они стали нас прикладами выгонять на улицу. Построили всех заключенных перед бараком и объявили, чтобы мы выносили все матрацы и складывали их в одну кучу. Видно, немцы торопились управиться до ужина и подгоняли нас, чтобы мы быстрее шевелились. Больные и обессиленные люди едва передвигали тяжелые ноги. То и дело слышалось: «Los! Los! Schnell!» Пинки сапогами и удары прикладами.

Один из немецких солдат особенно рассвирепел и, подскочив к одному из заключенных, заорал на него.

Потом он, схватившись обеими руками за ствол винтовки, с размаху обрушил приклад на пленного. Удар пришелся по плечу. Но эффект превзошел все ожидания: от сильного удара винтовка разломилась надвое!

Немец держал в руках ствол с затвором, а приклад винтовки болтался на ремне. В первый момент он оторопел от случившегося, тупо разглядывая то, что недавно было винтовкой. Потом он опомнился и в бешенстве, с руганью погнался за виновником происшествия.

Пленный, схватившись здоровой рукой за ушибленное плечо, отбежал подальше от разъяренного фашиста. Сквозь боль на лице его проступала улыбка. Да, русская кость оказалась крепче немецкого приклада! Но немец все же настиг свою жертву и с размаху, сильно ударил несчастного кулаком в затылок. Пленный упал, закрывая голову руками. Озверевший садист бил и бил поверженного коваными сапогами. При каждом ударе были слышны только стоны избиваемого. Группа немцев наблюдала за происходящим. Их этот случай тоже сильно позабавил. Они со смехом его обсуждали, подзадоривая своего приятеля.

Прекратил избиение только подошедший несколько позже ефрейтор. Он с трудом смог отвести в сторону совершенно озверевшего солдата. Мы же подняли нашего товарища и отвели к бараку. Там мы усадили его на ступеньки и вытерли его окровавленное лицо.

А тем временем немцы уже подожгли кучу соломенных матрацев и она ярко пылала в сгустившихся сумерках, освещая багровым светом стены барачков. Искры поднимались высоко в небо, гасли в вышине и опадали хлопьями пепла. Огромный костер пылал долго, и часто из его раскаленной сердцевины раздавались выстрелы. Это лопались в жару наши сожители, невольные пленники концлагеря.

Постепенно огонь стих, и на земле осталась только куча раскаленной золы, которую к ночи разметал ветер. Мы разошлись по своим баракам. С этого времени мы спали на голых нарах. От холода нас могли укрыть лишь

наши потрепанные и худые шинели. Теперь в бараке уже не было слышно писка. А мы еще долго вспоминали, как русская кость победила немецкое оружие!

ЛИМБУРГ

(Германия, конец 1941 года)

Около города Лимбурга располагался большой лагерь военнопленных разных национальностей. Здесь были в заключении и русские, и югославы, и англичане, и поляки — всех не перечислить. Весь лагерь был разбит на секции по национальностям.

Наш, русский, сектор был самым дальним, то есть он был в самом дальнем конце лагеря. По всему периметру лагерь был обнесен в три ряда ограждением из колючей проволоки. К нему был подведен ток высокого напряжения. По углам стояли пулеметные вышки с прожекторами. На территории русского сектора были выстроены шесть огромных деревянных барakov. С торцов имелись две двери.

Полы в бараках были вымощены красным кирпичом. Каждый барак был разделен на две части. Первая часть, около входной двери, — административная (канцелярия).

Во второй части находились нары для узников. Заключенные размещались на четырехъярусных нарах. Их загоняли в бараки только на ночь. Утром в шесть часов охрана, вооруженная палками и с овчарками, врывается в бараки и устраивала нам «подъем». Ударами палок пленных, как-скотину, сгоняли к узким дверям барака.

Человек триста, стараясь избежать ударов охранников и укусов собак, беспорядочно теснились у дверей. Особенно доставалось тем, кто оказывался последним. Выйдя из дверей на улицу, многие сразу же садились в изнеможении на землю. Люди были крайне истощены. И так каждый день...

В первом бараке содержались заключенные из командного состава Красной армии. В пяти других — рядовые красноармейцы. Кроме барачков на территории нашего сектора был еще кирпичный туалет. Немцы строго следили за чистотой на территории лагеря. Если они замечали, что кто-то нарушил чистоту в бараке или намусорил около него, то нарушителя строго наказывали. Сначала его избивали палками, а затем бросали в яму с нечистотами позади туалета. Если же наказанный пытался ухватиться за край ямы, то следовали удары палок по рукам и несчастный сваливался в зловонную яму.

Было несколько случаев, когда заключенные захлебывались зловонной жижей и тонули в яме. После наказания заключенного поливали из пожарных брандспойтов. Мощные струи сбивали его с ног, что очень смешило охранников. Беднягу гоняли струями из нескольких шлангов, как футбольный мяч по полю. После наказания остальным заключенным через переводчика объясняли, что так будет с каждым, кто нарушит порядок, и запрещали до темноты подходить к наказанному. Жертва оставалась лежать на плацу до темноты.

Часто по утрам охрана устраивала нам «зарядку». Еще до рассвета нас палками выгоняли из барачков. Выстраивали в несколько рядов. По команде или по свистку заставляли обессиленных людей присесть, встать, присесть, встать... и так до бесконечности. Строго следили охранники за выполнением упражнений, палками наказывая не успевших исполнить команду. Били жестоко!

Комендантом лагеря был крупный и высокорослый офицер (не помню, в каком звании), лет тридцати пяти, рыжий и конопатый. Он всегда ходил с закатанными рукавами, обнажив толстые волосатые руки. Пленные его так и прозвали — Рыжий. Отличался он особым пристрастием к чистоте и порядку. Всякое малейшее нарушение приводило его в бешенство. Днем пленным категорически запрещалось входить в барачки. Нарушителя порядка неминуемо строго наказывали. Весь день

мы находились на специально отведенном для пленных плацу. И никакие погодные условия не могли нарушить заведенного порядка.

Однажды в знойный полдень мы сидели на плацу и изнывали от жары. Опухшие от голода и совершенно обессилевшие, мы с нетерпением ждали вечера, когда можно будет, наконец, зайти в барак. Вдруг к нам подбежал Рыжий. Он размахивал длинной и тяжелой доской. Из его бессвязной ругани мы только смогли понять, что кто-то из заключенных нарушил заведенный порядок. Размахнувшись, он бросил тяжелую доску в гущу сидящих людей. Пленные едва успели отпрянуть в сторону. От резкого движения у меня закружилась голова, и я, падая, уткнулся в чью-то спину.

Товарищи подхватили меня и подняли под руки. Они отвели меня подальше от Рыжего. А он все продолжал беситься и бросать доску, целясь в самую гущу пленных. Я часто вспоминаю этот эпизод, когда вижу по телевизору стадо загнанных животных, мечущихся в поисках безопасного места.

Были и более трагические случаи, когда голодные и отчаявшиеся люди кончали самоубийством жизнь, бросаясь на колючую проволоку под высоким напряжением. Тогда утром мы видели фигуру несчастного в неестественной позе, висящего на лагерном ограждении.

Для устрашения оставшихся в живых трупы не снимали два, а то и три дня. В таких нечеловеческих условиях слабые духом быстро теряли волю к жизни. Но надо вытерпеть, надо выжить!

Нашими соседями были английские военнопленные. Их бараки были в соседнем секторе за двумя рядами колючей проволоки. Они были очень прилично одеты в свою выглаженную и чистую форму со знаками различия. В то время как мы еле-еле передвигали ноги от постоянного недоедания, англичане играли в своей зоне в футбол и волейбол!

Так было потому, что военнопленные других стран получали помощь от Красного Креста и посылки со сво-

ей Родины. Советский Союз не входил в эту организацию, объявив ее шпионской. Поэтому наш ежедневный рацион состоял из 100 граммов эрзац-хлеба с опилками, баланды из капусты с бураками да «чая» с сахарином. Лишь изредка доставалась чайная ложка яблочного повидла.

Бывали случаи, когда англичане, наблюдая за нами и сочувствуя нам, перебрасывали через ограду на нашу сторону галеты. Возникали сразу шум и свалка за эти галеты. Немцы, услышав шум, подбегали к дерущимся. Они палками разгоняли толпу, избивая всех без разбору. Иногда на шум драки немец с вышки давал несколько очередей из пулемета поверх голов, а то и в толпу...

Часто из первого барака, где за постоянно закрытыми дверями находился комсостав, слышался шум и крики. Тогда в него врвались немцы в черной форме СС. Не было дня, чтобы из этого проклятого барака не выносили по два-три трупа. Видно, командирам и комиссарам приходилось не легче нашего...

Вдали, на почтительном расстоянии от лагеря были видны силуэты зданий города Лимбурга. Там продолжалась мирная жизнь. Ближе к лагерю проходила городская железная дорога, и с южной стороны часто доносился удаляющийся перезвон колокольчика поезда. «Динь, динь, динь» — еще долго звучало в ушах, наводя тоску и грусть...

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ **(Германия, декабрь 1941 года)**

Мне вспомнился последний день 1941 года.

Нас, группу примерно из двадцати военнопленных, привели в лагерь поздним вечером. Гулко стучали по мерзлой земле деревянные колодки. Конвой из молодых немцев был в этот день необычайно жесток и раздражен. По их поведению мы поняли, что обстановка на фронте сложилась не в их пользу накануне Нового года.

Других источников информации у нас не было. Усталые после длительного перехода, опухшие от голода, мы медленно разбредаемся по бараку в ожидании баланды из бураков — единственной нашей пищи. А за пределами барака раздаётся смех и громкие возгласы: немцы готовятся к встрече нового 1942 года. В бараке стемнело быстрее, чем мы успели доестъ свою скудную похлебку. И только блики от огня в чугунной печке играли на стенах и потолке барака. Кто-то из ребят обмолвился о приближении Нового года, и сразу лица остальных пленников в бараке посуровели. Вспомнились милые, далекие сейчас края, вспомнились родные и близкие...

Но усталость брала свое, с трудом изможденные люди забирались на холодные дощатые нары и сразу забывались тяжелым сном. Догорали угли в печке...

Нас разбудил яркий электрический свет и шум в дверях. Все подняли головы. В дверях стояли вооруженные немцы, а с ними две девицы. Пьяно хохоча и переговариваясь между собой, они рассматривали нас, как диких зверей в зоопарке. Через некоторое время, вдоволь насмотревшись, они вышли из барака. Свет погас. На улице, за пределами лагеря, еще слышались смех и песни. И мы вновь забылись сном, но ненадолго.

Яркий свет, ругань и пинки подняли нас с нар. Два дюжих солдата с винтовками за плечами стали палками стогнать нас на пол. Били по чему попало. В этот миг барак напоминал разбуженный муравейник. Босых, без головных уборов и без шинелей, нас выгнали на мороз. Снег обжигал наши ноги. Нас, дрожащих от холода, выстроили в шеренгу перед баракком. Переводчик сказал, что немцы хотят проверить, чистые ли у нас ноги. Хочу заметить, что за все время плена нам настоящего мыла ни разу не давали. Иногда давали какую-то мыльную глину, от которой тело чище не становилось.

Один из немцев встал у двери барака с палкой в руке, а второй немного поодаль. Метрах в двадцати—тридцати стояла обледеневшая колонка, до которой нужно было добежать, вымыть ноги, вернуться и показать их второ-

му немцу. Если он сочтет, что ноги еще недостаточно чистые, то он ударами палки заставит опять бежать к колонке. И так приходилось несколько раз бегать от немца к колонке и обратно. И постоянно получать полновесную порцию ударов... То и дело слышалась немецкая ругань и слово «Комм!». И сыпались удары палкой по костлявым спинам. «Счастливики» направлялись к бараку, где первый солдат в тесном тамбуре добавлял свою порцию ударов. Постепенно все возвратились в барак, еле волоча замерзшие ноги. Наконец свет погас. Долго мы не могли согреться и прийти в себя от побоев. Печка догорела и уже остывала. Пришлось встать с нар и подбросить в печку несколько горстей угля. В топке он долго дымил, потом как-то разом дым превратился в пламя, и снова по стенам забегали зайчики-блики.

Не успели мы улечься на нары, как с улицы донеслись приближающиеся голоса немцев. Тяжелые кованные сапоги уже загремели в тамбуре, и вот в барак вваливается пьяная компания, горланя какую-то песню. Среди солдат были и несколько пьяных женщин. «Aufstehen!» («Встать!») И снова град ударов обрушивается на измученных людей. Опять нас построили перед бараком. И вот началась забава «сверхчеловеков»... Несколько немцев ставят пленного на четвереньки, и один из них с воплями вскакивает ему на спину, при этом жестоко избивая пленного палкой. От боли и ненависти не чувствуешь мороза... Нет сил и возможности сопротивляться, мстить... Вот уже и одна из немок пытается встать на спину пленного. Два солдата поддерживают ее за руки. Каблуки врезались в спину. Пьяно пошатываясь, она не может удержаться, спрыгивает в снег. Бедняга еле ползет в сторону барака, осыпаемый пинками и ударами палок. Насытившись новогодним представлением, немцы загоняют нас ударами палок в барак.

Небо уже светлеет, а за колючей проволокой в уютных немецких домах еще горят праздничные огни, слышны веселые песни... На предрассветном небе ста-

ли вырисовываться очертания сосен, окружающих наш барак. Сосны — молчаливые единственные свидетели этого драматического представления. Вот так «весело» мы встретили новый 1942 год.

ПОБЕГ

I

Солнечным июньским утром 1942 года нас, 115 военнопленных, построили перед бараком. Мы сразу догадались, что предстоит дальняя дорога. Все наше скромное имущество велено было взять с собой. А скарб наш состоял всего лишь из потрепанных шинелей, выцветших пилок, котелков или банок под баланду да ложек (у кого они были).

Вывели из лагеря. Впереди показалась товарная станция города Лимбурга. Уже знакомые нам товарные вагоны стояли на запасных путях. Прозвучали короткие немецкие команды. За время скитания по лагерям мы хорошо их усвоили. Даже те, кто не знал немецкого языка, научились быстро исполнять их. Иначе следовало неминуемое наказание. Залезли в вагон, и сразу за нами с лязгом закрылись его двери. После яркого солнечного света глаза не сразу привыкают к темноте вагона. Лишь на противоположной стене сияет прямоугольник солнечного пятна, перечеркнутый колючей проволокой. К окну, находящемуся под самым потолком вагона, подходить и смотреть нельзя. Любопытного может ждать автоматная очередь.

Поезд медленно трогается с места, долго скрежешет колесами на стрелках. В узкие щели между досками вагона можно разглядеть пригород Лимбурга. Мимо медленно проплывают станционные здания, вокзал, пакгаузы. Поезд набирает ход. Небольшие, аккуратные, из красного кирпича домики проносятся мимо. Они утопают в яркой зелени июньского дня 1942 года.

Теперь нам стало ясно, что везут нас с запада Германии на юг. Короткие остановки в пути. Нам раздают в вагоны баланду, разрешают оправиться, и опять по вагонам. Везде поражает чистота и порядок. Нет покосившихся заборов, скособоченных домиков, мусора, так привычных для России. Этому у немцев нам надо бы поучиться.

Раннее утро. Поезд остановился, и уже довольно долго нас не выпускают из вагонов. Но вот двери вагонов отодвигаются, и на нас, пыльных и небритых после дороги, пахнуло утренней свежестью. Кстати, немцы очень не любили неряшливых и небритых пленных, что заставляло следить за личной гигиеной. Конечно, никаких бритв и других принадлежностей у нас не было. Приходилось скоблить щетину осколками бутылочного стекла. Мыла не было. Иногда давали что-то мылообразное, серое, похожее на оконную замазку. Этим эрзац-мылом и умывались, и стирали белье.

Сырой и туманный рассвет вставал над южнонемецким городком. Дармштадт похож на многие другие города Германии. В большинстве своем дома двухэтажные, светлых оттенков, с островерхими крышами, покрытыми оранжевой черепицей. Проезжая часть и тротуары или асфальтированные, или выложены брусчаткой. В это время улицы города были еще пусты, никого мы не встретили на своем пути к новому месту заключения. Лишь изредка на каком-нибудь окне вздрогнет тюлевая занавеска и любопытный женский взгляд обратит свое внимание на нашу колонну. А мы все идем и идем, выстукивая дробь деревянными колодками по брусчатой мостовой.

Прошли центр города, и показалась заводская окраина. Высокие кирпичные заборы, массивные железные ворота и трубы, трубы, трубы... У одних ворот конвой дает команду остановиться.

Высокий, трехметровый кирпичный забор поверху затянут в несколько рядов колючей проволокой. Из заводской проходной вышли двое. Один был среднего

роста, одет в форму заводского служащего: черная куртка с металлическими пуговицами и черные брюки, на голове форменная фуражка, похожая на фуражки наших железнодорожников. Вторым был солдат, вооруженный винтовкой. Наш конвой коротко переговорил с ними, и перед нами открылись тяжелые железные ворота.

Мы вошли на территорию завода. Колонна идет как бы по коридору. С одной стороны высокая кирпичная стена, с другой — длинное четырехэтажное здание. Стесненное ощущение замкнутого пространства усиливает низкое дождливое небо. Остановились у центрального входа в здание. Где-то поблизости находится столовая: запахи свежеприготовленной пищи тревожат нас, напоминая, что мы уже давно не ели. Действительно, открылось окно на первом этаже, и в нем показалась повариха в белом колпаке. Она с любопытством разглядывала нас. Два солдата, сопровождавшие нас, ведут всю братию на четвертый этаж.

Тяжело переступая со ступеньки на ступеньку, задыхаясь от истощения, поднялись по лестнице. Вот и добрались. На площадке четвертого этажа две массивные железные двери: одна справа, другая слева от лестницы. Нас ведут налево. Прошли тамбур. При входе у нас забрали все наши вещи и положили их в каптерку. Она располагалась сразу же после тамбура, слева от двери. В ней же была устроена хлеборезка. Напротив нее, справа от входной двери располагалась охрана. Выше нас был только чердак.

Наша казарма представляла собой довольно просторное и длинное помещение. По обе стороны были расположены высокие окна, округлые сверху. Окна были забраны толстыми решетками. Пол и потолок были дощатыми. В дальнем конце находились умывальники и туалет, поэтому немецкая охрана ходила туда через нашу казарму. Вдоль левой стены стояли двухэтажные нары, на них лежали бумажные мешки-матрацы, набитые бумажными отходами. Между оконными проемами, у стены стояла чугунная печка.

В первые дни пребывания на заводе мы работали по уборке территории вокруг нашего здания. Кроме солдат для нашей охраны, нам выделяли пожилого полиция. Он следил за нашей работой и время от времени подгонял нас. Как сейчас помню, стоит он с палкой в руке, глаза полузакрыты, и бормочет: «Los! Los! Los!» («Давай! Давай! Давай!»)

Как-то на территории мы разбирали кучу мусора. В ней попадались пищевые отходы: корки хлеба, картофелины, кости с остатками мяса. Мы постоянно недоедали, и для нас эта куча была просто находкой. Все это мы рассовывали по карманам. Сначала полицай не интересовался нашими занятиями, но, увидев, что мы собираем, он закричал и разогнал нас палкой.

Убирая территорию, мы сортировали камни и кирпичи отдельно и складывали к забору. Скоро там образовалась довольно высокая куча, метра примерно полтора. Я заметил ее и сообразил, что для побега она очень кстати. Скоро мы закончили уборку вокруг здания, и нас перевели на другую работу.

Привели нас в просторный цех, где стояли полуавтоматические станки. На них изготавливались болты и гайки для ремонта железнодорожных вагонов. Под присмотром мастера мы обслуживали эти станки. Нужно было постоянно вставлять заготовки в патрон станка. Чуть зазеваешься — сразу острой стружкой срежет кожу с рук. Постоянно льющаяся эмульсия разъедала израненные руки. Появились долго не заживающие язвы.

Постепенно, работая на станках, мы принаоровились незаметно делать брак. Обычно мастер в начале смены регулировал станки. Он проверял калибром соответствие стандарту резьбы на болтах и гайках. Пробовал, как свободно вкручивается болт в гайку. Стоило ему отойти от нас, как мы сбивали настройку, и после этого болты никакой силой нельзя было ввернуть в гайки. Перед появлением мастера старались привести станки в нормальное положение, более-менее вернуть перво-

начальную настройку к концу смены. У мастера не было указательного пальца на правой руке, поэтому ему дали прозвище Беспалый.

Работаем мы как-то, успешно выполняем «задание по браку». Я вынимаю из патрона готовые болты и бросаю в железную коробку справа от станка. В дальнем конце цеха появилась сутулая фигура мастера. Делаю явный брак, но времени для настройки станка у меня уже нет, да и нечем измерить резьбу. Беспалый подходит к первому станку, берет болт и гайку, пытается соединить. Бесполезно. Идет к другому станку. Берет вторую пару — результат тот же. Взбешенный мастер подходит к третьему — везде одна и та же картина. На мое несчастье, мой станок стоит последним в линии. Дошла очередь и до меня. Проверив качество моей продукции, громко бранясь, Беспалый в ярости бросает в меня болты и гайки. Увертываясь от града металла, я спрятался за колонну. Стараюсь прикрыть руками голову, лицо. Мои товарищи, оставив работу, наблюдают, чем все кончится. Все же не увернулся, удар болта рассек тыльную сторону кисти, хлынула кровь. До сих пор я храню немецкий «знак качества» — шрам на руке. Получил я наказание за брак — три дня без еды.

После этого случая меня перевели в чернорабочие, стал я убирать стружку от станков. Все три дня ребята подкармливали меня кто чем мог из своих скудных пайков. Спасибо им! Винторезные станки приводила в движение трансмиссия, от которой шла ременная передача к каждому станку. Здесь мы тоже приноровились портить оборудование. Договорившись с товарищами, мы одновременно включали сцепление всех станков. Не выдержав большой нагрузки, приводной ремень рвался. Пока придет мастер, найдет шорника и тот починит ремень, мы отдыхали, работа стояла. Но вскоре немцы догадались о нашей хитрости. Нам пригрозили строгим наказанием, и ремень стал реже рваться.

Меня не оставляла мысль о побеге. Стал я потихоньку готовиться. В цехе нашел и принес в казарму комбинезоны и кепку. Из обломка ножовочного полотна сделал нож. Стал копить сухари. Конечно, бежать одному не имело смысла. Просто не мог один человек, обессиленный голодом и тяжелым трудом, пройти такой огромный путь по вражеской земле. Также требовалась тщательная подготовка и план побега. Все это нельзя было проделать незаметно от других заключенных. Поэтому я приглядывался и выбирал, с кем можно решиться на побег. Подручный кузнеца был крепкого телосложения, не болел и не был истощен. Но не всегда в здоровом теле бывает здоровый дух. Он отказался бежать вместе со мной.

Как-то перед обедом ко мне подошли двое: Василий Шендаров и Николай Тимошинов. Слово за слово, они спросили меня: «Ты, говорят, бежать собирался?» — «Да, — говорю, — но напарник сдрейфил в день побега и отказался». — «А с нами побежишь?» — спрашивают. Я с радостью согласился. Они показали припрятанные в казарме компас и карту Европы. Я, в свою очередь, показал им свои припасы. Особенно они обрадовались комбинезонам, ведь в наших полосатых куртках со знаками SU далеко не уйдешь.

Эти двое, Василий (которого мы между собой называли Васса) и Николай, ничем не выделялись из массы заключенных. Лидером среди них, несомненно, был Василий. Он обладал сильным характером и был более образованным. В лагерях обычно люди много о себе старались не говорить, настороженно относились к излишне любопытным. Поэтому я мог судить об этих ребятах только по личным наблюдениям. Так вот, Васса был человеком ниже среднего роста, светло-русый, подвижным, в некоторых случаях даже нахальным. По возрасту из нас он был старшим. В мирное время он был секретарем партийной организации в колхозе на Смо-

ленщине. Особой эрудицией он не отличался, но имел, что называется, мужицкую хватку, то есть смекалку. До прибытия в Дармштадт Василий работал в лагере поваром, а Николай был там же подсобным рабочим. Работа на кухне всегда давала возможность сытно жить, и поэтому в наш лагерь они прибыли в хорошей физической форме. Они подружились еще в предыдущем лагере и давно задумали бежать. Между ними и мной не было дружбы, и я им был нужен только как спутник в пути.

Николай Тимошинов был несколько выше ростом Василия, но ниже меня. Родом он был из Воронежской области. До армии работал в колхозе пастухом. Почти неграмотный, он всегда тянулся к тем, кто был умнее его, сообразительней. При Василии он был на вторых ролях, то есть прислуживал ему. Поэтому дружбой этот союз я назвать не могу. В моем понимании дружба — это более высокое и бескорыстное чувство. А здесь во всем был расчет. Вот с двумя такими разными и далекими от меня людьми свела меня судьба.

Были среди нас и привилегированные личности. Переводчик и два полица. Полицаями немцы выбирали заключенных из числа самых озлобленных и услужливых, порой бывших уголовников. Они не работали, а следили за порядком и чистотой. В их функцию входило распределение на работы. Среди заключенных ни переводчики, ни полицаи уважением не пользовались. В казарме поговаривали, что переводчик и два наших полица тоже готовятся к побегу. В то время, когда мы работали в цехах вагоноремонтного завода, они были в казарме, на работу их не посылали.

Однажды мы с Василием и Николаем после рабочего дня обнаружили, что компас, карта и одежда исчезли из нашего тайника. Подозрение пало на переводчика и полицаев. Вечером мы подошли к ним и напрямую спросили их: «Вы взяли наши вещи? Верните!» На это переводчик сказал: «Немцы и так хотели делать обыск, а мы их опередили. Эти вещи нам самим пригодятся

для побега. Если будете настаивать, то отдадим их начальству и скажем о вашей подготовке к побегу». Ничего не поделаешь, пришлось отступить, но ночью мы все же попытались найти компас и карту в их одежде. Но ничего так и не обнаружили.

Переводчик был до войны студентом, жил в Ленинграде. Один из полицаев — тоже ленинградец. А вот третий (не помню, откуда) просто был их прихлебателем, искал тепленькое место. Часто я имел с ними конфликты.

Особенно запомнился один случай. Обычно хлеб для нас нарезал охранник-сержант. Переводчик уговорил его доверить им эту работу. Немец согласился. И вот мы стали получать наши пайки, но без горбушек. И так каждый день. Все тайком роптали, но никто не высказывал своих претензий вслух. Однажды, после нарезки хлеба, троица направилась в свой угол. У одного из них оттопыривалась гимнастерка. Ясно было, что там у него наши горбушки. Я не выдержал и подошел к переводчику. Он был выше меня ростом и крепче сложен. Я сказал, что подло обкрадывать своих товарищей. Тот покрылся красными пятнами, скрипнул зубами. Размахнувшись, кулаком он ударил меня, в кровь разбив лицо. Я упал. На шум из помещения охраны вышел сержант. Переводчик что-то стал ему говорить, показывая на меня. Я в это время сел на низкую скамейку и вытирал кровь с разбитой губы. Сержант подошел ко мне сзади и, сильно размахнувшись, пнул меня сапогом так, что я, пролетев некоторое расстояние, упал на пол. Он стал яростно избивать меня ногами. Потом он через переводчика объявил всем, что так будет со всеми недовольными. Сержант ушел. Обида душила меня. Я подошел к переводчику, взял его за ворот гимнастерки и сказал: «Я, если выживу, из-под земли тебя достану и перегрызу глотку!» Потом мне ребята рассказывали, что он не спал две ночи после моих слов.

Было у нас несколько вариантов побега. Сначала был план побега через чердак. Попытались оторвать доски

потолка, но на наш шум вышел солдат из караульного помещения. Он что-то недовольно буркнул и ушел. Мы прекратили попытки разобрать потолок. Вторым был вариант побега через туалет. Мы хотели распилить там решетку, привязать к ней проволоку и спуститься по ней во двор. Мы даже сумели принести моток толстой проволоки, убедив немцев, что она нам нужна для сушки белья. Но слабым звеном в этом плане было то, что нашим туалетом пользовалась охрана. Они могли заметить распиленную решетку. Тем более что был заведен порядок: при появлении кого-нибудь из немцев в туалете мы должны были немедленно его покинуть. Также мы опасались, что ослабевшими руками можем не удержаться за скользкую проволоку.

У нас созрел план побега через третий этаж. Помещения этого этажа немцы использовали под склад награбленного имущества. Там хранилась мебель, захваченная у евреев. Еще этот план выгодно отличался от первых двух тем, что можно было безопасно спуститься вниз. Дело в том, что на первом этаже была кухня, на втором — столовая для заводских рабочих. Четвертый этаж был отведен для содержания военнопленных. В левом крыле были советские пленные, а в правом — французы. Чтобы пленные не встречались с немецкими рабочими, уже после нашего прибытия с противоположной стороны для пленных была выстроена массивная деревянная лестница на четвертый этаж. И мы ходили к себе в казарму, минуя столовую, не портили своим видом немецкий аппетит. Лестница доходила до площадки четвертого этажа, и мы, и французы попадали через это окно в казарму. Сразу бежать через нее мы не могли, так как от помещения казармы ее отделяла каптерка, напротив которой находилось помещение охраны.

В одно из воскресений нас не повели на работу в цеха. Мы остались в казарме. Один из нас случайно наступил на половую доску возле печки и обнаружил, что она плохо прибита. Подошел переводчик с полицией

и оторвали ее от пола. Потом оторвали еще две доски. Получился лаз на третий этаж. В него спустились поллицаи. Через некоторое время они вылезли, держа в руках по бутылке вина. Нас всех переводчик предупредил, чтобы мы молчали. Если кто проболтается, то переводчик свалит всю вину на доносчика. Проем заложили досками и просили не наступать на это место.

В следующие дни эта троица еще несколько раз лазала на третий этаж. Они набрали еще вина, отрезки ткани и еще что-то. Так долго продолжаться не могло, так как немцы в любой момент могли обнаружить пропажу вещей и тогда наш побег не удастся. Решаем бежать в следующее воскресенье, предварительно сделав разведку.

И вот в одну из ночей, когда все в казарме уснуло, Николай Тимошинов осторожно спустился в лаз. При каждом шорохе внизу мы вздрагивали. Вдруг немецкая охрана что-то услышит! Вслед за Николаем спустились Василий и я. Василию хотелось самому посмотреть путь побега. Спускаться нам было удобно, так как внизу под разобранными досками стояла упакованная в чехлы мебель. На нее-то мы и вставали, спустившись в дыру. Мы убедились, что пристроенная лестница только чуть-чуть была в стороне от окна третьего этажа. А самое главное — на окнах не было решеток! Сразу же мы проверили шпингалеты, легко ли они открываются. Окрыленные успехом, мы, радостные, вылезли обратно и аккуратно заложили лаз досками. Теперь нам осталось только ждать воскресенья. Предвкушая скорое освобождение, мы улеглись на свои нары.

Но суббота нам преподнесла неприятный сюрприз. В конце этого дня, на закате, немцы впервые за все время вывели нас, русскую группу, и французов на прогулку перед нашим зданием.

Наслаждаемся последними лучами закатного солнышка и, как можем, беседуем с французскими пленными. Среди них выделяется своей внешностью один, низкорослый, коренастый, с выпуклым лбом лысый

француз. Его товарищи прозвали Лениным. Сходство усиливает его рыжеватый цвет волос. Где словом, где жестом выясняем, что группа из трех французов, во главе с «вождем пролетариата», тоже готовит побег. Мы предложили бежать вместе. Но неожиданно получили отказ. Они сослались на то, что мы плохо знаем немецкий язык. Мы, отойдя в сторонку, с тревогой обсудили это сообщение. Если кто-то попытается бежать до нас, то наш побег срывается. Тогда мы решаем бежать сегодня же ночью — другой возможности не будет.

Ночь началась неудачно. Авиация союзников в густых сумерках бомбила какой-то соседний город, и зарево долго полыхало в светлом летнем небе. Встревоженная бомбежкой охрана долго в эту ночь не спала, слышались голоса и шаги.

III

С 4 на 5 июня 1942 года, в ночь с субботы на воскресенье, мы вскрыли пол возле чугунной печки.

Вдруг один из пленных проснулся и подошел к нам. Мы предложили ему бежать вместе с нами. Он сказал: «Ребята, я очень ослаб и не хочу быть вам обузой. Я не смогу выдержать такой путь, тем более что недавно меня сильно избили немцы. Вы спускайтесь, а я за вами заложу доски. Счастливого вам пути на Родину!» Этого человека я давно приметил, да и немцы его «примечали» за внешность еврея. Часто они его били без причины. Стараясь не шуметь, мы спустились на третий этаж. Сразу же над нашими головами с тихим стуком закрылась досками брешь.

Осторожно спустились по шкафам, покрытым тканью и бумагой. Стараясь не делать шума, исследовали помещение третьего этажа. Нет-нет да и заденем предательски шуршащую обертку. Над нашими головами слышатся шаги и голоса немецкой охраны. Все может сорваться от малейшей нашей неосторожности. Подо-

шли втроем к выбранному заранее окну. От волнения долго не можем справиться с тугим шпингалетом. Но вот наконец в душное и пыльное помещение ворвался свежий ночной воздух. Воздух свободы! Первым встал в проеме окна Василий и шагнул на лестничную площадку. Вот он уже протянул руку Николаю, тот шагнул на лестницу. Вот и мой черед настал. С замиранием сердца я шагнул в сумрак ночи. Вот мы уже втроем стоим на площадке. Осторожно, друг за другом, спускаемся по лестнице до первого этажа.

Шепотом посовещавшись, решаем навестить немецкую столовую, заpastись провиантом. Дверь оказалась незапертой, и мы вошли в столовую. В зале расставлены столы и стулья. Кухня отделена от зала стеклянной перегородкой. Василий с Николаем подняли раму окна в перегородке и попали на кухню. Я придерживал раму, пока они залезали и были на кухне. Вдруг странный скрежет и шуршание заставили тревожно екнуть сердце. Оказывается... большие настенные часы готовятся отбить время. Ребята уже подают мне добычу: хлеб, масло, соль и спички. И еще небольшой кусок колбасы! Сосчитал хлеб — семь буханок, на первое время хватит. И в тот момент, когда ребята вылезали обратно через окошко, часы громко отбили два часа. Мы похолодели от неожиданности.

Быстро разделив между собой добычу, мы вышли в ночную темноту заводского двора. Справа от нас кусты и небольшие деревья образуют как бы зеленый островок. Решаем немного перекусить и обсудить заодно, что делать дальше. Верите ли, но я съел целую буханку хлеба за один присест! Потом мои товарищи обвинили меня в том, что я потерял ее. Но я тогда был так голоден, что буханка хлеба проскочила моментально с куском колбасы.

Во время нашего позднего пиршества мы вдруг заметили, что на нашем этаже в туалете зажегся свет. Ночью свет в туалете разрешалось зажигать только немцам. Вдруг заметят наше отсутствие! Мы замерли в ожида-

нии. Свет погас, и мы поторопились быстрее продолжить путь.

Вот когда нам пригодилась куча камней и мусора в углу двора. Я первым подошел к куче. Один за другим взобрались мы на ее вершину. Теперь можно ухватиться руками за край кирпичного забора. Помогая друг другу, подтягиваемся на самый гребень. Затем, придерживая руками колючую проволоку, перешагнули по очереди на другую сторону забора. Повиснув на руках, прыгаю вниз, затем прыгают мои товарищи. **МЫ НА ВОЛЕ!**

Быстро, опасливо оглядываясь, перебежали на другую сторону улицы. Железнодорожный путь ведет от заводских ворот к городской окраине и дальше, за город. Мы пошли по шпалам. Я шел первым и нес под мышками две буханки хлеба.

Молодая луна хорошо освещает наш путь. Вдруг вижу, нам навстречу идет старик. Никак не ожидал я увидеть кого-нибудь в столь позднее время! Крикнул ребятам: «Немец!» — и побежали назад. Я споткнулся, упал, и одна из буханок выскочила у меня из-под мышки. Судорожно стал ее искать в темноте. Нашел! Оглянувшись назад, увидел, что нас никто не преследует. Мои приятели уже довольно далеко отбежали и дожидались меня. Коротко объяснил им причину задержки.

Выйдя за город, решаем свернуть с насыпи и идти на юг. Запомнилось только, что шли мы сначала по полю, затем по болоту. Пересекли шоссе и углубились в густой ельник. Шли мы быстро, чутко прислушиваясь к ночным звукам.

Рассвет застал нас в молодом сосновом лесочке. Первые лучи солнца осветили вершины деревьев. Мы, усталые и возбужденные, ощутили наконец, что вырвались из проклятого плена! Ликование kloкотало во всем теле. **СВОБОДА!!!**

Немного отдохнув и перекусив, понимаем, что нужно как можно дальше уходить от места побега, но усталость сморила моих товарищей.

Солнце уже поднялось над вершинами и начало пригревать. Николай и Василий спали. Вдруг послышались голоса в лесу. Осторожно выглянул из-за папоротника и увидел на опушке леса, метрах в ста от нас, гуляющих детей. Разбудил я друзей и говорю: «Ребята, надо уходить глубже в кусты и там устраиваться на отдых». Забрались мы в кустарник, замаскировав ветками наше убежище.

Усталость взяла свое, и мы заснули крепким сном свободных людей.

В ДОРОГЕ

(Германия, первая половина июня 1942 года)

Шли первые дни нашего побега из концлагеря. Несколько тревожных дней и ночей уже остались позади. Для нас эти первые шаги в неизвестность были очень важными и волнительными. Вокруг — чужая немецкая земля, чужое абсолютно все, и поэтому нам всегда приходится быть настороже, готовыми к любым неожиданностям. Очередная ночь преподнесла нам первый урок.

Радостное чувство свободы, видимо, замутило наше сознание, мы расслабились и ненадолго забыли про осторожность: июньские ночи были теплыми, и мы, трое беглецов, под утро решили лечь спать под густым кустарником прямо на сочной зеленой траве. Мы были уверены, что выбрали для ночлега безопасное место... Спали мы крепко. Но рано утром наш сон неожиданно прервало громкое блеяние большого стада. Мы мгновенно вскочили. Выглянули из кустов и — о боже! Прямо рядом с нами пролежала проселочная дорога, по которой немецкие пастухи гнали овец. Овцы насакивали друг на друга и блеяли довольно громко. Некоторые овечки, испуганно озираясь, проходили мимо нас. Как нас не заметили пастухи, так и осталось загадкой! Это утро многому нас научило, и, обсудив случившееся, мы решили впредь быть внимательнее и осторожнее.

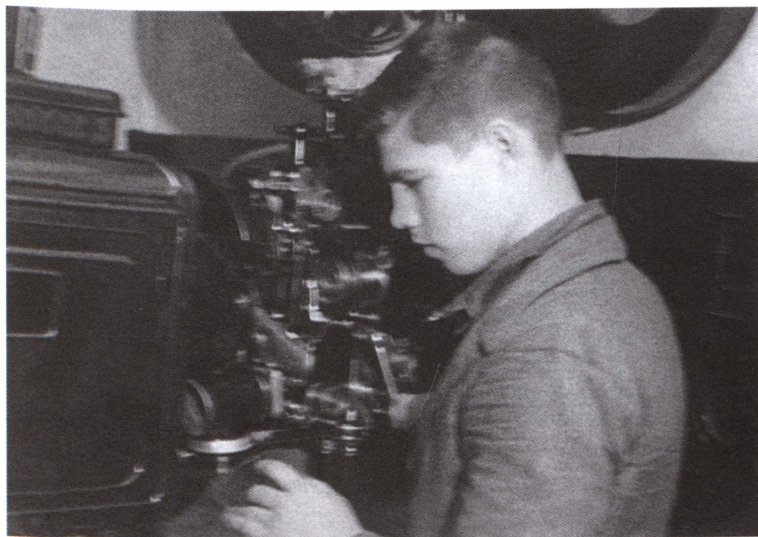
Валерий Николаевич Вахромеев

Вахромеев Николай Никифорович,
отец Валерия Николаевича, участник
брусиловского прорыва 1917 года

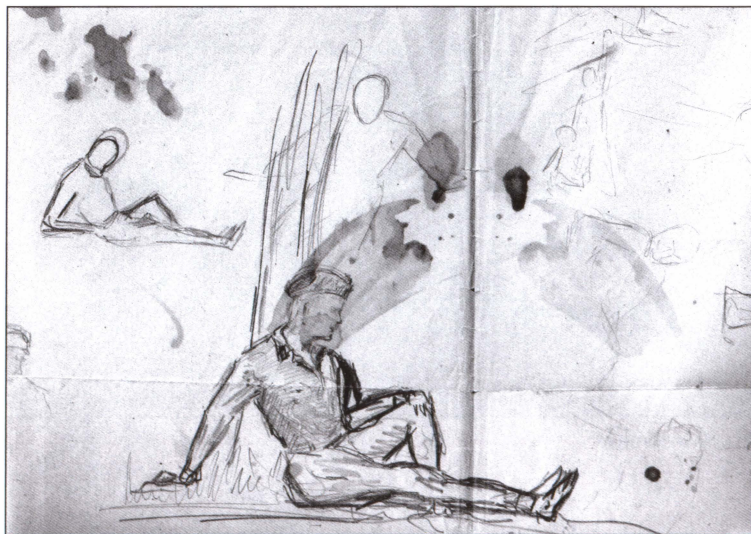
Вахромеева Антонина
Константиновна, мать Валерия
Николаевича. 1916 год

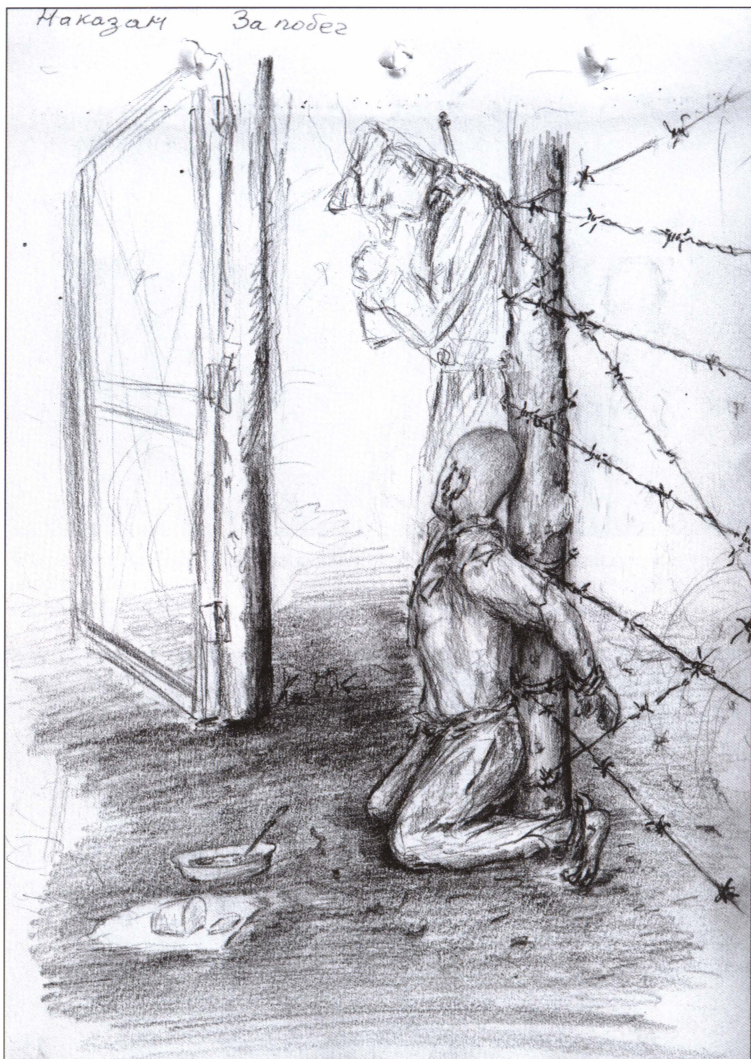
В.Н. Вахромеев. 1940 год

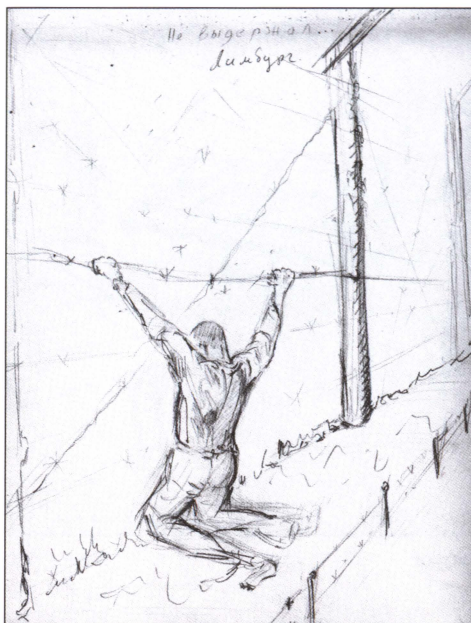
В лесу после боя. (Здесь и далее — рисунки В.Н. Вахромеева)

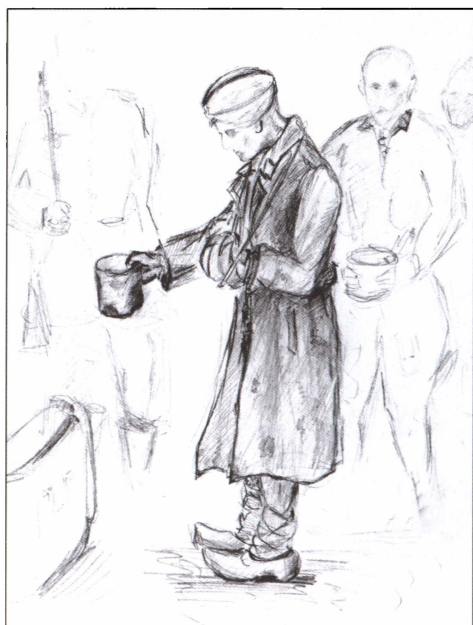
Отдых после боя

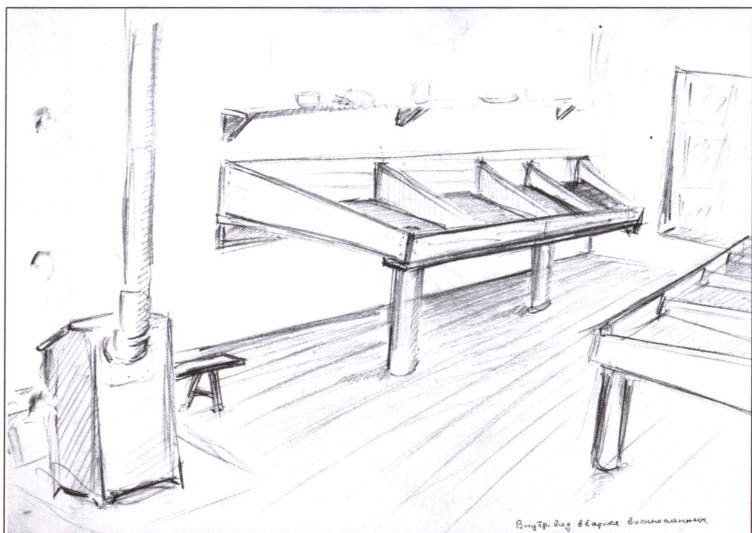
Наказан за побег

Не выдержал плена...
г. Лимбург

В очереди за баландой

Внутренний вид барака, г. Лимбург

В концлагере

Экзекуция

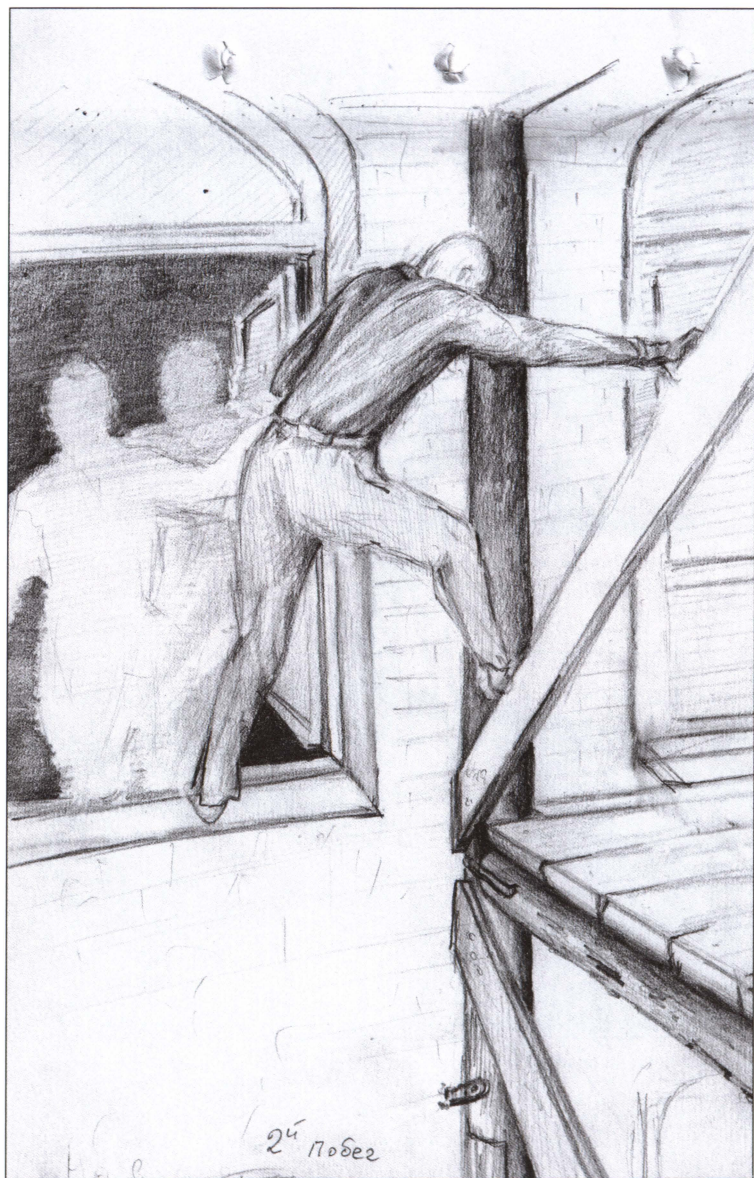
Экзекуция

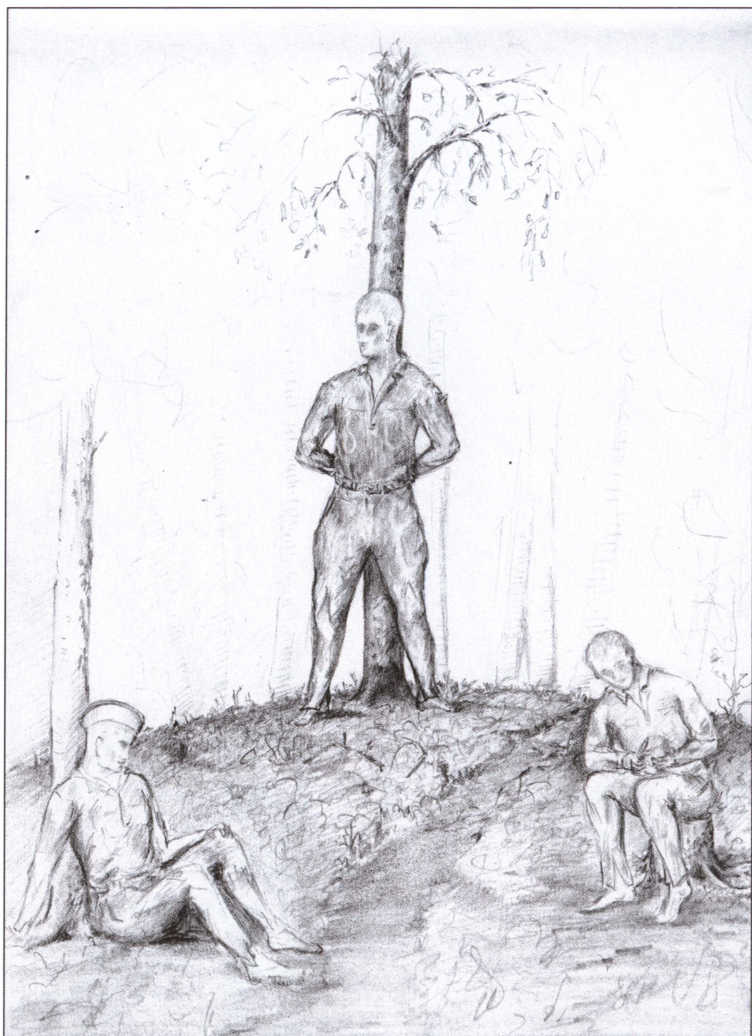
На свободу!

Мы разбираем пол для побега. Дармштадт, Германия. 5 мая 1942 г.

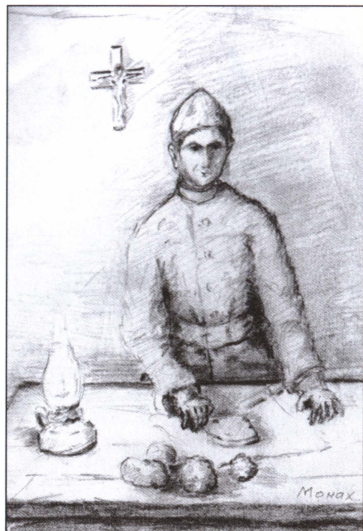
Побег: мы выбираемся на деревянную приставную лестницу

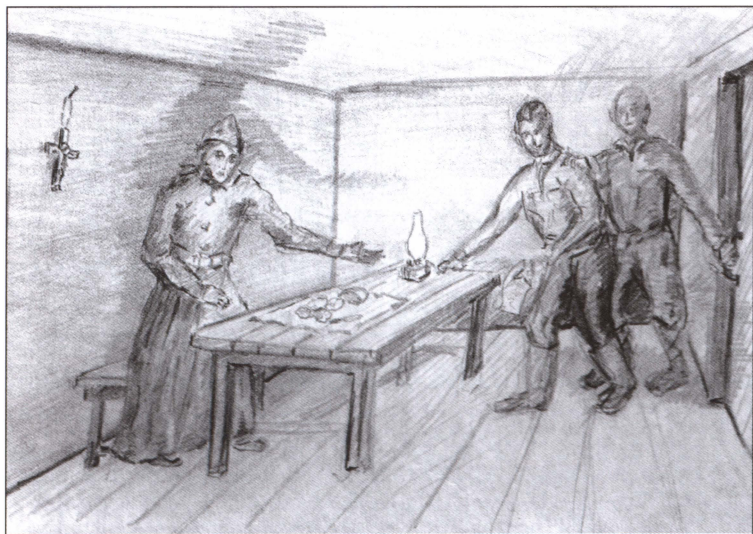
Первый день на свободе!

К рассказу «Гуси»

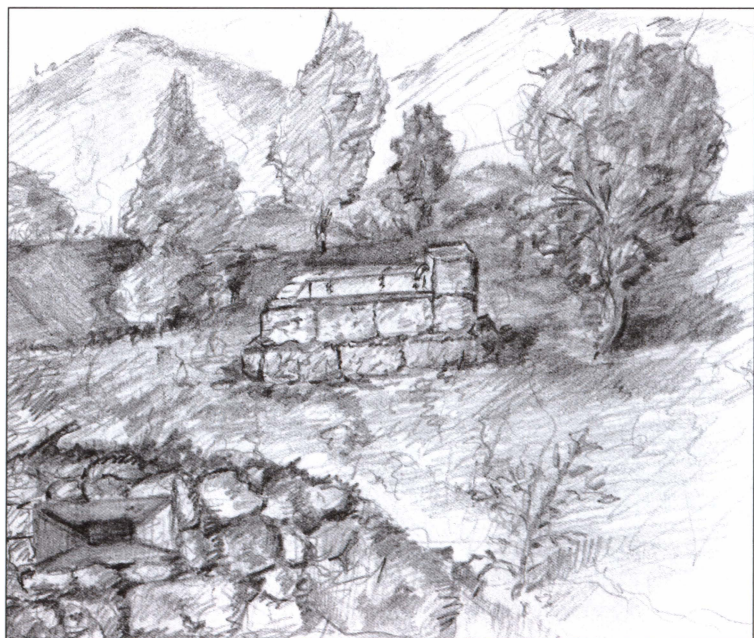
Скромные дары сельского священника

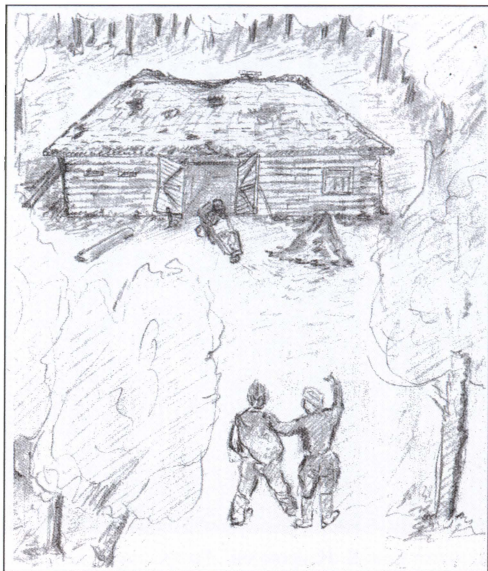
В доме сельского священника

Переправа через Рейн

К рассказу «Линия Мажино». Лето 1942 г.

Старик с тачкой.
Франция, лето 1942 г.

Камера тюрьмы
Сан-Галлен, Швейцария

В. Вахромеев и В. Савченко.
Швейцария, 1943 г.

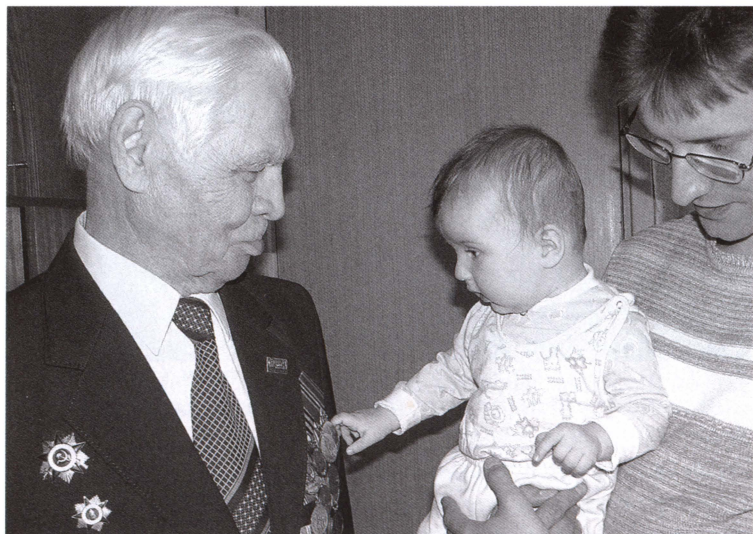
В. Вахромеев. Лагерь
военнопленных. Швейцария, 1943 г.

Наша лагерная газета. Швейцария, 1943 г.

Валерий Николаевич Вахромеев с женой Антониной Петровной, сыном Юрием и внучкой Анной. 1990 г.

В.Н. Вахромеев с зятем Максимом и правнучкой Настей

Валерий Николаевич Вахромеев. 1995 г.

Вам приходилось когда-нибудь воровать или брать без спроса что-нибудь? Согласитесь, что это занятие не из приятных! А нам приходилось этим заниматься все три месяца пути по чужой немецкой земле. Очень врезалась мне в память самая первая кража после побега из немецкой неволи. Мы, трое беглецов, уже три или четыре дня шли ночами в сторону Южной Франции, тогда еще не оккупированной немцами. Продукты, которые мы смогли прихватить с собой в дорогу, уже давно кончились. И все наши мысли были о еде: где и как ее достать. Пробираясь редким лесочком, мы вышли к большому фруктовому саду. Любопытная луна, следуя за нами, освещала ярко весь сад. Вдали между деревьями виднелись какие-то хозяйственные постройки, вроде как сараи. Попытались открыть дверь одного из сарайчиков, но она в ночной тишине предательски сильно заскрипела, заставив нас оставить это занятие. Вдруг один из сараев привлек наше внимание сонным гоготом домашних гусей. Мы стали внимательно присматриваться к конструкции сарая. В верхней части его была приоткрыта фрамуга окна, довольно высоко от земли. Решили попробовать открыть дверь сарая — неудача, дверь крепко заперта. Обошли кругом в поисках другой лазейки. Сарай оказался сколочен по-немецки, добротнo. Так некоторое время мы кружили вокруг сарая, пытаясь попасть внутрь...

И план созрел. Мои товарищи легко приподняли меня на руках до полуоткрытого окна. Ведь после долгой лагерной «диеты» я весил немного. Без особого труда я влез в довольно широкое окно и, уцепившись за край рамы, повис на ней, не чувствуя под собой опоры. Так я раскачивался, как маятник, некоторое время. За окном слышались тревожные голоса моих друзей. И вот решаюсь отпустить руки, мягко приземляюсь на земляной пол сарая. Внутри темно, лишь два светлых пятна: окно да прямоугольник лунного света на стене.

Начинаю шарить в темноте, широко расставив руки. Натыкаюсь на какие-то предметы, правая рука нащупала тумбочку, а сразу за ней натыкаюсь на гладкие перья гуся. При моем прикосновении гусь издает «приветливый» крик. Я на миг замер... Прислушался. Тишина. Опять широко расставленными руками ищу гуся. Вот опять нащупал его шею... Одной рукой хватаю его теплую шею, туловище зажимаю между ног, чтобы не бил крыльями. Одно движение, и у гуся нет головы... Несу еще теплую птицу к окну и выбрасываю ее наружу, где ее тут же подхватывают мои приятели. Слышу их тихие одобрительные голоса. И еще дважды проделываю такую же операцию, и дважды птицы вылетают с моей помощью из окна.

Теперь настал и мой черед «вылетать» из сарая. С улицы слышатся тревожные голоса моих друзей, они торопят. Меня бросило в холодный пот, когда я представил, что в случае поимки меня ждет участь этих гусей. Соображаю, как бы мне поскорее выбраться из этой ловушки, в которую сам добровольно попал.

Подставляю к оконному проему тумбочку и с трудом дотягиваюсь до нижнего края рамы, цепляюсь за нее. Подтянуться на руках не хватает сил. После лагерного истощения я мог лишь болтать в воздухе ногами и в результате исцарапал о неструганые доски живот. Приходится слезть вниз. Нахожу сундучок с инструментами и ставлю его на тумбочку. Опять влезаю на это сооружение и... я уже в проеме окна, освещенный луной. С помощью товарищей спускаюсь на землю. Ноги дрожат после такого напряжения, усталость во всем теле...

Довольно далеко мы ушли от того места, где совершили «преступление». Первая добыча, первые заботы: как ее сварить? Часа два мы шли лесом. Каждый нес по гуся. Вышли на развилку лесной дороги и в лунном свете на обочине увидели чугунный бачок (такие бывают в туалетах для слива воды). Тяжелый он был, но мы прихватили его с собой. Лес кончился. Перед нами от-

крылось большое картофельное поле. Мы накопили картошки, мелкой как орехи.

Решаем заняться первой в нашем странствии варкой. Из мелкой лужи с трудом удается начерпать в бачок воды. Теперь уж я не помню, чем мы забили отверстие бачка. Забить-то забили, но вода все равно просачивалась. Пришлось поставить бачок наклонно, но даже для варки полгуса воды было маловато. Приходит идея жарить гуся на костре, а в бачке сварить картошку. Разожгли костер. Уже стало заметно светать — коротки летом ночи. Пришлось поторопиться.

Короче говоря, картошку мы так и не сварили, а вот гусей мы отведали, не обращая внимания на полусырое мясо. Усталые, но сытые едой и приключениями этой ночи, мы крепко уснули, забравшись в густые заросли кустарника.

Прочитав этот рассказ, некоторые брезгливо передернут плечами: зачем так подробно описывать убийство несчастных гусей? Поверьте, это была жизненная необходимость, ведь другого источника питания у нас не было. Меня, наверное, может понять только тот, кто сам побывал в такой ситуации. К тому же тогда мне впервые пришлось убить живое существо, а это нелегко. Поэтому случай с гусями мне так врезался в память.

ОБЛАВА

Первые дни на свободе. Она радует и опьяняет. А идти приходится по густонаселенному центру Европы. Кругом вражеская территория, и надо быть бдительными. В любой момент можем опять оказаться за колючей проволокой, а то и хуже... Но молодость беззаботна, и первые удачные рейды по огородам расхолаживают. Порой не только ночью, но и ранним утром мы заходим на поля и в огороды.

Ночь кончалась, близился рассвет. Мы заканчивали долгий ночной переход. Восток уже посветлел, и мы

стали присматриваться, где бы добыть съестного. Дорога поднималась в гору, и на холме показалась сонная немецкая деревенька. Василий выбрал крайний дом. На наше счастье, его хозяева не держали собаки, и наш приход не был замечен.

Здесь мы разделились. Василий с Николаем пошли за овощами на огород, а я подошел к сараю, где могла находиться какая-нибудь живность. Кругом предрасветная тишина, покой. Сарай не был заперт, и, войдя в него, я заметил при свете луны сидевших на насесте петуха и двух кур. Они мирно спали, спрятав головы под крылья. Я положил свой мешок при входе и легонько тронул петуха. Тот встрепенулся, поднял голову и сонно взглянул на меня. Я быстро свернул ему шею и бросил петуха в мешок. Затем то же самое я проделал с его подругами. Вышел с мешком из сарая на улицу, где меня уже поджидали мои товарищи с дарами огородов. Мы порадовались нашей добыче и отправились в сторону леса.

Когда подошли к опушке, совсем рассвело. Ночная луна уступала вахту солнцу. Только теперь мы вспомнили, что не накопили картошки. Пришлось мне и Николаю идти к ближайшему картофельному полю. Там мы ползком забрались подальше от края и накопили руками немного мелкой картошки. Приходилось все делать лежа, так как уже было светло, местность была холмистая и хорошо просматривалась со стороны деревни. По-пластунски мы вернулись к Василию и, встав в полный рост, углубились в лесок.

Надо заметить, что в Германии нам не встречалось больших лесных массивов. Чаще нам попадались лесозащитные полосы и перелески. В середине этого леса тоже был ровный квадрат посадок молодых елок. Я развел в нем небольшой костерок, и Николай сварил в банке от повидла картошку вместе с курами и петухом. Ощипанные перья и потроха мы тщательно закопали под елкой. Пища была готова, и мы не спеша

приступили к завтраку. На догорающем костре Василий решил поджарить зачатки яиц из выпотрошенных кур.

Первые лучи солнца заиграли на макушках елей. Вдруг со стороны селения послышались голоса. Мы насторожились. Голоса приближались, много людей шло в сторону нашего леса. Быстро забросав землей угли костра, мы накрыли его мешком. Сами пригнулись и стали наблюдать сквозь просветы в деревьях за опушкой леса. Там уже явственно слышались команды людей и собачий лай. Вот совсем рядом, метрах в пятнадцати от нас, прошла группа подростков. Мы могли ясно слышать их разговор.

Потом, несколько в стороне, я заметил ноги троих мужчин и толкнул локтем Василия. Он тоже посмотрел в ту сторону. Две пары ног были обуты в краги, какие в Германии обычно носят полицейские и жандармы. Двое в крагах вскоре ушли в сторону опушки, остался лишь мужчина в ботинках. В лесу, то тут, то там, слышались голоса и пересвист людей. Они явно кого-то искали в лесу.

Прошло уже порядочно времени, и стал накрапывать мелкий дождь. Мы уже собирались ползком перебраться в более безопасное место, как прозвучал пронзительный свисток и раздалась громкая команда. Мужчина направился к опушке, удаляясь от нас. Видно, кто-то старший, командовавший облавой, дал отбой. Голоса, постепенно удаляясь, стихли.

Дождь пошел сильнее. Тяжелые крупные капли стекали по веткам елей. Мы осторожно стали пробираться в противоположную сторону, подальше от людей.

Этот случай послужил нам хорошим уроком. Из-за своей неосторожности мы могли опять оказаться в плену. Видно, кто-то из жителей заметил нас на картофельном поле и организовал облаву. На наше счастье, дождь не дал как следует прочесать весь лес. Впредь надо быть осторожнее!

РЕЙН

(Германия, июль 1942 года)

Уже вторую ночь мы бродим по берегу Рейна и ищем возможность переправиться на другой берег. На левой стороне реки, на крутом берегу, растет редкий, но высокий лиственный лес. Вдоль берега тянется извилистая тропинка, а внизу, на отмели растут густые кусты ивняка и заросли осоки.

Сегодня воздух особенно чист после теплого летнего дождя. До этой ночи мы почти сутки шли по узкой и скользкой тропинке вдоль берега. Была ясная лунная ночь. С высокого берега поверх зарослей ивняка просматривается противоположный берег Рейна. Широкая и могучая река плавно несет свои воды на юг, отливая голубым блеском в лучах луны. Вдали виден какой-то город и пролеты большого моста через реку. Город в холодных лучах луны кажется мертвым, ни единого огонька — светомаскировка.

Мы с Николаем идем по круче над рекой, а Василий идет по берегу и ищет средство переправы в густом кустарнике. И вот он тихо подзывает нас к себе. Миновав кустарник, выходим к самой воде. На фоне лунной дорожки видим Василия, который пытается выдернуть из земли кол. К нему тяжелой цепью привязана лодка. Звон цепи далеко слышен в ночной тишине, но Василий, увлеченный своей работой, забыл об осторожности. Втроем, к нашей общей радости, мы довольно легко справились с колом. Лодка оказалась огромной — метров пять-шесть. Скамеек в ней не было. На дне лежали две сколоченные доски, щепки и кора. Видимо, хозяин лодки перевозил дрова или лес на другой берег. Немного усилий, и мы отчаливаем от берега. Быстрое течение подхватило лодку и стремительно понесло вниз, к городу. Пришлось воспользоваться двумя сколоченными досками как огромным веслом. Вдвоем с Николаем, переходя с борта на борт, орудуем нашим «веслом» и стараемся направить лодку к другому берегу.

Быстрое течение разворачивало нашу посудину то одним, то другим бортом. А город стремительно приближался. С большим трудом нам все же удалось преодолеть середину реки. Подгоняемые страхом и отчаянием, мы гребли, выбиваясь из последних сил. Наши доски мелькали то с одной стороны лодки, то с другой. Василий помогал нам грести двумя ладонями, для чего ему пришлось почти по пояс свеситься за борт. Берег медленно приближался... Нашу лодку несколько раз развернуло водоворотом, и ее дно уже зашуршало по песку.

Мы один за другим спрыгнули на отмель и облегченно вытерли струившийся пот. Усталые, еле переводя дух, мы карабкаемся на песчаный берег. Взобравшись, еще раз смотрим на противоположный берег, откуда мы недавно так решительно отчалили. Смотрим на освещенный луной Рейн и на уже совсем маленькую лодку, уносимую быстрым течением. Она теперь не кажется нам огромной и неуклюжей, теперь она похожа на легкую щепку, подхваченную мощным потоком. Обернувшись, видим широкое пшеничное поле, а за ним скошенный луг. На лугу стоят большие стога сена. Вот в них-то мы и решаем устроить привал после переправы. Идем друг за другом по колючей стерне, оставляя за собой извилистую тропинку. Усталые, но счастливые мы выбираем стог сена подальше от края поля, в глубине. И ныряем в душистое сено!

Аккуратные и практичные немцы кладут на землю сначала дощатый настил, а лишь затем сено (чему не мешало бы поучиться и нам). Вот на этом-то настиле мы и расположились, прикрытые сверху душистым сеном. После тревожной ночи сон быстро овладел нами, и мы крепко уснули.

Но спать пришлось недолго, разбудил нас громкий разговор совсем рядом с нами. Осторожно раздвинув сено, выглянули наружу. Рядом с нашим стогом стояла серая лошадь, запряженная в подводу. У соседних стогов стояли трое: двое мужчин и женщина. Они грузили

сено и громко переговаривались. Со страхом и нетерпением мы дождались, когда они закончат погрузку. И вот подвода, тяжело поскрипывая, медленно удалилась от нас, все тише и тише слышалась немецкая речь, затихая вдали.

Небо нахмурилось тяжелыми дождевыми тучами. И вот уже первые крупные капли упали с неба. Мы поочередно выбрались из своего укрытия. Холодный, частый дождь встретил нас. Собравшись вместе, мы решаем доспать на пшеничном поле, чтобы не испытывать больше судьбу. Идем осторожно, чтобы меньше следов оставить за собой в поле. Углубившись в невысокую пшеницу, выбираем место для сна. Единственная наша спальная принадлежность — большой холщовый мешок. Его-то мы и расстилаем на мокрой земле. Мокрые, мы тесно прижимаемся друг к другу, постепенно согреваясь, забываемся сном. Ни голод, ни частые капли дождя, стекающие струйками по нашим телам, уже не могут прервать этот сон. Позади тревоги и волнения ночной переправы, теперь можно отдохнуть.

Вот уж несколько дней и ночей идем по югу Германии к границе с Францией. Обычно мы шли только в ночное время, ориентируясь по звездам, по Большой Медведице, или, как в народе это созвездие называли, «ковшу», «ручка» которого направлена на юг, в сторону Франции. Карты не было, но направление мы старались держать всегда по нашему «звездному путеводителю». Если же удавалось совершать дневные переходы, то в ясную погоду ориентировались по солнцу. Но если погода была пасмурная, в лесу помогал мох. По его расположению на стволах деревьев легко узнать север, значит, идти надо в противоположную сторону.

Обычно под утро на заре, когда только-только занимался рассвет, мы искали курятник или крольчатник по окраинам хуторов или деревенок, чтобы запастись едой на день. Кроликов мы запихивали в мешок почти без

шума, а вот с курами, гусями и петухами дело обстояло намного хуже, так как эта крылатая живность могла неожиданно закричать. Но мы так наловчились вытаскивать их из клеток, что они не успевали опомниться. Обычно мы клали в мешок трех кроликов или трех кур — этого нам вполне хватало до следующего дня. Правда, и с грядок мы забирали все, что можно было съесть: морковь, капусту, репу, брюкву, — все это складывали в другой мешок, где лежало пустое ведро для готовки пищи.

Однажды ранним солнечным утром мы остановились в глухом лесу возле ручья с чистой водой. Как раз нам удалось только что разжиться крольчатинной. Освежив тушки, начинаем готовить завтрак. Тут же около ручья разжигаем костер, который за время наших странствий научились разводить почти без дыма. В ведро наливаем родниковой воды и туда же кладем тушки кроликов без шкурок и потрохов. Правда, не всегда удавалось готовить нашу добычу с солью, мы испытывали дефицит этой приправы. Других специй тоже не было, если случайно не удавалось разжиться в сарае или сторожке случайно оставленными запасами.

Подыскиваем около ручья несколько крупных камней-голышей, чтобы поставить на них ведро. Костер жарко запылал, благо сухие сучья горели споро. Вдруг поднялась такая костерная стрельба, что нам пришлось быстренько потушить наш костер: эти звуки могли привлечь к нам непрошенных «гостей». Оказалось, что камни, положенные под ведро, от высокой температуры раскалились и стали «взрываться», разбросав своими осколками весь костер. Быстро залив из ведра огонь, мы меняем место и довариваем кроликов уже на другом костре, уже без всяких камней. Сытно поев, устраиваемся спать в густом сосняке, в кустах. Отдохнув и поев, мы решили двигаться на юг через густой лес, но это раннее утро у костра я вспоминаю до сих пор. После того случая мы старались никогда не использовать камни, когда что-то варили в ведре, опасаясь повторения «каменной канонады».

ПО ГЕРМАНИИ

Однажды мы наткнулись на общественные огороды. Вся их большая территория была разбита на маленькие клочки земли. В центре стояла ротонда, а вернее, подобие подковообразного сооружения с анфиладой деревянных колонн спереди. Покрашена она была в белый цвет, и в ней оказалось множество дверей. Очевидно, внутри огородники хранили свой садовый инвентарь. Заглянуть в эти комнатки повнимательнее нам очень и очень хотелось. Но не все они открыли нам свои тайны, поскольку были заперты на замки. Правда, кое-какие двери, несмотря на это препятствие, все же нам удалось вскрыть. Внутри мы обнаружили садовый инвентарь, гвозди, молотки — словом, все, что нам было абсолютно не нужно.

Блаженствует на небе луна, щедро освещает землю. Проходя по террасе, я наступаю на какой-то предмет, нагнулся, а когда выпрямился, увидел прямо перед собой незнакомца, глядевшего на меня в упор. Сердце екнуло, я замер как вкопанный. Повернул голову, и незнакомец сделал то же самое. Ба! Да это же зеркало. Оно меня так напугало, что я чуть было не дал стрекача! Позвал ребят, они присоединились ко мне, и впервые за много дней нашего пути мы принялись любоваться своими, почти незнакомыми нам самим физиономиями. Вдоволь поохотав над моим испугом, мы весело покинули «немецкий колхоз» и зашагали дальше по дороге, оставляя позади белеющую в лучах лунного света одинокую ротонду и «волшебное» зеркало.

Выходим на проселочную дорогу, слева кустарник и небольшой лесок, а справа купающиеся в лунных лучах поля, раскинувшиеся почти до горизонта... Тропинку преграждает огромное дерево. Люди явно обходили поваленный ствол: влево и вправо тянулись полосы утоптанной земли, которые, обогнув ствол, вновь соединялись. Мы почти миновали это дерево, когда кто-то из нас заметил пугало, одетое во что-то черное. Присмо-

тревшись повнимательнее, мы вдруг поняли: ведь это же черешня со спелыми ягодами. Ура! Вмиг взбираемся по стволу, прыгаем как мартышки. Вначале едим торопливо, потом все медленнее и медленнее, убедившись, что черешня почти закончилась. Стащив сверху пугало (для моих сапог), переворачиваем его вверх ногами. Уходим прочь, унося с собой наполненное доверху спелыми ягодами ведро. Настроение великолепное! Нет-нет да и зачерпываем по горсточке сладких ягод — и вкусно, и легче нести ведро дальше.

Метров через триста—четыреста натыкаемся на здание старинного замка, или что-то похожее. Огромное высокое, изогнутое строение, с окнами на самом верху, довольно высоко над землей. Вокруг все заросло крапивой. Обходим здание слева, вдоль высоченной ограды здания, и попадаем на каменистую дорогу, ведущую внутрь, в ворота. Шлагбаум. Пролезаем под него и входим на огромный круглый двор, весь вымощенный камнями. Окна замка выходят сюда. В замке пять или шесть этажей. Возле ворот виднеется колодец, в корыте возле него стоят фляги с молоком. Подойдя к колодцу, открываем одну из фляг и вдоволь напиваемся сливок и молока. Осмотрев пустой двор, возвращаемся обратно за ворота.

С правой стороны замечаем еще две постройки — невысокие, плотно прижавшиеся друг к другу домики. В одном из них окна распахнуты настежь и защищены металлическими решетками. Даже слышно, как внутри тикают ходики. Заглянув в окно, я увидел стол, а на столе — что-то вроде хлебной буханки. Поискав проводку, в конце концов нахожу ее на шлагбауме, отрываю и, сделав на конце крючок, возвращаюсь к окну. Стараюсь дотянуться до буханки, и моя затея удается. Тяну черный предмет к себе. Почему-то моя «буханка» уж слишком легкая. Подтянув ее к себе, понимаю, что это не хлеб, а мужская кепка. С досады я хотел было бросить ее куда подальше, но меня остановил Василий — пригодится!

Пока я возился с проволокой, мои друзья посетили соседнюю постройку. Там прямо на полу лежала огромная свинья, а возле нее семь маленьких поросят. Скажу честно, на этих поросят мы сразу положили глаз: уже наступило время позаботиться о еде, да и попробовать немецкой свининки тоже очень хотелось. Все вместе входим в свинарник, Василий берет у меня мешок и направляется к свинье, забрать поросят, но, вдруг вскочив, свинья пугает его, и Василий выбегает из загона прочь, плотно закрыв за собой дверь. Постояв немного возле домика, мы решили срезать в лесочке рогатину, привязать к ней за углы мешок и, как бабочек сачком, выловить поросят. Быстро мастерим «сачок» и возвращаемся в свинарник. Свинья развалилась на полу и изредка похрюкивает, а ее детвора носится рядом.

Поскольку свет в свинарнике на ночь не выключался, нам было их превосходно видно. Без особого труда одного за другим переловили всех, а мать-свинья тем временем продолжала лежать. Мы же, быстро взвалив мешок на плечи, выскочили на улицу. Сначала поросята сидели молча, но по мере удаления от дома стали повизгивать, а потом завизжали так, что у нас стало резать уши. Зайдя за придорожные кусты, утихомирили всех семерых. Василий быстро справился с этим делом — ему не раз приходилось этим заниматься до войны. Осталось теперь накопать картошки и сварить ее вместе со свиной. Набрав картошку в ведро, торопимся уйти от дома подальше. Вымыв картофелины в лесной луже, освеживали поросят, разожгли бездымный костер (этому искусству мы научились в совершенстве) и стали укладывать куски мяса и картошку в ведро. Не входит: мяса слишком много. Принимаемся варить все по отдельности — сначала поросят, потом картошечку. Времени на эту процедуру уходит много, солнце уже поднимается из-за горизонта, нагревая землю. Покончив с варкой, тщательно гасим костер, завалив его кусками дерна, и быстро направляемся в глубь леса, отыскивая по пути подходящее место для остановки.

Наконец, поудобнее усевшись на траве, приступаем к завтраку. Вкуснота! Картошка варилась в свином бульоне: просто объедение. Плотно закусив, ложимся спать, довольные своим ночным походом. Пробудившись в полдень и дождавшись наступления сумерек, снова пустились навстречу новым неведомым испытаниям.

Ночь. Друг за другом движемся по узенькой лесной тропинке. Как обычно, нам помогает луна. Выходим на просеку, на которой, широко расставив ноги, стоят опоры линии электропередачи. За просекой — небольшое сооружение из рифленого железа — будка сторожа. Обошли конуру кругом — нигде ни намека на окошко. Попробовали открыть металлическую дверь. Никак. Приходится всем вместе просовывать пальцы в щель между будкой и дверью. Скрежет — и дверь понемногу начала поддаваться. Еще рывок — и она с грохотом распахнулась, ударив по стене. Внутри темно, луна сейчас с противоположной стороны. Шарим в потемках и каждую находку выносим на свет. Василий обнаружил резиновые сапоги и костюм, я — пальто, Николай отыскал клубок суровых ниток. Мои брюки разорваны в клочья, и костюм ребята дарят мне. Пробую его надеть: костюм впору великану, брюки болтаются на поясе, а в пиджак я могу завернуться так, что полы легко сойдутся на спине, почти дважды обхватив меня. Длинное демисезонное пальто пришлось впоследствии бросить: идти в нем было тяжело и очень жарко. Я оторвал от пальто рукава и сделал из них «сапоги», натянув на босые ноги. Пока я примерял обновки, Василий вынес из будки пузатую бутылку, в которой что-то плескалось. Посмотрев содержимое на просвет, он вытащил стеклянную пробку и понюхал. «Спирт!» — только и вскрикнул он. Потом оценил содержимое на вкус и снова подтвердил: в бутылке самый настоящий спирт. Как следует обшарив будку снова, мы направились прочь. Утро застало нас в редком хвойном лесу — нигде ни одного кустика, и

потому нам пришлось выбрать для остановки глубокую яму; дно ямы, как пружинный матрас, устилала мягкая хвоя. Абсолютная тишина, только верхушки молодых сосенок шуршат своими игольчатыми ветками, слабо колышутся от случайного ветерка. Мы отдыхаем: тишина, теплая хвоя расслабляют. Лес чистый, словно выметенный, и весь просматривается насквозь. Немного поели припасенных овощей. Василий стал предлагать выпить спирта, я отказался, а Николай сделал пару глотков, закашлялся и отрицательно покачал головой. Василий еще разок приложился к бутылке и, улегшись на землю, заснул, его примеру последовал и Николай. Я все еще возился со своей «обувью», подгоняя к ногам рукава от пальто, примеряя их и при помощи проволоки превращая в «сапоги».

И тут где-то рядом раздался треск сучьев. Снова и снова. Мне стало интересно, кто же это в таком ухоженном лесу ломает ветки, тем более что нижние ветви сосен расположены довольно высоко от земли. По-пластунски забираюсь на край ямы. Метрах в пятидесяти от нас какой-то человек подходит к молоденькой сосне и длинной палкой с металлическим крючком сбивает с деревьев нижние сухие сучья. Похоже, это был лесник — я решил так, присмотревшись к его униформе зеленого цвета. Он продолжает свое занятие, а я потихоньку спускаюсь обратно в яму, чтобы он, проходя мимо, не заметил меня. Вскоре звуки стихли, и я наконец доделал себе обувь, потом лег на спину и стал глядеть в небо, наблюдая, как лениво покачиваются на ветру сосенки, довольный, что опять пронесло...

Ребята проснулись часа через три-четыре, я рассказал им про лесника, они тоже остались вполне довольны, что лесник разминулся с нами. Поужинали. Василий допил остатки спирта, затем мы собрались и отправились дальше, в поход по вычищенному, аккуратному лесу. Поверьте, оказаться в таком лесу необычно: никаких упавших стволов, веток под ногами, ничего, только мягкая хвоя, ступая по которой почти хочется танцевать...

Шли мы однажды втроем по широкому полю спелой пшеницы. Путь наш лежал в сторону черневшего вдаль лесочка. Ночь была безлунной, лишь крупные и частые звезды Млечного Пути освещали наш путь. Шли гуськом, стараясь поменьше оставить после себя следов. Подошли к предполагаемому лесочку, а он оказался всего лишь лесозащитной полосой. Деревья и густые кусты разделяли два пшеничных поля.

Немного посоветовавшись, решаем выйти на дорогу. Она совпадает с направлением нашего пути. Понемногу небо светлеет, кончается короткая летняя ночь. Утренняя роса промочила ноги, и при ходьбе слышится ритмичное чавканье. В предрассветной тишине где-то слышится перезвон колокольчика. Вспомнились мне тогда детские годы.

Тогда я с братом проводил летние каникулы в Петровске, небольшом городке в Ярославской области. Там каждое утро начиналось с перезвона коровьих колокольчиков и рожков пастухов. По этому характерному побрякиванию мы поняли, что рядом какой-то хутор. Далеко от своего жилья немцы не пасли скотину.

Легкий туман рассеялся, и прямо перед нами вырисовывается проволочный загон и пасущаяся в нем корова. Крупная пестрая, она равнодушно жует траву, не обращая на нас внимания. Первым заговорил Василий: «Ребята, а не отведать ли нам немецкого молочка?» Николай усомнился: «А получится? Мы-то чужие, вдруг лягнет?» Распределили роли так: Николай должен держать ее за хвост, я — за рога, а Василий будет доить.

Легко сказать, да нелегко сделать. При нашем приближении буренка отошла в сторону, подозрительно покосившись на нас. Я подхожу к ней с мешком в руках, стараясь набросить его корове на голову и ухватиться за рога. Николай топчется сзади, пытаюсь поймать коровий хвост. Василий ловит момент, чтобы приступить к дойке. И вот мы все четверо танцуем какой-то

странный танец. То мы приближаемся к корове, то кружимся в хороводе вокруг нее.

Вот наша коррида наконец удалась. Я удачно смог набросить свой мешок и крепко ухватился за рога. Николай, упершись в землю ногами, тянет на себя коровий хвост. В это время Василий, приседая на корточки, как бы пританцовывая, собирается ухватиться за соски. Корова не стоит на месте, и Василию постоянно приходится передвигать свою банку на новое место. Он ругает нас за нерасторопность: «Да держите ее крепче! Что, вдвоем одну корову удержать не можете?!» Корова мотает головой, и я, повиснув всем телом на ней, тоже мотаюсь из стороны в сторону. Промучившись сами и измотав корову, мы отпускаем ее. Она, сердито замычав, отходит в другой конец загона.

Мы подходим к Василию, чтобы посмотреть на результат наших трудов. На самом дне банки из-под мармелада белеет маленькая лужица молока. И это после долгой и упорной борьбы! Выпив по глотку дорогого молочка, мы весело расхохотались. Встали, собрали свои нехитрые пожитки и отправились своей дорогой, взглянув на прощание на «кормилицу». Она продолжала размеренно жевать свежую траву и уже забыла о непрошенных гостях.

Пасмурное раннее утро, дождь закончился, повсюду на траве, кустах и деревьях — капли влаги. Всю минувшую ночь, промокшие насквозь, мы, не останавливаясь, шли прямо под дождем. Пора поискать еду и место для привала. Кругом — поля и перелески, но вот на вершине небольшого холма показался дом, потом еще и еще. Деревушка спала, но мы тем не менее спешили навстречу жилью, огородам... У ближайшего дома безо всякого опасения перемахнули через изгородь и начали искать на грядках овощи. Мы спешили, ведь рассвет на немецкой земле — тоже наш враг. Разбрелись по огороду, везде — идеальный порядок: грядка к грядке, растение

к растению, все дорожки выложены плоским камнем. Сам двухэтажный дом больше похож на небольшой, но богатый особняк, выстроенный из красного кирпича, такой же аккуратненький, как и огород. Не дом, а игрушечка, точнее не скажешь! Василий с Николаем «трудятся» слева от дорожки, а я с правой стороны: согнувшись в три погибели над грядками с морковью, вырываю ее из земли и складываю в мешок, лежащий у ног. Постепенно уходит спешка, суета, я увлекаюсь своим занятием: ботва остается снаружи, морковки падают внутрь.

И тут у меня появляется неприятное ощущение, какая-то тревога, от которой я все никак не могу отделаться. Пытаясь понять, откуда это чувство взялось, принимаюсь оглядывать пространство вокруг себя, и почти сразу мой взгляд упирается в чьи-то обутые в ботинки ноги. Кто-то из моих товарищей, — помню, подумал я. Поднимаю голову и вижу перед собой старика-немца, спокойно наблюдающего за моей работой, заложив руки за спину. Резко выпрямляюсь. Старик лет семидесяти, невысокий, среднего телосложения, на голове пышная копна белых волос; на нем темные брюки, рубашка и суконный жилет.

Вначале опешив, быстро начинаю соображать, что можно предпринять и откуда он вообще взялся. Беру в руки мешок, показываю на него и произношу одну из фраз, твердо заученных еще в школе: «Ich will essen!» — «Хочу есть!» Тут же кричу ребятам: «Немец!» Они реагируют очень быстро, и все трое мы перескакиваем через забор. Обернувшись назад, краем глаза замечаю, как, нагнувшись, старик, словно ничего не произошло, поднимает с земли и складывает в кучу оторванную мной морковную ботву. Странное поведение старика необъяснимо. Почему он не закричал, не позвал на помощь? Ответа нет. Быть может, мое короткое объяснение было слишком выразительным? Да нет, вряд ли, ведь он так долго наблюдал за мной, прежде чем я заметил его. Окажись он — чисто теорети-

чески — в русском плену в Первую империалистическую, просто послал бы меня матом. В общем, загадка осталась неразрешимой.

В первый месяц у меня не совсем гладко складывались отношения с товарищами по побегу. Я, в отличие от них, был очень ослаблен лагерями и плелся всегда замыкающим. Часто я мог их нагнать только на привале, когда они, уже успев отдохнуть, готовились идти дальше. Шел я босиком, потому что свои лагерные деревянные колодки оставил в казарме. В них невозможно было идти тихо, уж больно громко они стучали. У Василия и Николая были еще крепкие ботинки, прихваченные с завода. Идти ночью по лесу босиком тяжело. Сучки впиваются в подошвы, острые камни режут кожу.

Поздний вечер. Тихо и безветренно. Мы остановились у подножия высокого холма. Между Василием и Николаем произошел спор: куда идти? Василий хочет идти через вершину холма, при этом отклонившись от направления на юго-запад. Николай, которого поддерживал и я, предлагает миновать холм и идти строго на юг. Скоро атмосфера накалилась, спор перешел в ругань и взаимные оскорбления. Тогда Василий молча развернулся и один пошел на вершину холма. Он отошел уже далеко, ни разу не обернувшись на нас.

Мы с Николаем переглянулись и пошли следом, чтобы не нарушать группу. Василий дошел до вершины и только там остановился и дождался нас. За время пути страсти несколько поостыли. Так и пошли дальше: впереди Василий с Николаем, о чем-то тихо переговариваясь, а я сзади плетусь. Вдалеке слышался собачий лай, значит, скоро деревня. Дорога раздваивается, левой вела к чернеющим домам. Остановились.

Крупные летние звезды рассыпались по небу. В тишине стрекочут цикады. В воздухе не слышно ни малейшего дуновения ветерка. Состояние природы пере-

далось и нам. Присев на обочине дороги, мы спокойно обсудили этот неприятный случай. Тогда мы раз и навсегда решили, что в группе должен быть один лидер. Его слово должно быть решающим. Так Василий стал вожаком среди нас.

Вторые сутки мы не могли двигаться дальше на юг: путь нам преградила большая и полноводная река. Водная преграда была всюду, куда бы мы ни двинулись — вправо или влево. Пытались найти на берегу какую-нибудь лодку, но не смогли. Мы могли бы, конечно, переправиться на другой берег вплавь, но один из нас, Николай Тимошинов, не умел плавать... Уже два дня мы потеряли в поисках способа переправиться на другой берег. Наступил вечер второго дня, и все-таки мы не теряли надежды перебраться на другую сторону.

Неожиданно, возле небольшого лесочка, недалеко от нас, мы увидели мужчину с собакой, шедшего по направлению к нам, — это нас встревожило, и мы бросились бежать в глубь леса. Как всегда, я тащился последним и, чтобы как-то отвлечь внимание незнакомца, я залаял по-собачьи. Вначале мои друзья испугались этого «лая», но потом поняли, что это лает не собака, а я. Отбежав подальше, я объяснил своим друзьям, что научился лаять еще в детстве, когда проводил каникулы в деревне, в Ярославской области: этому научили меня местные ребята, и я «лаял» ничем не хуже настоящей собаки! Отдышавшись и успокоившись, мои друзья весело рассмеялись, а обнаружив, что за нами никто не гонится, похвалили меня за мою смекалку. Видимо, хозяин и собака решили, что мы, как и они, просто гуляем по лесу.

Мы устроились в лесу на ночлег, и, надо же было такому случиться, на нас внезапно набрело стадо коров — видимо, пастух гнал его домой через лес, где мы и остановились. Эта встреча ничего хорошего нам не сулила. Мы снова бросились бежать, и на этот раз в кустах на-

ткнулись на ограждение из колючей проволоки, здорово поцарапались и кое-где порвали одежду. И опять на пути была река, но, на наше счастье, недалеко от берега мы обнаружили ствол поваленного дерева. Он был большой и сухой. Мы перекатали его к воде. Николай крепко ухватился руками за него, а мы с Василием стали вплавь буксировать дерево с нашим приятелем к противоположному берегу. У берега течение было не очень сильным, а на середине реки нас стало сносить течением. Василий и я прилагали все усилия и изо всех сил гребли на другую сторону, Николай тоже одной рукой помогал нам. Вот мы и приплыли! Оставив бревно, мы вышли на берег и отжали, как могли, свою одежду. На склоне оказалось поле, засаженное картошкой. С радостью и облегчением накопили картошки, разожгли костер в небольшом лесочке и сварили ее в ведре. Сытно поев, мы еще долго «переваривали» все то, что нам пришлось испытать в тот день.

Темнота хоть глаз выколи! Идем через поле и овраги, минуем лесочки и жильё. Упираемся в канаву шириной около двух метров, до краев наполненную водой. Бродим, бродим вдоль нее. Никак. Решаем идти напрямик. Спускаемся в воду, первый из нас сразу же проваливается до пояса, за ним остальные. Выбираемся наверх и дальше продолжаем путь по чистому, посаженному травой полю, беспечно болтая между собой. Вдруг раздается дребезжание зуммера, раздается немецкая речь, отрывистые команды, и неожиданно ввысь взлетают яркие полосы света. Прожектора! Как по команде падаем на землю. Лучи прожекторов сначала шарят где-то высоко в небе, потом вдруг резко пробегают по земле, кажется не оставляя ни одного уголка в тени. В нескольких десятках метрах от нас мы замечаем немецкие самолеты. Прожектора выхватывают из темноты свастику на хвостовом оперении. Лежим не двигаясь и молча. Но вот опять слышится лающая команда по-немецки, свет

прожекторов мгновенно гаснет, лишь нити накаливания еще долго тлеют красноватым светом. Немцы о чем-то переговариваются между собой, а мы ползем обратно, опять переходим вброд канаву с водой и почти убегаем прочь от аэродрома. Если бы не прожектора в кромешной темноте, мы угодили бы прямо в лапы к немцам! Случайность? Быть может. Но такие случайности несколько раз спасали нас в пути, во время трехмесячных скитаний по чужой земле.

Идем напрямик через поле, по посаженной пшенице, к виднеющейся вдаль деревушке. Наступает утро, а в заветном мешке еще пусто, поэтому, дойдя до деревни, напрямик заглядываем в сарай, один из тех, в каких немцы обычно держат кроликов и кур. Возле крайнего дома нас обдает мощным запахом навоза. Стараясь глядеть по сторонам, я с ходу врезаюсь в огромную, как пирамида Хеопса, навозную кучу под окнами одного из домов. Все руки и «костюм» в липких ошметках. А говорят, немцы — всегда и повсюду аккуратисты!

Присмотревшись, обнаруживаю такие же египетские пирамиды (только на немецкий лад) и по другую сторону улицы, почти возле каждого дома. Вонь невероятная! Видимо, крестьяне собирались везти навоз в поле. Минувя кучи, мы вышли на середину деревни, и там дорога разделилась надвое.

Встав на перекрестке, обсуждаем дальнейший маршрут. У ближайшего дома огорожена небольшая площадка — закуток для кур, а в задней части дома проделано небольшое отверстие, через которое, очевидно, куры выбираются на улицу. Я поделился своими соображениями с ребятами. Вначале решили не лезть на рожон, но время подгоняет, и втроем мы направляемся к курятнику.

Дырка в стене оказалась очень маленькой. Пытаюсь пролезть в нее, просунув руку вместе с головой. И вот я внутри. В темноте я нащупал доску, стоявшую под на-

клоном, взялся за нее руками и с грохотом, вместе с доской свалился куда-то вниз. Пол курятника оказался намного ниже уровня земли. Услышав шум, мои друзья замерли, затих и я, прислушиваясь к звукам, шедшим сверху. Встал, замер, в голове одна за другой проносятся мысли: кто еще мог услышать этот шум? Кто там, надо мной? Успею ли я быстро вынырнуть через лаз обратно на улицу? Неужели я в ловушке?! Широко расставив руки в стороны, выжидаю минуты две-три. Понемногу начинаю исследовать темноту вокруг себя. Вдруг левая рука натывается на жердь. Провожу по ней ладонью, и мои пальцы натываются на лапу спящей курицы! Тогда правой рукой (левая осторожно берет курицу за ногу) пытаюсь нащупать в темноте голову курицы. Есть! Потом вторая, третья, четвертая. Выбрасываю безголовых кур в отверстие в стене, где их подхватывают мои друзья, а потом шепчут мне: «Хватит!» Остается понять, как же мне отсюда выбраться? Пол в курятнике почти на метр ниже уровня земли на улице. Наверху что-то снова скрипнуло, я вновь замер по стойке «смирно». Весь обратился во внимание. Еще несколько томительных минут. Кругом все затихло, и я осторожно просовываю опять голову и правую руку в дыру и с помощью друзей выбираюсь на свободу. Ввалив на плечи мешок с курами, мы быстренько направляемся вон из деревни, минуя вонючие пирамиды и по-прежнему спящие крепким сном дома. Сваренная в лесочке курятина показалась мне необыкновенно вкусной — после стольких-то переживаний! Думаю, моим друзьям она тоже пришлась по вкусу.

ЭЛЬЗАС

Заканчивался второй месяц наших скитаний. По нашим расчетам, мы должны были находиться где-то возле границы с Эльзасом. Не дожидаясь наступления ночи, мы вышли из леса, направляясь на закат, в сто-

рону, где садилось солнце. Шли по проселочной дороге между полей, чуть слева виднелись дома деревни. Кругом ни души. По мере того как солнце садилось, становилось прохладнее. Когда мы подошли к лесу, оно уже спряталось за кронами деревьев. Как всегда дружелюбно встретил нас прохладный сумрак леса. На небе обозначились звезды, их едва было видно сквозь пышные кроны огромных деревьев. Лучше всего дожидаться наступления ночи. Огромные стволы деревьев стояли на почтительном расстоянии друг от друга, и наша спутница-луна щедро освещала поляны. Тишина. Вокруг все безмолвно, словно в таинственной, захватывающей сказке.

Идем по лесу уже несколько часов подряд, а он все не кончается. Выходим на едва заметную тропинку. Она тянется вдоль просеки, с двух сторон огражденная естественным забором — стеной деревьев. Найдя сухое место под огромным деревом, мы с Василием опустили на землю. Посоветовавшись, решили остаться здесь до утра. Только было собрались спать, как вверху, в ветвях дерева что-то затрещало, зашумело, с дерева посыпались обломки сухих веток и листьев. Над нами явно расположилось какое-то живое существо: издав какие-то странные звуки, оно быстро умолкло. И вновь стало тихо. Оцепенев от неожиданности, мы как замороженные сидели не шевелясь, и только когда неведомый нам «демон» умолк, мы поднялись. Собрав свои скудные пожитки, мы побыстрее отошли от дерева прочь, ища в темноте другое подходящее место для ночлега. Так и не поняв, кто же сидел в ту ночь над нами. Птица? Зверь?

Проснулись мы, когда солнце уже встало, и в лесу слышался птичий щебет. Умывшись водой из небольшой лужицы, снова тронулись в путь. Тропинка вывела нас к небольшому полю. Стало жарковато и снаружи, и внутри. Снаружи припекало солнце, а внутри — голод. Решаем поскорее выбраться из леса и порыскать в ближайших огородах в поисках овощей или

фруктов. Дорога круто свернула на запад, а мы двинулись дальше по полю, на юг. Снова входим в лес. Пройдя метров триста, наткнулись на большой, довольно старый дом, похожий на черепаху. Доски, которыми были обиты стены, почернели, а широкая крыша, покрытая дранкой, кое-где сгнила. Решаем зайти в дом, узнать у хозяев, где мы находимся, и рассчитывая, что нам перепадет какая-нибудь еда. Подходим ближе.

Вдруг из широко раскрытых ворот выскакивает и рысью бежит к нам мужчина, катя перед собой большую деревянную тачку, полную навоза. Сначала он не поднимал головы, потом, увидев нас, резко остановился, отпустил тачку и с выражением ужаса на лице громко заорал, бросившись назад в дом. Постояв с минуту на месте, мы недоуменно переглянулись и стали обходить дом. В нем царила мертвая тишина. Мы уже не видели смысла заходить внутрь и, оглянувшись в последний раз на древнюю развалюху, опять углубились в лес. Лишь отойдя на приличное расстояние, мы поняли, что же испугало незнакомца и заставило его убежать от нас прочь. Наш внешний вид не внушал особого доверия, поэтому встреча в дремучем лесу, как справедливо решил мужчина, не могла сулить ему ничего хорошего. На Василии была пилотка, одна на двоих с Николаем, а на моей голове красовалась подкладка от нее. На мне был широченный пиджак, в который я, кажется, завернулся дважды, а вместо ремня на поясе он был стянут веревкой. Такие же широкие брюки болтались на бедрах. На ногах — рукава огородных пугал, снизу вверх перетянутые алюминиевой проволокой. Василий был одет чуть попримечнее: помимо пилотки на нем были сапоги и гимнастерка. Кроме того, на моей спине болтался мешок, завязки от него были стянуты узлом у меня на груди. В этом мешке было пустое ведро. Мы привыкли к своему маскараду, а вот эльзасца он сильно напугал. О том, что мы уже шли по территории Эльзаса, мы узнали позднее.

ПОТЕРЯ

**(Недалеко от границы Эльзаса,
конец июля 1942 года)**

Раннее утро. Летнее солнышко только-только золотит верхушки деревьев. Еще веет ночной прохладой. Мы, трое беглецов, расположились в густом кустарнике посреди леса. Позади трудный ночной переход. На исходе второй месяц наших скитаний по враждебной Германии. Но каждый шаг по Германии приближал нас на шаг к Родине. Из наших мешков мы высыпаем прямо на траву ночную добычу: несколько кочанов капусты, морковь, брюкву. Василий пошел проверить, насколько безопасна наша стоянка. Через некоторое время он радостно сообщил нам, что в лесу протекает чистый ручей, и мы можем в нем помыться. Метрах в двухстах от нашего лагеря действительно протекал ручей шириной не более метра. Ручей неглубокий, но с чистой, прозрачной водой. Договорились, что будем мыться по очереди, то есть один моется — двое дежурят.

Сквозь кроны сосен пробиваются ласковые лучи солнца и искрятся в тихой воде прозрачного ручья. Слышно беззаботное пение лесных пичуг. Настроение великолепное! Скорее скинуть свое рваное тряпье и ополоснуться в свежей и чистой воде, впервые за два месяца! Свежесть купания придает новые силы, ощущение радости жизни. Хотелось вот так спокойно, ничего не опасаясь, отдохнуть, забыв о войне и ежедневных тревогах. Но расслабляться нам нельзя, об этом напоминает неумолимое солнце, которое поднимается все выше и выше над вершинами сосен.

Уже наступает день, нам пора прятаться в наше укрытие. И, немного позавтракав, мы крепко уснули, напоенные легким сосновым воздухом. Время прошло незаметно, как один миг. Проснулись под вечер. Солнце перевалило за время нашего сна на другую сторону леса. Нам пора собираться в путь-дорогу на юг, в сторону Франции. Доев остатки завтрака, идем мимо го-

степриимного ручейка. Кончился сосновый лес, перед нами асфальтированное шоссе. Его нужно перейти. Из кустов долго наблюдаем за дорогой. По шоссе часто проезжают машины в ту и другую сторону. Улучив удобный момент, мы втроем перебегаем широкую ленту асфальта и скорее ныряем в лес.

Быстро смеркается в чаще после захода солнца. В густом лесу идти становится все труднее и труднее. На небе появляются первые вечерние звезды, смолкают птицы. Уже не слышно шума со стороны шоссе. Зубчатый силуэт леса контрастно вырисовывается на фоне закатного неба. Вот уже около двух часов мы идем просекой по высокой и росистой траве, но признаков близкого жилья не ощущается. Впервые за наш путь лес тянется так долго. Мы уже проголодались, но кругом — лес и никаких огородов. Вот наша просека упирается в поперечную просеку. Решаем, куда идти. Если налево — отклонимся от маршрута на запад, что нежелательно. Решаем идти вправо, на восток.

Примерно через полчаса слышим собачий лай — значит, жилье близко. Осторожно, друг за другом выходим из леса. Слева продолжается лес, справа — большое чистое поле. У дороги в загоне похрюкивает большая свинья, важно расположившись в грязи, которая блестит в свете взошедшей уже луны. Обогнув загон со свиньей, мы выходим на проселочную дорогу. С одной стороны дороги тянутся огороды, обнесенные изгородью, с другой — ровные ряды сливовых деревьев.

Луна сменила солнце и освещает широкое поле, ровную дорогу. Василий идет по обочине дороги, трясет сливы и наслаждается их плодами. Николай и я идем вдоль изгороди. Вдруг мы замечаем в стороне от дороги, у изгороди, мотоцикл. Обошли вокруг, не зная, что с ним делать. Решаем не трогать, от греха подальше. Прошли дальше — забор кончился, и показался большой сарай. Около сарая стояли несколько сеялок и другие сельскохозяйственные машины. Слева от них были брикеты сена, сложенные в пирамиду. Возле ворот са-

рая стоит стог сена. Я заметил на одной из сеялок ведро, о котором мы уже давно мечтаем, так как нам не в чем варить картошку. Взяв ведро в руки, посмотрел его дно на просвет, замечая при свете луны дырки. И вдруг в ночной тишине мой слух уловил ровное тиканье часов... Это меня насторожило: откуда здесь часы? В это время Николай подошел к пирамиде прессованного сена, на которой висел кем-то забытый пиджак. Меня же мучил вопрос: откуда идет тиканье?

Осторожно ставлю ведро на прежнее место и смотрю по сторонам. И только теперь я заметил, что на куче сена возле сарая лежал человек, заложив руки за голову. Тихо подхожу к Николаю, который бесцеремонно роется в карманах пиджака. Не успел я ему ничего сказать, как человек резко вскочил...

Перед нами в ярком лунном свете стоял высокий, крепкого телосложения человек. Он был в рубашке с закатанными рукавами, с непокрытой головой. Он спросил по-немецки: кто мы такие? Николай, немного знавший немецкий, сказал, что мы русские, просим соли и спичек. До человека было шагов десять—пятнадцать, и мы, переговариваясь с ним, сделали несколько шагов в его сторону.

В этот момент он быстро нагнулся и вновь выпрямился. В руках у него был... карабин! И только теперь мы разглядели офицерские погоны. В тишине ночи лязнул затвор. «Halt!» («Стой!») — звучит приказ.

Ствол карабина поочередно перемещался от одного к другому. Сзади офицера была стена сарая, справа от нас стояли сеялки, а уже за ними — дорога. Позади был частокол забора и кустарник. Тихо говорю Николаю: «Бежим врассыпную!»

И я рванулся вправо, мимо сеялок — на шоссе. Василий, в это время увлекшийся сливами, не знал об опасности и был в стороне от нас. Мне вослед прозвучали два выстрела. Споткнувшись, я упал, быстро вскочил и побежал дальше, в сторону леса. Передо мной бежал Василий, явно не понимая, что произошло. Про-

гремел еще один выстрел, и пуля просвистела где-то чуть выше правого уха.

Наконец мы, тяжело дыша, вбежали в спасительные кусты. Еле-еле переведя дух, я коротко рассказал Василию о встрече с офицером. По всей округе яростно лаяли собаки, встревоженные выстрелами. Мы остались вдвоем, Николая нет. Что с ним?

И вот мы с Василием стоим на опушке леса, вблизи дороги. А по дороге рослый немец с карабином наперевес ведет нашего Николая... У нас нет никакой возможности выручить товарища: шоссе хорошо освещено луной, да и немец идет, повернув голову в нашу сторону, а за шоссе — открытое поле. В это время Николай кричит: «Валера! Вася! Он говорит, что ничего вам не сделает, выходите!» Мы из кустов крикнули ему: «Беги, лес рядом!»

Николай рванулся, но не учел, что у дороги проходит кювет, и упал в придорожные кусты. Немец выстрелил, и раздался крик нашего раненого товарища. Мы, к нашему великому огорчению, могли лишь со стороны наблюдать, как немецкий офицер нагнулся и левой рукой поднял из канавы Николая, правой держа дуло карабина в нашу сторону. Долго еще мы слышали из своего укрытия крики нашего друга и отдаленный лай встревоженных собак... Потрясенные, мы долго шли молча, стараясь быстрее уйти от возможной облавы на нас. Дальше мы уже вдвоем продолжали свой путь.

И встретились с Николаем лишь после войны. Оказывается, немец прострелил ему тогда левое плечо и повредил лопатку. Ему пришлось пройти несколько концлагерей, и в конце войны его освободили американские солдаты. Но это уже другая история, а пока наш путь лежал в сторону Франции.

Мы грустили о потере своего товарища, но надо было двигаться дальше, пока еще мы на немецкой земле и расслабляться не можем. Надо было продолжать движение в сторону французской границы, хотя мы и не представляли, где она. Известно только, что надо было

все время держаться направления на юг, стараясь не отклоняться.

Легко сказать, но мы идем по густонаселенной местности, где сплошь и рядом города и деревни, их приходится все время с опаской обходить стороной. Сильно затрудняют наш путь водные преграды — реки, речушки и каналы. Приходится постоянно петлять и уходить от намеченного маршрута. Затрудняют и ночные переходы, ведь не всегда нам светит луна или звездное небо подсвечивает дорогу. Часто приходится идти в кромешной тьме и ориентироваться скорее интуитивно, не наблюдая никаких видимых ориентиров. Но ночи летом коротки, мало времени для передвижения. Стараемся идти быстро, чтоб пройти больше за темное время ночи. А днем мы не рискуем передвигаться, остаемся на отдых. Чтоб накопить сил на следующий ночной переход.

Мы молча, в подавленном состоянии, идем дальше...

Где-то на границе Эльзаса, лунной ночью, мы огибали деревню — обходили ее задворками, огородами. Кое-где были видны яблони. Наше внимание привлекло довольно высокое, но чахлое дерево, почти без листьев. Зато на нем висели большие яблоки, и их было много. Мы остановились возле металлического забора из прутьев с заостренным верхом чуть больше метра высотой и стали размышлять: стоит ли рвать? Но попробовать, конечно, стоило! Недолго думая, я накинул свой вещмешок на острие прутьев и быстро перемахнул в сад. Возбравшись на яблоню, я потряс ее, яблоки со стуком попадали на землю — упало их десятка полтора-два. Я спокойно собрал свой урожай в мешок и уже собирался было перепрыгнуть обратно к Василию, ждавшему меня по ту сторону изгороди, как вдруг мое внимание привлекли два улья. «Вася! — шепотом позвал я друга. — Ульи! Пчелы! Попробуем медку, а? Гусей ели, кроликов ели, кур тоже, не грех попробовать и меда!» — «Ну, давай!» — слышался из-за забора голос товарища. Положив на землю

мешок, я принялся стаскивать огромный камень с верхней части одного из ульев. Камень был невероятно тяжелым. Сбросил доски и какие-то тряпки, оказавшиеся под камнем... Вот и соты.

Чувствуя, как в груди сильно колотится сердце, я приподнял рамку и выдвинул ее — всего лишь на треть, и тут вдруг кругом все загудело, улей заходил ходуном, в руку меня ужалили несколько пчел. Несмотря на боль, я еще немного приподнял рамку, но жужжание стало еще сильнее... В испуге я бросил свою затею и, накрывшись мешком, почти ничего не видя, побежал назад к ограде, перепрыгнул через забор, к Василию. Тот сидел прислонившись спиной к изгороди и согнувшись в три погибели уже изо всех сил отмахивался от пчел. Упав рядом с Василием, я и его накрыл мешком. Вокруг нас раздавалось веселое «пение» пчел. Было ясно: оставаться здесь, отдав себя на растерзание потревоженным и разозленным насекомым, нельзя.

Вскочив и по-прежнему накрываясь мешком, мы бросились прочь от ульев. Бежали хохоча, хотя и укусы сильно донимали — «наелись медку»! Еще долго то из рукава рубашки, то из штанов мы вытряхивали воинственно настроенных пчелок! От укусов у меня раздуло весь подбородок, а у Василия заплыл левый глаз, ставший узким, как у китайца. Этот случай мы всегда вспоминали с улыбкой. Теперь мы спокойно обходили стороной встречавшиеся на нашем пути пасеки и ульи, урок не прошел даром.

ВОТ ОНА, ФРАНЦИЯ!

Весь день мы шли лесами, покрывавшими пологие холмы. Солнце багровым шаром скатилось к далекому горизонту, обещая ветреную погоду на завтра. Наступали короткие летние сумерки, и мы расположились на вершине холма, покрытого лесом. Посреди небольшой полянки стояла, врытая в песок, деревянная скамейка.

Усталые, мы присели на нее и закурили собранный по дороге мох. Так хотелось курить, что даже удушливый дым мха казался ароматом хорошего табака. Перекурив, мы расстелили на лавочке нашу карту. Она уже сильно потерялась на сгибах и в некоторых местах зияла дырами. И вот мы дошли до края карты, то есть до границы Германии с Францией. Где-то в этих местах проходит условная черта, разделявшая эти две страны. Где же граница? Где мы — во Франции или в Германии?

Внизу, извиваясь и иногда пропадая из вида, виднелась проселочная дорога. Она проходила через небольшую деревушку, почти скрытую от любопытных взоров густым лесом. Ниже деревни, в лощине протекала маленькая речка, водоворотами закручиваясь на перекатах. Дома деревни широко и привольно расположились по долине реки.

Долго мы с Василием обсуждаем наши дальнейшие действия. Идти ли нам дальше, не заходя в деревню, или же сходить на разведку? У нас уже почти не осталось ни спичек, ни соли, и мы решили, дождавшись темноты, разведать обстановку. Пока еще не совсем стемнело, решаем получше рассмотреть с нашего наблюдательного пункта местность. Нас интересует лишь одно: где же мы сейчас находимся? В Германии? В Эльзасе или во Франции?

Местность ничем не отличается от той, по которой мы шли последние несколько недель. Крестьянские постройки и дома в деревне такие же, какие мы встречали и тайком ночами посещали в поисках еды и спичек по всей Германии.

Быстро вечерело. В нескольких домах засветились окна. Вот зажегся свет и в ближнем к нам доме на самом краю села. Пока решали, спускаться ли к дому, там хозяева погасили свет: наверное, улеглись спать. Теперь наше внимание привлек другой дом, где в окнах еще горел свет. Это был добротный двухэтажный дом, стоявший несколько особняком от остальных домов деревни.

Высокая черепичная крыша с трубой, из которой вился белесый в сумерках дым. И таким спокойствием и уютом повеяло от него, что мы, не сговариваясь, быстрым шагом направились вниз по склону холма.

Долгие месяцы скитаний по враждебной земле приучили нас к осторожности, поэтому мы, стараясь не шуметь, обошли вокруг дома. Позади него была изгородь, окружавшая небольшой хозяйственный двор с сараем. В сарае слышался сонный гогот домашней птицы. Мы направились к дому. Сквозь неплотно прикрытые ставни пробивался яркий свет. Приподнявшись на цыпочки, заглядываем внутрь.

Я увидел небольшую, но очень уютную кухню. Она пуста. По противоположной стене развешаны какие-то пучки трав. Под ними у стены стоит широкая и длинная крестьянская скамья. Правее — такой же простой обеденный стол. На нем я увидел аккуратно сложенную нехитрую глиняную посуду и белую скатерть.

Больше я ничего рассмотреть не успел, так как дверь открылась и вошла средних лет женщина. На ходу, обернувшись, она что-то сказала, идущей следом молодой девушке. Женщина была высокой и не по годам стройной. Темные с проседью волосы были аккуратно собраны в пучок. Рукава темно-синей блузки были закатаны выше локтей. Ее наряд дополнял холщовый передник. Она стала убирать со стола посуду. Ей помогала в уборке молодая, лет восемнадцати, девушка. Вьющиеся русые волосы, собранные в толстую косу, и здоровый румянец на щеках делали ее очень похожей на наших русских деревенских девушек. Через оконное стекло не было ничего слышно, но по мимике было видно, что девушку что-то развеселило. Она, переговариваясь с женщиной, то и дело весело смеялась. Худенькая и шустрая хохотушка быстро справилась с работой и вновь исчезла из моего поля зрения вслед за первой женщиной.

Мы, коротко обсудив увиденное, решили, что в доме одни женщины и опасаться нам нечего, можно зайти туда. Обогнув угол дома, подошли к входной двери.

Я нажал кнопку звонка, а Василий в это время стоял поодаль. Громкая трель звонка набатом прозвучала среди ночной тишины...

Через некоторое время, показавшееся нам вечностью, скрипнула оконная рама наверху и старческий голос спросил что-то по-французски. Через некоторое время вопрос повторился по-немецки — что нам нужно? Василий по-немецки, как мог, коротко объяснил, кто мы и что хотим. Рама захлопнулась, и наступила тишина.

Вот загремели дверные засовы, шелкнул замок, и дверь распахнулась. На пороге, высоко держа над головой зажженный фонарь, стоял невысокого роста, с редкими и совершенно седыми волосами старик. После светлого помещения он пристально вглядывался в темноту. Мы подошли ближе и попали в круг света. Старик с удивлением оглядел нас. Конечно, мы тогда представляли собой очень живописную группу!

За спиной старика был темный коридор, в конце которого была открыта дверь в кухню. Из нее лился мягкий, по-домашнему ласковый свет уютного жилища. К горлу подступил горький комок, вспомнился опять далекий дом, родители, брат Юра...

Хозяин дома между тем что-то сказал по-французски и жестом пригласил нас пройти в дом. Мы с Василием переглянулись, не ожидая встретить в доме мужчину. Но все же решились войти внутрь. Я переступил порог и впервые за долгие месяцы скитаний оказался в мирном доме. Следом вошел Василий.

Пока шли по коридору, наскоро договорились между собой, как действовать в случае опасности, где потом встретиться. Решили бежать в разные стороны, а потом встретиться на вершине холма, где мы перекуривали.

Пока прошел коридор, несколько раз поскользнулся. Пол был выложен гладкой керамической плиткой, а моя «обувь» не была приспособлена для передвижения по таким полам. Напомню, что ноги мои были обмотаны рукавами от одежды, позаимствованными у огород-

ного пугала. Они хоть как-то защищали ноги от острых камней и сучьев в лесу. Правда, приходилось часто менять обмотки, перевязывая их проволокой. Но идти босиком по бездорожью было просто невозможно. Так я и шел по коридору, скользя и оставляя на светлом полу-грязные следы...

Вошли в кухню и остановились при входе. Обе женщины в немом изумлении уставились на нас, как на диких животных. Старик, заметив это, прикрикнул на женщин, и те сразу засуетились по хозяйству. Затем он обратился к нам и спросил что-то по-французски. Мы не поняли и недоуменно пожали плечами. Тогда он повторил свой вопрос по-немецки: «Кто вы?» И, услышав в ответ, что мы русские военнопленные, удивленно вскинул брови, затем улыбнулся и радушно пригласил присесть к столу. На столе появилась чистая скатерть, посуда, хлеб, сыр, масло и кофе.

Старик, видно глава семьи, подсел к нам и попытался с нами заговорить. Но мы совершенно не знали французского, а он, так же как и мы, плохо знал немецкий. Все же при помощи жестов, примитивных рисунков и знакомых слов мы сумели объясниться. Хозяина очень удивило наше двухмесячное путешествие через Германию. Он удивленно качал головой и цокал языком, выражая крайнюю степень удивления.

Во время нашего разговора девушка стояла рядом с женщиной, наверное матерью, и с нескрываемым интересом прислушивалась к разговору. Когда же выяснилось, что мы русские военнопленные, она громко воскликнула: «La Russie! Vive la Russie!» — и, хлопнув в ладоши, подпрыгнула несколько раз. Лицо ее выражало искреннюю радость и удивление.

Нас же больше всего интересовал вопрос: где мы? Германия или Франция? По разговору нам было ясно, что гостеприимные хозяева — французы, но на какой территории они живут? Старик встал и подошел к нам. Встав между мной и Василием, он положил свои большие, натруженные руки крестьянина нам на плечи и

громко сказал: «C'est la France!» — и широко, радушно улыбнулся. Франция, долгожданная, дорогая Франция! В горле застрял комок, мы с товарищем смогли лишь понимающе улыбнуться, на глаза навернулись слезы, слезы радости. Плен, лагерь, побег, потеря товарища, долгий путь по враждебной Германии и одна мысль: скорее бы дойти до Франции. Франция — это свобода!

Хозяин, помнится, он назвал свое имя — Жан, — жестами объяснил нам, что там, где за домом раскинулся лес, проходит граница немецкого Эльзаса и Франции. Мы были буквально в нескольких шагах от границы! Воспользовавшись случаем, мы попросили у Жана дать нам карту этой местности. Обернувшись к женщинам, он что-то сказал им. Девушка стремглав бросилась по лестнице наверх.

Пока дочь ходила за картой, хозяин улыбался и что-то быстро и много говорил, показывая то и дело рукой в нашу сторону. Женщина, по всей вероятности его жена, тоже улыбалась и согласно кивала ему в ответ. Прошло уже много времени, а девушка все не возвращалась. Тогда Жан, сердито бормоча что-то, сам направился в верхние комнаты. Вскоре они вдвоем спустились к нам и принесли целую кипу карт. Там были и атлас мира, и большая карта Европы, и карта всей Франции.

Перебрав всю кипу, мы выбрали хорошую, то есть подробную, карту той местности, где мы сейчас находились. На ней были показаны все населенные пункты (даже хутора), реки и ручьи, холмы и горы с указанием высот, леса и долины — все то, что нас интересовало. Хозяин любезно отдал ее нам.

Еще нас интересовал вопрос: есть ли в селении немцы? Жан улыбнулся и объяснил нам, что немцы только в городах, а в деревнях нам стоит опасаться лишь французской жандармерии. Он добавил, что в их деревне нет ни немцев, ни жандармов, и мы можем не беспокоиться.

Закончив деловую часть, мы приступили к поздней трапезе. Впервые мы могли спокойно поесть, сидя за

столом. За время плена и скитаний мы исхудали и могли съесть, наверное, все запасы хозяев, но поели очень умеренно. Мы знали, что в военное время продукты выдавались по карточкам и особого достатка в доме не было. Все же сыр и кофе были очень вкусными!

Хозяева предложили нам переночевать, но мы отказались и стали собираться в путь. Мы объяснили, что стараемся быстрее уйти от границы и ночью нам идти удобнее, чем днем. Поняв нас, хозяин согласно закивал, хотя и пожал плечами: дескать, воля ваша.

Пока женщины завертывали нам в бумагу хлеб и сыр, я старался прятать свои ноги под столом. Мне было стыдно за то, что я мокрыми и грязными тряпками пачкаю полы в доме. Жан, заметив мое смущение, обратил внимание на мои ноги. Он эмоционально всплеснул руками и, старчески шаркая ногами, побежал в соседнюю комнату. Через некоторое время он появился, неся в руках кожаные ботинки. Он протянул их мне. На глазах у него были слезы. Женщины тоже смахнули невольные слезинки с глаз. Как я мог их поблагодарить? Вспомнил лишь когда-то прочитанное, кажется, в книгах А. Дюма «Merci!» и прижал руки к сердцу.

Пока я примерял обнову, Василий собрал наши скромные пожитки, положил их в наш мешок вместе с продуктами и картой. Настал момент прощания. Старик по-отечески обнял каждого из нас и крепко расцеловал, смахивая скупые мужские слезы. Женщины стояли в стороне и сочувственно глядели нам вслед, пока хозяин провожал нас до дверей дома. Долго мы видели свет фонаря, который держал высоко над головой старый француз.

Выйдя за околицу, мы присели у дороги. Светила полная луна, четко освещая окрестности. Вдали еще светились редкие огни села. Мы достали продукты, припасенные нам в дорогу, и не смогли удержаться — съели! Ботинки оказались мне малы, поэтому я сделал в верхней части надрезы ножом. Только после этой процедуры я смог в них идти. Но не прошли мы и несколь-

ко шагов, как вдруг у стены ближнего дома мелькнула какая-то тень. Мы замерли. Яркий свет луны высветил мужскую фигуру. Мужчина настороженно вглядывался в ночь...

Неужели нас выследили? Возможно, кто-то уже вызвал жандармов? Такие мысли сразу возникли у нас с товарищем. Но наши опасения развеяло появление другой фигуры. Это была молодая девушка. Обе фигуры слились в жарком объятии...

Дождавшись, когда парочка исчезла за углом дома, мы пошли прочь от села, где состоялась наша первая встреча с французами. Путь нам указывал ковш Большой Медведицы, путь на юг Франции. Настроение было великолепное! Французы встретили нас хорошо, у нас теперь есть карта, а я наконец-то иду в ботинках. Вот как встретили нас по одежке!

ЛИНИЯ МАЖИНО

Жаркий день на севере Франции клонится к вечеру. Долгая дорога и жара утомили нас. День наш начался очень рано, с восходом солнца. Хочется присесть где-нибудь в тени, а еще лучше — ополоснуться прохладной водой. А вокруг только пологие горы, покрытые редкой растительностью. Среди высокой, кое-где уже пожелтевшей травы разбросаны на склоне редкие кучки деревьев и кустарников. Вдруг, как бы по мановению волшебной палочки, впереди перед нами возник колодец, сложенный из тесаного белого камня. Из трубы льется кристально чистая и прохладная родниковая вода. Под трубой из камня сложен маленький бассейн или корытце.

Раздевшись по пояс, Василий и я с большим удовольствием ополоснулись чистой ключевой водой, напились вволю и собрались продолжить свой путь. А как хотелось подольше задержаться и просто любоваться красивым горным пейзажем, голубым бездонным не-

бом! Громады гор просматривались далеко-далеко, тая в голубой дымке, кругом тишина...

Среди вечной красоты природы даже не верится, что на планете в это время бушует ураган войны, гибнут тысячи и миллионы людей, горят города. Кому это нужно?!

От колодца мы пошли вниз прямо по траве и внезапно наткнулись на натянутую колючую проволоку. В густой и высокой траве ее совсем не было видно. Внимательно оглядев вершину горы, мы заметили, что вся она опутана паутиной колючей проволоки. Дальше пошли уже осторожнее, внимательно вглядываясь в заросли травы.

Пройдя несколько рядов заграждений, мы наткнулись на склоне горы на уходящую вглубь бетонированную траншею. Почти отвесные стены опускались вниз на 15—20 метров, при ширине траншеи около 10 метров. Узкая лестница с бетонными ступенями привела нас на самое дно сооружения. В конце его был сводчатый вход, прикрытый тяжелой и ржавой железной дверью. Любопытство победило страх, и мы с Василием открыли со скрежетом таинственную дверь.

Длинные бесконечные галереи и темные переходы тянулись в толщу горы. Подземные сооружения расположились на нескольких этажах, перегороженные решетчатыми дверями и запертые на замки. Сквозь решетки мы хорошо видели мощные и хорошо укрепленные казематы, орудийные площадки и пулеметные гнезда. Кое-где на бетонном полу виднелись позеленевшие гильзы, хотя помещения выглядели довольно чистыми, видно, кто-то следил за порядком.

Так вот она какая, знаменитая линия Мажино! В сторону Германии Франция построила мощные оборонительные сооружения в ответ на германскую линию Зигфрида. Но и она не спасла Францию от германского вторжения и оккупации...

На поверхность мы выбрались, когда солнце уже клонилось к закату. Поднялись по склону к знакомому колодцу и еще раз испили холодной водички. Неплохо

бы и перекусить, да вот запасы наши кончились еще накануне, а ни деревень, ни хуторов нам за весь день не попадалось. По всей вероятности, правительство Франции не разрешало селиться рядом с оборонительными сооружениями.

Несолоно хлебавши решаем заночевать в редком лесу. В густом кустарнике расстелили мешок и, прижавшись друг к другу, быстро уснули.

Яркое утро встретило нас птичьим гомоном. Потянувшись, я с удивлением заметил, что метрах в двадцати от нашего ночлега стоит брезентовая одноместная палатка и из нее торчат обутые в ботинки ноги. Мы тихонько собрали свои нехитрые пожитки и выбрались на почти заросшую тропку.

Весь день мы упорно продвигались горными тропами, держа направление на юго-восток. Только к вечеру нам попалась проселочная дорога. Долго спускались по серпантину дороги, пока на обочине не показалась сторожевая будка, а посреди дороги возле нее — створки ворот, обтянутые колючей проволокой. Возле будки стояла женщина средних лет с узелком в руках. При нашем приближении она приветливо поздоровалась. Поняв, что мы иностранцы, она спросила, кто мы. Наш ответ о том, что мы русские, ее поразил, и она стала что-то быстро говорить. В ее речи то и дело слышалось: «Ici sont les Russes!» — «Здесь русские!» Одновременно она показывала рукой по направлению склона горы и добавила: «les prisonniers» («пленные»).

Нам стало понятно, что за горой находится концлагерь с русскими военнопленными. О себе она рассказала, что живет одна и служит сторожем-хранителем теперь уже никому не нужных сооружений линии Мажино. В ее обязанности входит уборка помещений и сохранность замков. Когда она узнала, что мы прошли такой большой путь, она сочувственно покачала головой и, развязав свой узелок, угостила нас куском крестьянского хлеба с брынзой. По нашему аппетиту она поняла, что с продуктами у нас туго, и предложила

несколько бумажных франков. Мы, конечно, стали отказываться от денег, но женщина умоляюще сложила руки, прося принять ее дар. Мы, как могли, сердечно ее поблагодарили и расстались.

Горная дорога петляет по склонам, спускаясь все ниже и ниже. Вот уже потянуло дымком и запахом жилья.

Внезапно за крутым поворотом дороги, значительно ниже ее, мы увидели как на ладони ряды серых деревянных бараков. Дорога проходила выше лагеря, и мы хорошо могли разглядеть все, что там находилось. Картина была до боли нам знакома: ряды колючей проволоки, по углам — вышки с часовыми, посередине — ровная площадка плаца. Лагерь был небольшой — всего четыре барака и служебные здания. С большой высоты нам хорошо были видны фигурки людей, одетых в нашу военную форму, без знаков различия. Совсем недавно и мы были в таком же положении.

Странные, смешанные чувства я испытывал в этот момент. Было жаль этих ребят, томящихся в неволе, голодающих и испытывающих унижения. Но чувство собственной свободы и радость от удачного побега придавали новых сил и надежды на благоприятный исход.

Долго задерживаться в этом месте было небезопасно. Нас могли заметить охранники и устроить облаву. Тогда опять неволя. Мы, пригибаясь к земле, покинули это печальное место и продолжили свой путь по горной дороге.

Долго шли молча. Говорить не хотелось. Впереди нас ждал еще долгий и опасный путь домой.

Который день мы с другом Василием бродим по дорогам и лесным тропам Северной Франции в районе оборонительных сооружений на границе с Германией, вдоль линии Мажино — Зигфрида. Причем французы построили свои укрепления глубоко под землей, а немцы, наоборот, все огневые точки разбросали наверху, на равном расстоянии одна от другой. На французской стороне нам

с Василием попался заброшенный, но хорошо сохранившийся рыцарский замок, со всех сторон окруженный вековым лесом. Бегло осмотрев его, мы поспешили уйти, поскольку опасались встречи с немецким военным патрулем или местными жандармами. Спускаясь вниз по пустой, узкой заасфальтированной дороге, мы неожиданно встретили француженку средних лет, одетую в простую крестьянскую одежду. В руках она держала небольшую плетеную соломенную сумочку. Мы остановились. Она, очевидно, спросила, кто мы. Как смогли, мы попытались объяснить. Узнав, что перед ней бывшие военнопленные, русские, она изумилась и заволновалась, а потом стала что-то быстро говорить, то и дело показывая рукой в сторону крепости. Мы ничего не поняли из ее слов, и тогда она жестом указала нам на пустую тропинку, шедшую в горы, огибая замок. Мы послушались и едва смогли понять, что она, видимо, была смотрительницей в той части крепостных сооружений, которые пустовали. Вскоре, продолжая говорить на разных языках, мы вместе с ней подошли к небольшой площадке и остановились. Под нами была отлично видна вся крепость изнутри. Свободной рукой француженка показала нам туда, где мы заметили группу людей — немецких солдат. То и дело она повторяла: «Voches! Voches!» (что означало: «Немцы, немцы!»). У нас не осталось сомнений: в крепости располагался концлагерь, и, вероятно, там содержались советские и французские военнопленные. Еще чуть-чуть, и мы могли бы вновь оказаться в лагере, но Бог спас нас, послав нам навстречу эту милую француженку! Мы испытали огромное желание как можно скорее покинуть это место. Мы начали прощаться с женщиной, сердечно ее поблагодарив, а она в ответ раскрыла свою сумочку и достала из нее кусок крестьянского пирога с яблочной начинкой и несколько бумажных купюр — франков. Все это она протянула нам, жестом показав, что делает это от всего сердца и желает нам доброго пути, после чего развернулась и медленно пошла вниз по дороге в сторону крепости.

Чем дальше мы продвигались в глубь Франции, тем больше уставали от постоянных переправ через каналы. Один за другим, словно по волшебству, они снова и снова возникали перед нами. На западе, на востоке — повсюду водные преграды. В очередной раз идем вдоль берега в надежде встретить шлюз. Вдалеке показываются пустые баржи. Пройдя мимо, наконец-то обнаруживаем долгожданные шлюзовые сооружения. На противоположной стороне возвышается одноэтажный домик. Подходим к переправе и вдруг на том берегу видим невооруженного солдата без пилотки. Что-то насвистывая, он нагибается и начинает чистить сапоги, повернувшись к нам жирным задом. Делать нечего — поворачиваем назад и идем обратно, прочь от шлюза.

Неожиданно лес заканчивается, и нашим глазам открывается голый холм, поросший травой. Перевалив через него, выбираем направление на юг. Вскоре проходим мимо горы, на вершине которой торчат редкие деревья. Мы невольно любуемся пейзажем: трава на склоне от закатных лучей кажется золотистой, стволы сосен тоже. Между их зеленых ветвей голубеет вечернее небо. Красота! Словно никогда не было на земле войн, словно нет войны и сейчас. Глядя на эту картину, мы испытали грусть...

По склону горы медленно, осторожно взбирается лиса. Она не заметила нас, а мы во все глаза наблюдали за ней. Ее движения были такими плавными, что рыжий пушистый хвост почти не вздрагивал.

Гора осталась позади, и перед нами опять засверкала вода! Опять канал! И небольшой двухэтажный дом справа, вплотную к воде. Садимся прямо на землю и решаем дождаться здесь темноты. Повеяло ветерком, по небу поплыли белые барашки, окрашенные желтоватыми бликами уже скрывшегося за горизонтом солнца... Ветер усилился, пришлось достать из вещмешка попону, какой обычно накрывают лошадей, а Василий вытащил из своего костюм химзащиты — мы прихва-

тили его в будке лесника. Вместе с сумерками начал моросить дождик, понемногу усиливаясь. Мы стали спускаться к дому.

Дождь косыми струйками бьет прямо в лицо, приходится сгибаться еще сильнее, плотнее укрываться от него. Глядя на Василия, я едва сдерживаю смех: он выглядит привидением, а не человеком: прикрытая капюшоном голова, перетянутое завязками тело, на ногах огромные резиновые бахилы. Я, укрытый с ног до головы попоной, вероятно, кажусь ему копной сена, шагающей рядом с привидением.

Но вот уже и дом, напротив него тоже виднеется шлюз. Подходим и вдруг замечаем силуэт часового с карабином под мышкой. Сворачивать в сторону уже поздно, да и некуда бежать — кругом ни одного деревца, ни одного кустика. Решение приходит в голову само: бодро и не таясь пройти мимо немца, выйти на мост шлюза и перейти по нему на противоположный берег.

Часовой поворачивается в нашу сторону: черный плащ с капюшоном, что-то негромко спрашивает. Ускоряя шаг, продолжаем идти. Немец опять задает свой вопрос, на сей раз чуть громче. Затем мы слышим, как лязгнул затвор. Срываемся с места и бросаемся бежать через шлюз. Спрыгнув с мостика, резко уходим вправо, по дороге в гору, по направлению к какой-то деревушке. Вслед нам раздаются выстрелы, пули с визгом проносятся над головами.

Пробегаем мимо домов по мощенной камнями улице, в некоторых распахиваются окна, и испуганные выстрелами люди смотрят на нас. В центре деревушки дорога разветвляется, мы выбираем левое направление.

Остановились мы только у крайнего дома, присели и отдохнули минут десять—пятнадцать. Собачий лай затих, да и дождь почти закончился...

Посоветовавшись, мы решаем вернуться к площади и снова выйти на дорогу, которая, как нам кажется, теперь где-то справа от нас. На площади тихо, в центре ее установлена доска с объявлениями, проходим мимо

и быстро выходим на дорогу. Деревня закончилась, мы месим ногами грязь, идем по полю. Постепенно из темноты выступает какое-то большое здание. Дорога явно ведет к нему. Поразмыслив, все-таки продолжаем двигаться дальше. Таинственное сооружение оказывается горбатым мостом, перекинутым конечно же через канал! Охраны на нашей стороне не видно. Осторожно ступаем по мосту, внимательно вглядываясь вперед, в темноту...

Середина моста, спуск к противоположному берегу. И здесь нет часовых, мост пройден! Проклятые каналы позади. На каждый из них потрачено по нескольку дней! Идем всю ночь. Наш вожатый, Большая Медведица, закрыта тучами, поэтому выбираем дорогу наугад. Сначала она идет в гору, потом через лес, но, не доходя до леса, дорога резко сворачивает вправо. Уставшие, еле передвигая ноги, заходим в чащу и ложимся под раскидистой, огромной елью и сразу же засыпаем как убитые.

Разбудили нас чьи-то голоса. Стараясь не шуметь, выбираемся из-под елки и — о боже! Почти рядом с нами, на краю леса, метрах в сорока от нас крестьяне разбрасывают сено, переговариваясь между собой. Утреннее солнце нагревает сырую землю, радостно щебечут, купаясь в его теплых лучах, птицы! Жизнь продолжается! Мы шагаем по французскому лесу, пробираемся среди кустов и деревьев, с которых сыплются мириады капель, словно благословляя нас на дальний, неизвестный путь...

СЛУЧАЙНОСТЬ ЛИ ЭТО?

Случается в жизни иногда такое стечение обстоятельств, казалось бы вполне случайных, что не верится в реальность происходящего. Особенно трудно поверить в счастливое везение в тех условиях, в каких мы оказались с товарищем в начале августа 1942 года вблизи фран-

ко-швейцарской границы. Сейчас, по прошествии более полувека с того времени, мне кажется, что в жизни ничто не происходит просто так, случайно...

Дороги Франции вели нас все ближе и ближе к заветной границе. За два месяца, что мы меряли шагами Западную Европу, мы успели привыкнуть к радушию и гостеприимству простых французов. Теперь мы с Василием смелее заходили в крайние дома маленьких поселков и хуторов. Случалось заходить не только темной ночью, но и еще засветло.

Вот и теперь мы подходили к небольшой деревушке, расположившейся на склоне горного массива. В летних сумерках возле крайнего дома наше внимание привлекла группа молодых французов. Они весело и беззаботно отмечали какое-то торжество. Окна дома были распахнуты настежь, и из них на улицу лились музыка и яркий свет. Впервые мы увидели ярко освещенные окна, ведь немцы и французские жандармы строго следили за соблюдением светомаскировки. Молодежь заметила нас, и нам приветливо замахали руками, приглашая принять участие в празднике.

Человек шесть—восемь нашего возраста с любопытством разглядывали нас. Молодой человек, видно душа компании, высунулся по пояс из окна. Он что-то весело сказал, обращаясь к своим друзьям. Они громко рассмеялись. Очевидно, наш потрепанный вид вызвал такую реакцию. Мы подошли ближе. Затем юноша обратился с вопросом к нам. Мы ничего не поняли, но объяснили заученными фразами, кто мы и что нам надо. Удивление на лицах молодых французов сменил восторг, они одобрительно похлопали нас по плечам, удивляясь нашему долгому пути. Французы, вообще очень общительные и разговорчивые, буквально засыпали нас вопросами. Большинство вопросов мы не поняли. Проскальзывали отдельные знакомые слова: колхоз, коммунизм, комсомол. Мы поняли только, что ребята

интересуются жизнью на нашей Родине. Как могли, рассказали о довоенной жизни, путая французские слова с немецкими.

Мы уже собрались идти дальше, но тот парень, который первым обратился к нам, заметил, что я без головного убора. Дело в том, что у нас с Василием была одна пилотка на двоих. Василий взял себе пилотку, а я — подкладку от нее. За время пути моя подкладка совершенно пришла в негодность, поэтому я ее выбросил. Через минуту этот веселый парень вышел из дома к нам на улицу. В руках он держал черный широкий берет. Он торжественно водрузил берет мне на голову, отсалютовав рукой. Вся компания, как по команде, дружно рассмеялась. Парень показал большой палец и объяснил мне, что в берете я — вылитый француз. По этому поводу он предложил нам выпить по стакану красного вина. Мы выпили за дружбу, попрощались с нашими французскими сверстниками и отправились дальше. В душе остались теплые воспоминания о встрече. Долго я носил тот черный берет.

Предгорья Альп. Дорога то поднимается в гору, то стремительно бежит под гору. Вековые хвойные леса сменяются широкими полями и перелесками. Множество горных речек и ручейков приходится нам преодолевать то по мосткам, то вброд. Природа поражает своим разнообразием. Наш путь лежит на юго-восток к границе.

Звездная ночь постепенно сменила вечернюю зарю. Мы шли по широкой сельской дороге. Вдали показались силуэты деревни. Дома просторно раскинулись в долине между холмами. Решили зайти в крайний дом и попросить что-нибудь перекусить. На наш стук из дома вышел мужчина лет тридцати в широких холщовых штанах и простой крестьянской рубашке. При свете керосиновой лампы он разглядывал нас. Крестьянин спросил, что нам нужно. Мы, как обычно, рассказали. Русские, бежали из плена, просим еды и соли. Еще нам нужна была карта, так как наша карта заканчивалась

километров через двадцать от этого места. Хозяин жестом пригласил зайти в свой дом.

В первой комнате, очевидно кухне, стояла большая печь, занимавшая почти половину всего помещения. На простом деревянном столе еще стояла посуда после позднего ужина. Внутреннее убранство дома было очень скромным. Не успели мы как следует оглядеться, как дверь из другой комнаты открылась и вошла высокая, худая женщина. Она явно недружелюбно посмотрела на нас и что-то спросила мужа. Он, как бы оправдываясь, стал ей говорить, время от времени кивая в нашу сторону. Женщина, сильно жестикулируя и явно выражая недовольство, вышла из комнаты. Хозяин махнул ей вслед рукой, как бы говоря, чтобы мы не обращали внимания, и тоже вышел вслед за женой. Мы остались в кухне одни. Мое внимание привлекла маленькая коробочка карманного фонарика. Как бы он нам пригодился в пути! За дверью слышался громкий разговор супругов. Видно, женщина опасалась немцев или жандармов. Ведь за помощь бежавшим пленным их тоже ожидал концлагерь.

Наконец они вышли к нам. Настроение женщины не изменилось, а мужчина, как бы оправдываясь, развел руками. Не обращая внимания на ворчание жены, он отсыпал в газету немного соли. Я напомнил ему о карте. Он кивнул и поднялся по лестнице на балюстраду второго этажа. Жена за ним. Воспользовавшись их отсутствием, я положил фонарик в карман. Наверху опять ругались. Вскоре крестьянин вышел и покачал головой: нет карты. Мы понимающе кивнули. Хозяин взял лампу и проводил нас за порог. Мы простились и вышли в темноту ночи.

Дома деревни тянулись вдоль дороги с одной стороны. С другой стороны дороги был луг. Пройдя мимо нескольких домов, мы наткнулись на бетонный колодец. Возле колодца, в прямоугольном бетонном коробе,

заполненном водой, стояли два алюминиевых бидона с молоком. Мы вдоволь напились прямо из бидона свежего молока.

Недалеко от колодца, в стороне от других, стоял большой двухэтажный дом. Я положил свой мешок с ведром, в котором мы готовили в пути пищу, возле колодца, и мы пошли в сторону дома. Дом окружала аккуратная невысокая изгородь. Перед входом в дом калитка. Подойдя к калитке, мы заметили кнопку электрического звонка, и я нажал ее. В доме раздалась трель звонка, но никто не вышел. Подождав немного, я еще раз нажал на кнопку. Открылось окно на втором этаже, возле дома залаяла собака, ее лай подхватили другие деревенские собаки. Через некоторое время загремели запоры, дверь открылась, и на пороге показался высокий юноша в белой сорочке. После наших объяснений он пригласил нас зайти в дом.

Первым вошел юноша, за ним Василий. Я зашел последним и закрыл дверь. Прихожая была маленькой, в центре ее стоял стол, покрытый светлой скатертью. Напротив была дверь в другие помещения дома. У стола напротив нас стояла полная женщина, с интересом и тревогой смотревшая на нас. Комната была ярко освещена электрическим светом, и я смог хорошо рассмотреть ее убранство. Стены были увешаны фотографиями разных размеров в резных рамках. Я с интересом рассматривал фотографии, пока Василий расспрашивал юношу, разложив нашу карту на столе. На многих фото были запечатлены люди в военной форме. Большинство из них носили пышные усы.

Прошло уже минут десять, как хозяева объясняли нам путь по карте. Вдруг скрипнули ступеньки от тяжелой поступи грузного человека. Я посмотрел вверх и обомлел. К нам спускался человек могучего телосложения, несколько грузный, с пышными рыжими усами. Но мой взгляд был прикован к его галифе с красно-голубыми лампасами! «Вася, жандарм!» — только и успел крикнуть я. Толстяк, быстро оценив ситуацию, кивнул

жене на входную дверь и что-то быстро сказал сыну. Обстановка складывалась для нас критическая. Женщина уже нерешительно двинулась к двери, когда Василий спокойно сложил карту. Затем он решительно оттолкнул молодого человека так, что он отшатнулся в мою сторону, и, прыгнув к двери, открыл ее толчком ноги. Василий исчез в темноте ночи, я слышал, как хлопнула за ним калитка. Я тоже не заставил себя ждать. Оттолкнул парня в сторону жандарма и выскочил в открытую дверь. Последнее, что я видел в ярко освещенном проеме, — это жандарм, посылающий нам вслед проклятия. Выскочив в темноту, я несколько раз громко окликнул Василия, но ответа не было.

Где мой товарищ? Куда мне теперь идти? Прошел к началу деревни, где мы недавно еще были вместе. Прошел по обочине в сторону колодца — там тоже нет моего напарника. Присел возле дома сварливой женщины в раздумье: что делать? Весь остаток ночи прошел в поисках Василия.

К утру зашел в тот самый первый дом и знаками спросил у мужчины о моем друге. Тот объяснил, что Василий не появлялся. Кстати, положил на место взятый мной фонарик, так как в нем не было батарейки. В этот раз женщина отнеслась ко мне с большим сочувствием, и истерики не было. Я попросил у них бумагу и карандаш. На листке я написал, где и когда буду ждать Василия. Попросил супругов отдать листок, если появится мой приятель.

И вот я один, в чужой стране, без товарища и без карты. Меня вдруг осенила мысль: ведь у меня есть маршрут нашего дальнейшего пути! Дело в том, что накануне мы рассматривали карту и списали названия населенных пунктов на нашем пути. Василий не мог читать латинские буквы, и я для него списал французские названия русскими буквами. Теперь я вспомнил, что эта бумажка лежит в моем кармане. Я опять зашел в знако-

мый дом и стал читать по порядку названия с бумажки. Но, видно, мое московское произношение искажало французские названия и меня никто не понимал. Бумажка оказалась бесполезной без карты.

Бродил я по дорогам вокруг деревни и около одного дома увидел развешанное для просушки белье. Мое внимание привлекла белая небольшая фланелевая тряпка. Я разорвал ее на несколько частей. На каждой написал химическим карандашом примерно такой текст: «Вася, жду тебя в лесу напротив первого дома. Валерий». Эти записки я развесил на всех указателях направлений дорог, ведущих из деревни. Чтобы случайно ветер или дождь не сорвали мои записки, я приколот их щепочками в трещины столбов указателей.

Так в хлопотах прошел день. К вечеру опять зашел к знакомым французам. Оказалось, что Василий так и не появлялся. Нужно было искать место для ночлега. Выбрал я место в лесу недалеко от дома и стал коротать время в поисках выхода. Время тянулось медленно, и я не заметил, как заснул.

Тревоги предыдущей бессонной ночи сморили меня, и проснулся я, услышав крик петуха. Мне показалось, что он кукарекает мне в самое ухо. Оказалось, что я устроился на ночлег на самой опушке и меня легко могли заметить. Проснулся я с тревожными мыслями.

Можете представить себе: было нас сначала трое, потом двое, а теперь один. Прошли мы Германию, Эльзас и почти уже дошли до Швейцарии. Остался один, без товарищей, без карты. Зайдя в дом, увидел сочувствующий взгляд женщины и решил еще раз попросить заветную карту. Без нее мне нет пути. Мужчина теперь уже решительно направился в верхние покои. Жена его стремглав бросилась за ним, что-то испуганно крича ему вслед. Повторилась вчерашняя сцена. Хозяин вышел ко мне раскрасневшийся, разгоряченный разговором с женой. С сожалением развел руками. Ничего не

поделаешь. Я мог их понять. Военное время. Я-то уйду, а они рискуют своим благополучием. Мужчина взял велосипед, стоявший за домом, и мы пошли прочь от деревни. Он вызвался сам проводить меня до следующей деревни, примерно показать направление моего пути. На развилке дорог крестьянин показал мне направление и отправился обратно, пожелав мне: «Bon voyage!» («Счастливого пути!»)

Дорога шла сначала густым лесом, затем спустилась к бурной горной речке. Я перешел на другую сторону по широкому каменному мосту. Дорога повернула вдоль русла ручья. Иду и прислушиваюсь, все мне кажется, что кто-то преследует меня, шагая в ногу со мной. Остановился — шаги затихли. Только двинулся дальше, как опять гулкие шаги преследуют меня. Что за наваждение? И тут до меня дошло, что я испугался собственных шагов, которые эхо в ущелье множило и усиливало. Правильно говорят, что у страха глаза велики.

Я прилег на траве. Вверху шумели кроны высоких сосен и елей, еще выше плыли белые кучевые облака. Может, они пришли с моей далекой Родины? Вдруг мое внимание привлек двигавшийся вдоль дороги какой-то карлик. Я плохо видел его через ветки придорожных кустов. Вот фигурка карлика появилась в просвете кустов. Только теперь я мог хорошенько разглядеть «карлика». Это была большая рыжая лиса. В зубах она несла пойманную курицу. До этого момента лиса не замечала меня. Я громко хлопнул в ладоши. Лиса мгновенно застыла, уставившись на меня. Я теперь залаял, правдоподобно имитируя собаку. Реакция лисы была молниеносной: она бросила добычу и мигом скрылась в густом кустарнике. Я подошел, поднял еще теплую тушку курицы за ноги и направился вниз по дороге.

За поворотом дороги передо мной открылась живописная долина меж пологих гор. По ней были беспорядочно разбросаны отдельные строения деревушки. Оранжевые черепичные крыши ярко выделялись на свежей зелени травы. Вдали темной зубчатой полосой

темнел лес. Солнце было с правой стороны от меня, и, значит, мой путь лежал через долину. Спустился по дороге к домам. Вблизи они уже не были так привлекательны, как при взгляде сверху. Многие дома вблизи оказались просто сараями и скотными дворами.

Я подошел к крайнему дому. Обогнув его угол, я увидел на пороге двух пожилых людей. Мужчина, с редкими седыми волосами, невысокого роста, худощавый, что-то рассказывал такой же щуплой, невысокой старушке. Мое появление с курицей в руках не вызвало у них никакого интереса. Они снизу вверх посмотрели на меня и о чем-то перебросились между собой парой фраз. Я жестами попытался им объяснить случай с лисой, но они меня не поняли. Тогда я взял щепку и на земле перед стариками изобразил, как мог, лису с курицей в зубах. Они понимающе заулыбались, закивали головами.

Старик пригласил меня зайти в дом. В комнате было сумрачно. Вся убогая обстановка состояла из простого стола и трех табуретов. На столе стояли две глиняные чашки и четырехгранная бутылка темного стекла. Я понял, что супруги уже приняли с утра некоторую порцию напитка Бахуса. Хозяин налил мне полную чашку из той же бутылки. Зелье оказалось очень кислым, и я поморщился, что вызвало улыбку у старика.

Днем мне было небезопасно идти по горам. Я решил остаться у хозяев этого скромного домика. Старушка, что-то прошамкав беззубым ртом, ушла в дом. Я остался наедине со стариком. Хмель развязал язык пожилого француза. Я понял из его речи, что жену он любит с самого детства и они живут до сих пор очень дружно.

Постепенно день стал клониться к вечеру. Старик повел меня к отдаленным строениям. Это были сарай и птичий двор. Возле него были разбросаны по земле куриные перья. Очевидно, именно здесь произошла встреча печальная для курицы и удачная для лисы. Старик равнодушно посмотрел на куриные перья и махнул рукой. Затем он вынес из сарая бутылку молока и налил мне его в глиняную кружку. Я выпил.

Потом хозяин пригласил меня зайти внутрь сарая. Там был устроен сеновал. На самый верх вела приставная лестница. Жестами старик показал мне, чтобы я залез наверх и взял там охапку сена, что я и сделал. Снизу старик что-то мне кричал. Я разобрал только слово «куше». Что хочет дед? Подумав немного, я решил, что в русский язык слово «кушать» пришло из Франции. Наверное, старик или чокнулся, или перепил своего кислого вина, подумал я. Но дед догадался, что я не понимаю, и для ясности сложил руки и изобразил спящего. Так вот что значит «куше» — спать! Я постарался объяснить гостеприимному хозяину, что мне по дорогам безопаснее идти ночью, а спать днем. Он тогда попросил меня зайти в дом.

Там он коротко объяснил хозяйке, что я собрался в путь. Тогда она достала завернутые в цветной платок деньги и протянула их мне. Я стал отказываться, но она сунула мне деньги в карман. Я прижал руку к сердцу и сказал: «Merci!» Хозяева проводили меня до дороги, освещая путь керосиновой лампой. Я зашагал прочь.

Постепенно глаза привыкли к темноте ночи. Дорога светлой лентой петляла по лесу. Прошагав так почти до раннего летнего рассвета, я решил сделать привал. Расстелил под высокой елью на мягкой подстилке опавшей хвои конскую попону. Она уже долгое время служила нам единственной подстилкой и укрытием от дождя.

В лесу тихо. Лишь шорохи ночных обитателей леса иногда нарушали его тишину. Лежа на спине, я смотрел на поблескивающие сквозь ветки звезды. Тревожные мысли одолевали меня. Куда мне идти дальше?

Утро встретило меня веселым птичьим гомоном. Легкий туман поднимался от ручья вверх по ущелью. Сквозь него пробивались золотистые лучи утреннего солнца. Наскоро собрав свои нехитрые пожитки, я умылся и вышел на тропинку. Дорога вела меня уже вверх по склону холма. Слева от дороги стоял небольшой деревянный дом. При моем появлении залаяла маленькая дворняжка,

извещая о моем вторжении на ее территорию. На лай собачонки из дома вышел среднего роста упитанный мужчина в белом халате и колпаке. Он успокоил собаку и пригласил меня зайти в дом. Дом оказался пекарней. Посреди комнаты стоял разделочный стол, усыпанный мукой. На нем лежал большой кусок теста и несколько готовых к выпечке батонов. Хлебопек разговаривал со мной, продолжая заниматься своим делом. Он отрезал большим ножом кусок теста, быстро и ловко придавал ему форму длинного батона. Занимаясь своим делом, он удивился моему рассказу о побеге и скитаниях. А мне было приятно смотреть на лицо увлеченного своей работой мастера. Я попытался прочесть несколько названий населенных пунктов из своей бумажки, но он ничего не понял и развел руками.

Простившись с пекарем, я уже отошел метров на двадцать, как он окликнул меня. Пекарь протягивал мне длинный батон белого хлеба. Вернувшись, я взял батон и разломил его надвое: одну часть себе, другую Василию. Сказал доброму человеку «Merci!» и отправился в путь. В этот день я прошел горными дорогами и тропинками, наверное, километров пятнадцать—двадцать, трудно в горах точно определить пройденный путь. В пути старался придерживаться направления на юго-восток.

Сгустились сумерки, наступил вечер. Тяжело шагали уставшие за день ноги. Пора подумать и о ночлеге.

Шел к концу третий день моих одиночных скитаний. Где-то сейчас Вася? Ему было легче ориентироваться — у него была карта. На ней мы с Василием проложили наш маршрут в сторону неоккупированной Франции. А вот у меня карты не было...

Черное небо над головой, августовское небо Франции. И наша верная подруга ночь. Подруга в пути по дорогам Германии, Эльзаса и Франции, вдали от Родины. И теперь теплая ночь раскинула надо мной звездное решето. И лишь на западе черный бархат ночи несколько светле-

ет. А посмотришь вдаль на темный зубчатый силуэт леса на горизонте, становится грустно от осознания того, что еще один день навсегда покинул Землю...

Иду проселочными дорогами, обходя крупные селения. Светлая лента дороги ложится под ноги. Изредка легкий ветерок доносит собачий лай и запах жилья. Чутко вслушиваюсь в ночную тишину. Но вот вдали виднеются смутные очертания крайних домов селения. И каждый раз, подходя к дому, возникает один вопрос: что меня здесь ждет?

Робко постучался в дверь. За дверью слышится приветливый мужской голос, он приглашает меня войти. Вхожу в слабо освещенную низкую комнату, посреди нее стоит простой деревянный стол, на столе керосиновая лампа. Возле стола стоит молодой человек лет двадцати — двадцати трех, худощавый в черном до пола одеянии. Он перепоясан широким поясом, а на голове у него черная шапочка. Его тень переламывается на потолке, отчего человек кажется очень высоким.

Он внимательно рассматривает меня. Спрашивает о чем-то по-французски. Отвечаю ему заученными фразами примерно такого содержания: «Пленный, бежал, прошу соли и спичек». Юноша спросил, кто я: немец, поляк? И когда понял, что перед ним русский, не мог скрыть своего удивления. Он засуетился, приглашая меня присесть к столу. Далее выяснилось, что он — сельский священник и впервые встречается с русским, советским человеком. Подавая на стол скромную еду — кусок хлеба и несколько картофелин в мундире, — он с нескрываемым интересом продолжал рассматривать меня. И все что-то говорил, говорил. Жестами он дал понять, что еда на столе для меня. Я догадался, что он отдает весь свой дневной паек. Я категорически отказался от еды. Пастора обидел мой отказ, он еще энергичнее стал уговаривать отведать его пищи. Пришлось, сдерживая чувство голода, не спеша принять половину его ужина. Все это время юноша сидел напротив меня, и добрая улыбка не сходила с его лица.

«Сытно» поужинав, я тепло поблагодарил радушного хозяина, попутно спросив, нет ли в селе немцев или жандармов. Когда уже выходил, я жестом спросил, нет ли у хозяина закурить? В ответ священник отрицательно покачал головой. Проводив меня до дороги, француз быстро скрылся в темноте ночи.

И я зашагал по пыльной дороге, вспоминая необычную встречу. Отойдя довольно далеко от села, впереди я увидел свет карманного фонаря, приближавшийся со стороны дороги. Я в тревоге остановился. Человек также остановился, не доходя до меня нескольких шагов, и что-то громко произнес по-французски. И тут-то я узнал по фигуре и по голосу гостеприимного пастора! Но как он очутился впереди меня? Ведь я уже давно миновал его дом, его деревню!

Священник тяжело дышал. Остановился. Едва переведя дух, протянул мне две сигареты. Какой щедрый подарок! Ведь в то тяжелое военное время они были на вес золота! Как же меня поразила его забота обо мне, бедном беглеце! Жаль, что из его слов я ничего не мог понять. Как только мог, я от всей души поблагодарил молодого француза за подарок. Ведь уже много-много дней я не нюхал даже запаха табака! А я в то время был заядлым курильщиком. Во время наших странствий куравом нам служил сухой мох да листья деревьев.

Пока я перекуривал, пастор о чем-то очень горячо просил меня, умолял. Наконец до меня дошел смысл его слов: он просил меня встать на одно колено и сложить ладони перед собой. Для примера он несколько раз сам показал, как мне это нужно было сделать. Я старался ему объяснить, что не верю в Бога, что я атеист. Но он, даже поняв смысл моих объяснений, еще настойчивей просил исполнить его единственную просьбу. И я... уступил его настойчивости.

С достоинством, торжественно простой сельский священник перекрестил меня, после чего по-отечески поцеловал в лоб. Тогда-то я понял, что добрый молодой человек благословил меня в дальнюю дорогу, в неиз-

вестность. Лишь после этого он считал свой пастырский и человеческий долг выполненным. И разошлись наши земные дороги и судьбы в темной августовской ночи посреди Франции...

До сих пор, хотя прошло уже полвека, в моих глазах стоит высокая темная фигура на фоне бескрайнего звездного неба.

Фигура человека, в моей ранней юности поразившего меня до глубины души своей чистой и искренней верой!

Наверное, время перевалило за полночь. Крупные звезды ярко светились на бездонном, черном бархате неба. Путь мой проходил извилистой дорогой вдоль ручья. В конце крутого спуска показался широкий каменный мост. В тени деревьев за мостом смутно вырисовывались контуры большого сооружения. По характерному шуму падающей воды я понял, что это мельница. Подойдя к мосту, я услышал мужские голоса.

На другой стороне речки разговаривали двое. Мне не хотелось еще раз рисковать. Я свернул с дороги вправо и пошел лесом к вершине холма. Дойдя до вершины, устроился на ночлег с южной стороны большого дерева, укрылся от ночной сырости попоной и крепко заснул на расстеленном мешке.

Проснулся сразу. Разбудил меня громкий разговор недалеко от меня. Осторожно раздвинул ветки кустов и увидел две повозки на дороге. Несколько мужчин собирали хворост и грузили его на подводы. Я собрал свои вещи, вышел поодаль от людей на дорогу и пошел в противоположную от них сторону. Отошел уже на приличное расстояние, как вдруг мое внимание привлек свежий, еще дымящийся окурок. Я обрадовался счастливой находке, но радость оказалась преждевременной. Вместо табака в самокрутке был мох! Отошел с дороги в кусты и скрутил новую самокрутку из сухого мха. Кругом тишина, только щебет лесных пичуг и тихий шелест

ветра в вершинах деревьев. Я опять мысленно унесся далеко, далеко...

Внезапно из кустов прямо на меня вышел человек. От неожиданности я вздрогнул. Но человек, видно, первым заметил меня. Он с любопытством разглядывал меня. Отступить было поздно. Я тоже смог теперь разглядеть его. Роста он был выше среднего, немного сутулый. Привлекла мое внимание черная повязка, закрывавшая правый глаз. Простая, довольно поношенная куртка и стоптанные от длительной носки башмаки дополняли его портрет. Он, видно не ожидая встретить меня в этом глухом месте, повернулся и собрался уйти в сторону. Я улыбнулся и обратился к нему: «Комrade!» Человек подошел ближе и присел рядом со мной на траву. Я коротко рассказал о себе. Он охотно поддержал разговор, и я узнал его историю. Он, оказывается, простой сельский учитель, шел в школу, которая находилась за перевалом. Он мог идти по дороге, но воспользовался короткой дорогой через лес. В школе было мало учеников, но он продолжал ежедневно ходить туда, преодолевая ежедневно этот тяжелый путь. Дальше учитель рассказал, что он воевал, раненым попал в плен к немцам, но был вскоре освобожден из-за потери глаза. Я спросил его, нет ли в деревне немцев или жандармов. На мой вопрос он ответил отрицательно. Мы простились. Он пошел дальше и, немного прихрамывая, скрылся в зарослях терновника.

Солнце клонилось к западу. От места встречи с учителем я был уже далеко. Чувство голода давало себя знать. Я доел остатки своего хлеба и решил устроиться на отдых. Выбрал укромное место среди зарослей терновника и собрался расстелить попону. В это время я услышал, как слева от меня кто-то пробирается через кусты. Кто бы это мог быть? Животное или человек? Громкий треск сухих сучьев приближался. Решил взглянуть поближе на возмутителя тишины. Пригнувшись, подобрался к прогалине между кустами. Смутно увидел фигуру мужчины. Он пробирался зарослями, ничуть не

опасаясь, и собирал ягоды терна. Я не поверил своим глазам: Вася! Забыв про осторожность, громко окликнул друга. Мы бросились обниматься, не скрывая слез радости.

МЫ ОПЯТЬ ВМЕСТЕ!

А теперь судите сами: случайно ли это? Мы блуждали по чужой стране, не зная языка, совершенно не ведая пути друг друга. На четвертые сутки мы встретились в лесной чаще. Каждый из нас шел к этой встрече своим путем, неведомым другому. В это трудно, невозможно поверить, но ЭТО БЫЛО!

А ЖИЗНЬ ИДЕТ...

(Франция, август 1942 года)

После трехдневной разлуки со своим товарищем по побегу мы направились к одному из заброшенных домов на окраине деревушки, затерявшейся между лесистыми холмами на северо-востоке Франции. Эту полузаброшенную деревеньку присмотрел мой приятель, когда мы отдельно друг от друга плутали целых три дня.

Где-то около часа ночи мы шагаем по сельской дороге. Тишина, только нет-нет да и вспорхнет где-то птица, разбуженная нашим появлением, заставляя и нас настроженно остановиться и прислушаться. Теплые летние французские ночи...

Прогретая за день солнцем дорога и ночью излучает душное тепло.

Наш путь лежал через эту деревню, где нам необходимо было подкрепиться у местных крестьян. Обычно наши потребности ограничивались несколькими спичками, щепоткой соли да дорогим для нас табачком...

За время наших скитаний по далекой чужой земле у нас появилось чутье на жилье. Вот и сейчас потянуло запахом скотины, дымка и чего-то уютного, жилого. И вот мы уже на окраине. Дома здесь разбросаны при-

вольно по окрестным холмам, далеко друг от друга. Обычно мы с другом заранее намечали дом, в который можно было войти, не опасаясь последствий.

На этот раз домик был недалеко от дороги, вдали от соседей. Договорились, что спросим у хозяев соли, так как наши запасы уже кончились. Тихо подкрадываемся к дому. Окна, как обычно в тех краях, закрыты ставнями, и только в небольшую щель пробивается полоска света. Решаем посмотреть, кто есть в доме.

Над простым деревянным столом тускло светит керосиновая лампа. На столе скромный сельский ужин, от вида которого у нас засосало под ложечкой. У стола сидит молодой парень, а у него на коленях девушка. Она левой рукой обняла его за шею и о чем-то мило беседует с ним. Изредка они, крепко обнявшись, целуются, уверенные в своем уединении.

Мы с приятелем, совершенно не сговариваясь, отскочили от окна, оставив влюбленную парочку в покое. Сперва молча, а затем обсуждая между собой этот случай, мы пошли прочь от деревни по проселочной дороге...

Этот житейский эпизод унес нас далеко в мирные времена, в нашу прерванную юность. Да, жизнь все-таки сильнее войны и смерти! А ведь в это время где-то идут жаркие бои, а где-то...

КРАЖА

(Франция, август 1942 года)

Наверное, все вы видели широкие улицы в наших российских деревнях? Дома на них стоят широко, просторно, на значительном расстоянии друг от друга. Примерно так же выглядела одна из многих деревень на севере Франции в 1942 году. Правда, видеть мне ее пришлось ясной августовской ночью, при свете полной луны. Впервые за время нашей «экскурсии» по Франции нам встретилась такая широкая деревенская улица.

Большая часть домов этой деревни расположилась на пологом склоне холма, и лишь немногие на вершине. Мы с другом решили зайти в самый крайний дом на вершине холма. Увидев слабый свет в окне дома, мы поняли, что обитатели его еще не спят. Отворив дверь, увидели в большой комнате очень скромную, даже по сельским понятиям, обстановку. Сразу было видно, что хозяева не из богатых.

В доме было много детей самого разного возраста, которые создавали в доме веселый постоянный шум и гвалт. При нашем появлении шум сразу же стих. Все обитатели дома в растерянности и с недоумением рассматривали нас. Мы тоже стояли удивленные: до этого мы никогда не встречали в сельских домах таких многодетных семей. Хозяин и хозяйка с тревогой глядели на нас, на нашу прохудившуюся обувь, истрепанную и ветхую одежду, усталые и заросшие лица. Мы же, увидев явную бедность и нужду хозяев, как могли, извинились за внезапное вторжение и вновь вышли из дома на улицу.

Яркий свет луны заливал весь простор сельской улицы. Нам казалось, что в этот час все жители деревни уже крепко спят после дневных хлопот. И мы с Василием побрели посреди улицы с холщовым мешком через плечо. В нем была лишь банка из-под мармелада, служившая нам кастрюлей для приготовления пищи. Шли мы уже по левой стороне улицы и не встретили на ней ни одной живой души. Ряд домов по этой стороне нарушал один дом, как бы выступая вперед из общего строя. Из приоткрытой двери на землю легла узкая полоска света, которая и привлекла наше внимание. Но лишь только мы сделали несколько шагов в сторону приоткрытой двери, как из нее вышел на порог мужчина. Низкорослый, худощавый, лет за тридцать. Он что-то спросил у нас.

Приблизившись к нему, мы произнесли несколько заученных фраз о том, что мы русские, бежали из плена, нужны соль, спички, есть ли немцы? В это время

из-за спины мужчины показалась небольшого роста женщина, такого же, как и он, телосложения.

С нескрываемой радостью хозяева пригласили нас в свой дом, а точнее, в небольшую комнату. С нашим приходом в маленькой комнате стало тесно. Посреди нее стоял стол, покрытый светлой клеенкой. На столе лежала развернутая газета и рядом с ней бензиновая ла-тунная зажигалка. Именно она привлекла наше внима-ние. Ведь мы в пути часто бедствовали без спичек, без огня. Зажигалка могла бы нас здорово выручить. В Се-верной Франции, оккупированной немцами, населению остро не хватало и соли, и спичек, и табака. На про-тяжении всего нашего пути по французской земле ра-душные хозяева деревенских домов давали нам по пять, а то и по десять спичек.

Эти спички мне запомнились. Они были длинными, примерно раза в три длиннее наших. Долго не воспа-менялись, а при горении сильно дымили удушливым сернистым дымом. Этот дым щекотал в носу и застав-лял слезиться глаза.

Хозяева дома, занятые суетой по хозяйству, оставили нас на некоторое время без внимания. Зажигалка все это время дразнила нас своим золотистым блеском, лежа на самом краю стола. И я решился... Воспользо-вавшись отсутствием хозяев, я прикрыл зажигалку газе-той и дрожащей от волнения рукой сунул ее в карман.

В это время в комнату вошла женщина и стала на-крывать на стол. На столе появились несколько кусков хлеба, небольшой кусок сыра, четыре стакана и початая бутылка красного вина. Мы с другом молча наблюдаем за хлопотами хозяев. Они о чем-то долго совещаются, и вот женщина, подставив стул, достает с верхней пол-ки небольшую стеклянную банку с вареньем. Мы ви-дим на ее лице радостную улыбку. При этом она что-то говорит, пытаюсь объяснить нам при помощи жестов смысл своих слов. Наконец мы понимаем, о чем она говорит. Оказывается, они хранили эту банку для празд-ника Рождества, но ради таких гостей решили ее от-

крыть. Как только смысл сказанного дошел до меня, я почувствовал, что лицо мое горит, обожженное стыдом и совестью. Как будто кто-то ударил меня по лицу. Каким же низким показался я сам себе! Стараюсь незаметно залезть в карман. Сжимаю потной рукой злополучную зажигалку. Теперь жду момента незаметно вернуть ее на прежнее место. И вот обжигающая руку зажигалка на столе под газетой. Холодный пот выступил на моем лбу.

Не поднимая глаз, я выпил с друзьями первый тост. В маленькой, тесной комнатке мы сидели — двое русских парней и французская супружеская пара — как одна семья. Под крышей этого дома не чувствовалось различия между нами. Тепло, по-семейному прошел этот полуночный франко-русский прием. Нашего запаса слов для общения не хватало, но их мы успешно заменяли мимикой и жестами. Из этого разговора мы узнали, что хозяин работает шофером на международной грузовой линии Франция—Италия. Узнав, что мы держим путь на юг Франции, не оккупированный немцами, он замахал руками: «Не сегодня завтра вся Франция будет оккупирована бошами, то есть немцами! Идите в нейтральную Швейцарию, там будете в безопасности!»

Кстати, ни они, ни кто другой за все время пути по Северной Франции ни разу не обмолвился о партизанах. Вот тогда-то, в этом маленьком домике, и изменился план нашего дальнейшего пути. С этого момента мы решили идти в неизвестную нам Швейцарию. Как могли, мы расспросили гостеприимных хозяев о дальнейшем нашем пути в сторону швейцарской границы. Наша встреча затянулась далеко за полночь, а нам еще нужно было использовать остаток ночи для пути. Как только могли, мы поблагодарили новых французских друзей за гостеприимство, за их сердечное участие и сочувствие нам, русским беглецам из фашистской неволи.

Долго шли мы и часто оборачивались на маленький домик, где в прямоугольнике открытой двери стояли,

обнявшись, две маленькие фигурки больших наших друзей. До сих пор они у меня перед глазами. И надолго мне запомнилась моя кража у добрых и чистых душой французов. До сих пор совесть тревожит меня...

ВСТРЕЧА

(Франция, август 1942 года)

До швейцарской границы оставалось около сорока километров. По мере приближения к границе окружающий нас пейзаж почти не изменился: такие же покрытые кое-где лесом невысокие горы, а между ними лежат лоскутки возделанных полей и отдельные небольшие деревни. Правда, с нашим продвижением к границе деревни и небольшие поселки стали встречаться чаще. Одну из таких деревень мы прошли после заката солнца, которое быстро исчезло за склоном горы.

Уже в сумерках мы прошли по асфальтированной дороге через чистенькую и ухоженную деревню, а на другом ее краю заметили одноэтажный кирпичный дом. Дом этот мы выбрали потому, что он стоял несколько на отшибе, да и входная дверь была не со стороны шоссе, а со стороны открытого поля. Нам можно было с меньшим риском зайти в него, без опасения быть замеченными со стороны.

Подойдя к открытой двери, мы постучали, а затем уже вошли в прихожую. Там нас встретила француженка лет тридцати пяти. С нескрываемой тревогой она спросила, что нам нужно. К этому времени мы уже заучили несколько необходимых нам французских фраз. Объяснили ей, что мы русские пленные, бежали из немецкого концлагеря. Спросили ее, правильно ли мы идем в направлении швейцарской границы. В ответ женщина утвердительно кивнула нам. На вопрос, нет ли поблизости немцев, отрицательно покачала головой. Поблагодарив ее, мы уже направились к дороге, но женщина стала что-то быстро и эмоционально нам говорить. Трудно нам

было разобрать чужую речь, но мы все же поняли смысл слов, да и жесты ее помогли. Оказывается, где-то возле железной дороги есть хутор, на котором живут русские! Обрадовавшись, мы еще раз поблагодарили француженку и пошли по проселочной дороге на юг.

Пройдя метров триста в глубь леса, мы повстречали двоих пожилых крестьян. Старик со старухой. Он нес тяжелую вязанку сушняка. Поравнявшись с нами, старик поздоровался и остановился рядом. Он бросил на землю свою ношу и устало сел на нее. Под его тяжестью затрещали сучья. Мы старались в сумерках рассмотреть друг друга. После некоторого молчания мужчина спросил, кто мы такие, и, услышав наш ответ, оживился. Рукой он показал направление и несколько раз повторил, что там находится русский дом. Старенькая француженка также подтвердила, что в той стороне живут русские. Уже далеко пройдя по тропинке, мы еще видели две неподвижные фигуры на фоне закатного неба.

Но вот уже и переезд через одноколейную железную дорогу. На нем не было ни шлагбаума, ни будки обходчика, обычных в таких местах. Дорога круто повернула налево, окруженная густым, темным лесом. От переезда шагов через пятьдесят нам открылся двухэтажный дом, стоявший среди высоких деревьев. Когда мы подошли ближе, то видели, что дом довольно старый. Около входной двери под навесом аккуратная поленница дров, и рядом с ней несколько ярусов клеток с кроликами — знакомая уже нам картина. Дом встретил нас темными окнами, что нас несколько обескуражило: постучаться в дом или, забрав у «соотечественников» пару-тройку кроликов, продолжить путь. Пока мы так размышляли, стоя у клеток с кроликами, в доме послышались шаги, а затем (впервые за два месяца!) чистая русская речь. Мы замерли, не зная, что предпринять.

В это время дверь открылась, и в проеме появился высокий, худощавый мужчина с горящей свечой в руке. В первый момент он нас не заметил, отвечая на какой-то вопрос женщины в доме. Затем, повернувшись к нам

лицом, он в недоумении замер, увидев нас. Из-за его плеча вышла женщина, продолжая что-то говорить, и замолкла на полуслове, заметив нас. Некоторое время мы рассматривали друг друга. Первой заговорила женщина, заговорила, естественно, по-французски: «Кто вы такие?» Мой товарищ Василий попросил соли и спичек, тоже на французском языке. «Алеша, это, наверное, поляки или немцы?» — обратилась она к мужчине по-русски. Тут-то мы, не сговариваясь, крикнули с приятелем: «Русские мы, русские!» — изумление и радость на их лицах.

Хозяева заулыбались и пригласили нас в дом. Они зажгли керосиновую лампу, и мы смогли хорошо рассмотреть комнату. Это, по всей вероятности, была или кухня, или прихожая. Помещение довольно просторное, с двумя большими окнами, выходящими на дорогу. Соотечественники просто засыпали нас вопросами, ведь мы, оказывается, были первыми советскими людьми, которых они увидели во Франции.

Российские дворяне, которые бежали из Одессы после поражения Белой армии во Францию. Он, Алексей, — поручик пулеметной роты, сражался в армии генерала Врангеля. Лет так сорока — сорока пяти, высокий, статный, он еще сохранил военную выправку и офицерский лоск. На красивом русском лице выделялись аккуратно постриженные черные тонкие усики.

Его жена — женщина среднего роста, с правильными чертами русского лица. Русые волосы ее были гладко зачесаны и собраны сзади в пучок. Одеты они были в простую, скромную одежду и никак не походили на тех дворян-богачей, о которых нам рассказывали на Родине. Это были простые и симпатичные русские люди. Также и они о жизни в СССР почти ничего не знали.

До сих пор с улыбкой вспоминаю вопрос бывшей дворянки: «Правда ли, что в колхозе все жены общие, всех колхозников на ночь укладывают в ряд и трактор накрывает всех одеялом?» Много было в это позднее время и вопросов, и воспоминаний. А в глазах хозяев

была жгучая тоска, тоска по покинутой Родине! Не по своей воле они бросили все дорогое и близкое...

Во время нашего разговора Алексей время от времени как-то странно поглядывал на меня. Наконец он не выдержал и сказал мне, что я сильно оброс, и мне следовало бы подстричься. Действительно, у меня за все время скитаний не было возможности привести в порядок свою прическу — просто нечем было стричься. Поручик пообещал достать машинку для стрижки у своих знакомых в городе, примерно километрах в десяти—двенадцати от их дома. Это нас сразу насторожило: не сообщит ли «белый офицер» о нас в полицию? И я отказался, ссылаясь на то, что нам нужно быстрее идти, так как ночь скоро кончится и идти будет опасно.

Было действительно очень поздно, и хозяева встали из-за стола. Мы поблагодарили за угощение. Алексей с женой вышли в соседнюю комнату, их голоса затихли, и послышался скрип деревянных ступеней лестницы. Мы догадались, что хозяева поднялись на второй этаж.

Из любопытства и из предосторожности заглянули мы в соседнюю комнату и обомлели: перед нами в полный рост стоял император всероссийский Николай II! Как сейчас помню: в парадном мундире, при всех регалиях стоит царь. Правая рука согнута в локте, пальцы за отворотом военного мундира, левая — за спиной. Портрет обрамляла резная, золоченая, широкая рама. В моем детстве все изображения царя были запрещены. Даже со старых открыток родители мои сдирали марки с его изображением. Тогда могли заподозрить в монархизме и... Поэтому я впервые увидел последнего самодержца в полной красе.

Нашу самовольную экскурсию прервали скрип лестницы и приближающиеся голоса хозяев. Они договорились оставить нас на ночлег, а потом, накормив и дав все необходимое, проводить нас. Мы, молча переглянувшись, согласились. Хозяин взял керосиновую лампу, и мы втроем вышли на улицу. После яркого света мы ступили в черноту ночи. В свете лампы тень поручика

великаном танцевала на стене, на стволах и кронах деревьев. Зашли на скотный двор. Две коровы, не переставая жевать, с любопытством глядели на нас. Вот и сеновал под черепичной крышей. Сена очень много, и нам пришлось высоко забираться по лестнице, чтобы устроиться на ночлег. Хозяин вышел, пожелав нам спокойной ночи, закрыл тяжелую дверь сарая.

А мы с Василием стали обсуждать сложившуюся ситуацию. Соблазнительно было после долгого и тяжелого пути спокойно заснуть в душистом сене! Но жизнь научила нас быть осторожными и не доверять первому встречному. Поэтому на всякий случай мы сделали себе «запасной выход» — разобрали черепичную крышу в углу сеновала. Разбирали, соблюдая осторожность, стараясь не греметь черепицей. В разобранном проеме появилась глубокая бездна звездного неба. Крепкий сон сразу же одолел нас. И лишь яркие звезды свысока смотрели на странников...

Сон слетел с меня оттого, что кто-то слегка дергал меня за ногу. Открыв глаза, я увидел нашего хозяина. Он стоял на лестнице и смеялся, рукой показывая на дыру в крыше. Дескать, что ж вы мне не верите, неужели я вас мог предать! Смущенные, мы попытались сразу же исправить крышу, но Алексей сказал, что потом сделает это сам. И предложил нам спуститься.

Времени было около шести часов. Утро стояло пасмурное, небо закрыли густые облака. Мы спустились вниз, умылись, побрились и пошли завтракать. Завтракали все вместе за одним столом. Стакан кофе да хлеб с сыром — вот что мы ели. После завтрака поручик поставил ближе к окну стул и спросил Василия, умеет ли он подстригать. Тот ответил отрицательно. Тогда поручик сам вызвался подстричь меня.

Оказывается, пока мы крепко спали, он на велосипеде успел доехать до городского приятеля, взять у него машинку для стрижки и вернуться обратно! Короче говоря, он в эту ночь совсем не спал. Пока он усаживал меня на стул и накрывал плечи широким полотенцем,

рассказал, что переполошил своих друзей-эмигрантов ночным приездом. Еще больше удивил он их целью приезда. И до сих пор звучат в моей памяти его слова: «Запомните на всю жизнь, что вас подстригал царский офицер!» — и мы посмотрели друг другу в глаза.

Уверенно и умело закончил он стрижку. Я вновь выглядел вполне прилично. Во время этой процедуры жена поручика стояла рядом и с участием наблюдала за работой мужа. Затем она поставила на табурет глубокий алюминиевый таз. Я снял полотенце, стряхнул остатки волос с шеи и наклонился над тазом. Женщина взяла желтый высокий кувшин с теплой водой и стала поливать мне на шею. Впервые за многие дни я умывался теплой водой с мылом! Насухо вытерся чистым полотенцем. Я с удовольствием посмотрел в зеркало, впервые за много месяцев увидев свое отражение.

Но пора собираться в путь. Радушная хозяйка щедро отрезала половину круглого хлеба и большой кусок сыра. Все это она завернула в газету. Сложив гостинцы в нашу котомку, мы горячо поблагодарили соотечественников, брошенных судьбой далеко от Родины. Эта неожиданная встреча глубоко врезалась мне в память и каждый раз пробуждает в душе теплые чувства к этим русским людям. Сколько же судеб было изломано и жизнью загублено после того Октября! Вышли мы на дорогу втроем. Алексей посоветовал нам, из соображений безопасности, идти не по дороге, а по тропинке за железнодорожным полотном. По-русски обнявшись на прощание, мы пошли по тропинке. И, уже далеко отойдя от дома, мы видели высокую и статную фигуру поручика.

Моросил мелкий летний дождь. Пахло свежестью...

ХУТОР НА ГОРЕ

Северо-восток Франции изобилует небольшими, покрытыми лесом горами. Вот и нынешняя ночь дала нам возможность смело шагать по лесным и проселочным

дорогам, по заранее намеченному маршруту. Обычно перед заходом солнца мы обсуждали предстоящий ночной переход, сверяясь с картой, если она у нас была, или оглядывая окрестности с какой-нибудь возвышенности. В этих горах нам редко попадались населенные пункты. К тому же, шагая по французской земле, мы меньше опасались встречи с местными жителями, чем в Германии. В большинстве своем французы встречали нас, русских, очень радушно.

Всю ночь мы шли без приключений: воздух был теплым и чуть-чуть прохладным. Под утро, накопав в поле картошки, вошли в лесок. В ложбине, между деревьями, протекал ручеек. Мы расположились между маленьких чахлых елочек. Солнце почти взошло, и наша картошка в ведре почти сварилась. Внезапно рядом с нами что-то как будто треснуло, и мы одновременно повернули голову в ту сторону, откуда шел звук. Между редких стволов мы заметили силуэт человека, спускавшегося по тропинке, катя велосипед. Подойдя ближе, он остановился и принялся с любопытством нас разглядывать. Мужчина среднего роста и средних лет, одетый во все черное, на голове — форменная фуражка с кокардой, через плечо перекинута небольшая кожаная сумка. Сперва мы решили, что это жандарм, но, завязав с ним разговор (в основном с помощью жестов), мы поняли, что он — почтальон, живет на хуторе неподалеку, а теперь направляется на службу. Показывая рукой вверх по тропинке, откуда он пришел, мужчина попытался сказать, что хутор находится там, и, вероятно, добавил, что нам следует туда заглянуть. Попрошавшись с нами, он медленно стал спускаться дальше вниз и пару раз обернулся.

Быстро закончив завтракать, мы собрали вещи и, загасив костер, тоже вышли на тропинку, направившись в сторону хутора. Чахлый лесочек закончился, и нашим взглядам открылась по-настоящему величественная картина. На гребне горы, в обрамлении леса и полей

возвышались два кирпичных дома, выкрашенные в желтоватый цвет. Смотреть на них снизу было по-своему очень красиво: вокруг зелень, и под голубым-голубым небом два светлых здания. Поднимаясь все выше по направлению к домам, мы заметили, что возле зданий как будто кто-то бегают, суетится. Подошли ближе — кругом тишина, ни единого живого существа... Что такое?

Входим в подъезд и по деревянной лестнице поднимаемся на второй этаж. Прямо перед нами распахивается дверь, и, выйдя нам навстречу, какая-то пожилая женщина спрашивает, что нам угодно. Кое-как мы объясняем ей, кто мы, и, как это часто бывало во время странствий, просим у нее соли, спичек. Лицо женщины мгновенно просияло, она с улыбкой пригласила нас пройти в комнату.

Комната была просторной и почти пустой. Перекошенный пол, большие окна. Полная нищета... По полу ползали двое ребятишек, чумазые и полуголые. Стояли два венских стула, и никакого намека на стол. В дверном проеме, ведущем в следующую комнату, стоял юноша. К нашей спутнице подошла другая женщина и стала о чем-то с ней переговариваться. Позднее мы поняли, что за беготня началась вокруг домов при нашем появлении — нам это действительно не показалось! Местные жители решили, что мы — немцы и пришли за девушкой, которая была тихой сумасшедшей. Они спрятали ее в лесу и ждали, когда мы уйдем. Извинившись за свое вторжение, мы простились с ними и несолоно хлебавши покинули хутор: всюду там сквозило такое ощущение бедности, даже нищеты, что мы просто не набрались наглости обратиться к ним с просьбой найти для нас еду и все остальное.

Почему же они спрятали от нас девушку? Дело тут в том, что немцы распорядились передавать всех умалишенных в руки оккупационных властей. Теперь-то мы знаем, какие опыты ставили на таких людях немецкие врачи.

ГРАНИЦА

**(Франко-швейцарская граница,
8—9 августа 1942 года)**

Прошло несколько дней с того времени, как мы расстались с поручиком. Все эти дни небо хмурилось, низко плыли тяжелые серые тучи, задевая макушки высоких деревьев. По нашим предположениям, мы были уже в приграничной зоне. Здесь еще французская земля, а где-то там в дождливой дымке — швейцарская. Пробираемся сквозь густые заросли мокрого кустарника, среди высоких стволов сосен и елей.

От повышенной влажности тяжело дышится, да и нервы напряжены до предела. Шутка ли, идти по вражеской земле уже около трех месяцев, а сейчас малейшая неосторожность... и все! Остановились. Решили зарыть в укромном месте, в лесу все, что есть у нас в карманах лишнего. Достали чудом уцелевшие фотокарточки родных, медальоны, выданные еще в начале войны, на случай нашей гибели, карту Западной Европы. На ней был отмечен наш путь от Дармштадта через Германию и Францию до швейцарской границы. И все это мы зарыли возле огромной, самой приметной сосны. Договорились с другом в случае поимки сказать, что бежали из эшелона по пути в Италию.

Жалко было расставаться с картой — нашим верным спутником и советчиком в пути! Да ничего не поделаешь, жизнь дороже.

Затяжной, нудный дождь временами то перестанет, то опять примется кропить нас, и без того промокших насквозь. Но мы уже не замечали его — так были напряжены наши нервы. Не замечаем ни голода, ни усталости. Одна цель — ГРАНИЦА!

Трудно пробираться густым, мокрым лесом. Мы решаем выйти на опушку, в сторону, как мы считаем, границы.

На опушке значительно светлее, и на душе становится спокойнее. Кругом отлогие горы, покрытые вековым

лесом. Наше внимание привлёк огромный деревянный крест, стоявший на вершине одной из гор. Его чёрный силуэт резко выделялся на фоне склона другой горы. Когда мы подошли ближе, то увидели недалеко от креста одноэтажный дом, похожий на барак. Издалека поблескивали стекла в оконных проемах на фоне темных деревянных стен.

Размышляем: идти мимо дома или же зайти в него?

Если бы возле дома был лес, возможно, мы решились бы зайти в него. Но дом стоит на открытом месте, и мы обходим его. Мы идем дальше, постоянно оборачиваясь на дом с крестом и, сразу не заметив, проходим мимо сторожки. Сторожка эта была искусно замаскирована среди густых зарослей кустов. Она была сплетена из лозы и веток, поэтому не выделялась на общем фоне зарослей.

Заинтересовавшись, я вошел в сторожку, которая была рассчитана на двух-трех человек. Вдоль задней, глухой стены была устроена скамейка. Все кажется тихим, мирным. Но взгляд мой вдруг останавливается на окурке сигареты, брошенном у входа. Этот окурочек... еще тлел! Мелкие капли дождя вот-вот могли его затушить. Я схватил дымящийся окурочек. Догнав Василия, я молча показал ему окурочек. Значит, буквально перед нами здесь был кто-то из пограничников! Нам нужно быстрее уйти в чащу леса и там уже продолжить свой путь.

Окурочек нам хватило на две небольшие задержки. Лесом мы вышли к асфальтированной дороге. Вдоль дороги посажены отдельные деревья. Местность вокруг холмистая, покрытая отдельными кучками кустов и деревьями. Идем вдоль дороги молча, прислушиваясь к напряженной тишине гор. За поворотом дороги показался столб с указателем. Подойдя ближе, сверяемся с нашими записями, которые мы сделали перед захоронением карты. Выяснилось, что мы развернулись и идем в глубь Франции, удаляясь от границы. Повернули обратно. Теперь уже идем не по шоссе, а напрямик по пашне, по кустам, в сторону леса.

Пройдя некоторое расстояние, замечаем вдаль на горизонте смутные очертания какого-то города. Справа от нас темнел лес, а перед нами неожиданно показался маленький хутор. Хуторок состоял из небольшого двухэтажного дома и нескольких хозяйственных построек. Дом венчала высокая черепичная крыша, начинавшаяся почти сразу над окнами первого этажа. Поэтому второй этаж являлся как бы мансардой. Дом стоял совсем рядом с лесом. К нему вела узкая, размытая дождем дорога.

День уже клонился к вечеру, наступали сумерки. Мы сильно вымокли, устали и проголодались. Решаемся зайти в дом, немного обогреться и спросить дорогу. Ну а если повезет, то и перекусить.

Уединенное расположение хутора нас вполне устраивает, и мы, проведя разведку, уже смело подходим к дому. Ворота скотного двора открыты.

Мужчина лет сорока пяти вилами выгребает навоз, стоя к нам спиной. Рукава рубашки закатаны, подвязан широкий фартук.

Увлеченный работой, он не слышал наших тихих шагов. Закончив работу и обернувшись, он внезапно увидел нас и растерялся. Перед ним стояли два основательно промокших и плохо одетых человека. Держа наготове правой рукой вилы, он спросил по-французски, кто мы. Услышав наш ответ, он успокоился и жестом пригласил зайти в дом.

Мы зашли в маленькую комнату с низким потолком, освещенную керосиновой лампой. По всей вероятности, эта комната служила хозяевам кухней. В углу стояла печь, а на стене висели полки с посудой и кухонной утварью. За столом у окна сидела женщина в холщовом фартуке и белом чепце. Она чистила картошку. Услышав наш приход, из другой комнаты выбежал мальчик лет пяти. Они с интересом разглядывали нас, оставив свои дела. Мы же, получше разглядев обстановку в доме, поняли, что перед нами бедная семья. Поношенная и залатанная одежда хозяев и их сына подтвердила

наше наблюдение. Постепенно наладился разговор, и мы узнали, что до границы от дома меньше километра. Оказалось, что дом возле большого креста — это немецкая пограничная застава.

Хозяева рассказали и показали нам, как выглядит флаг Швейцарии: белый крест на красном фоне. Мужчина достал перочинный нож, на ручке которого был изображен швейцарский флаг. Только сейчас мы поняли, что за сегодняшний день уже дважды пересекали швейцарскую границу! И вернулись во Францию...

А получилось это так. После захоронения карты, блуждая по лесу, мы видели полосатый столб с изображением белого креста. Потом на просеке нам встретился железный лист, прибитый на высоком столбе. На нем было написано: «ZONE MILITAIRE!» Что такое «милитер» — мы не знали, а вот слово «зона» знали хорошо... Мы и решили, что эта зона нейтральная и нам нужно еще раз пройти мимо пограничного столба. Так мы и сделали, в результате оказавшись там, откуда так хотели побыстрее уйти. Оказалось, что в этом месте швейцарская граница образует как бы аппендикс, то есть выступает полуостровом во Францию. И нам опять предстояла дорога в сторону границы.

Отдав хозяину все наши накопившиеся деньги, мы договорились с ним, что он проводит нас до границы. Деньги нам давали хозяева домов, в которые мы заходили. Поужинали мы вареной картошкой, запили кипятком и отправились на ночлег. Хозяин проводил нас в сарай, где содержал коров. Там, на куче свежего сена мы и устроились. Напротив нас коровы мирно жевали сено, повернувшись к нам хвостами. Тишина. Теплый запах скотины. Усталость и пережитые волнения сразу сморили нас. Прижавшись друг к другу, мы провалились в сон.

На рассвете хозяин хутора разбудил нас и, не пригласив в дом, в сарае пояснил, как нам лучше идти к границе. Выражение тревоги не сходило с его лица, ведь в случае нашей поимки ему и его семье пришлось бы

отвечать за пособничество нам. Осторожно оглянувшись по сторонам, он вышел. За ним — мы. Вместе обошли дом. Крестьянин показал рукой направление: там граница. Попрощались.

И вот по раскисшему от дождя полю мы двинулись прямо в сторону границы. Глинистая земля пристаёт к ногам, но мы упорно стремимся к заветной цели. Еще в пути, вдаль от границы, мы думали, как она выглядит, что нам нужно будет преодолеть? Представление о границе было смутное. Представлялась широкая вспаханная полоса и ряды колючей проволоки по обе стороны от нее.

Оказалось, что граница обозначена лишь несколькими столбиками и предупреждением «ZONE MILITAIRE!» — «ВОЕННАЯ ЗОНА!». За ней был столбик со знакомым уже белым крестом на красном фоне. Больше мы не ошибались. Граница позади! В лесу тихо. Дождь ночью кончился, и лес постепенно просыхает. Слышится веселое щебетание птиц. И настроение у нас постепенно поднимается. Углубляемся в лес. На пути светлая поляна. А на ней чудо: грушевое дерево. С одной стороны ветви усыпаны мелкими дичками, а с другой спелыми, крупными плодами! Набрав груш покрупнее и поспелее, спешим уйти в глубь леса.

Тревога еще не оставляет нас, ведь нужно точно знать, где мы находимся. Осторожно идем вперед, раздвигая кусты и листья папоротника. Вдруг из-за высоких стволов деревьев перед нами появился большой одноэтажный дом. От неожиданности мы остановились.

Возле дома гуляют куры, а поодаль стая гусей. Пока рассматриваем дом, из-за угла вышел старик с тачкой. Обогнув угол дома, он скрылся из нашего поля зрения. И вдруг — звон разбитого стекла, гогот гусей и куриный переполох. Из дома выбежала старушка и что-то кричит в сторону деда, яростно размахивая руками. Оказалось, что старик, желая отогнать кошку от цыплят, попал камнем в окно и разбил его. За этот «подвиг» ему и досталось от верной супруги. Эта сценка окончательно

успокоила нас. Значит, в доме только старик со старухой, и нам ничто не угрожает.

Мы смело вышли из леса и направились к дому, где шла словесная баталия. При нашем появлении они умолкли. Старик, видно энергичный и веселый по натуре, ничуть не смутился, увидев нас. Спросил по-французски, кто мы, что нужно. Нас же интересовало одно: где мы? Франция или Швейцария? «La Suisse! La Suisse!» — радостно кивая, сообщили они.

Наконец-то мы в Швейцарии!!! И тяжесть переживаний свалилась с наших плеч. Лица стариков еще больше просветлели, когда они узнали, что мы бежали из концлагеря в Германии, прошли Францию и попали, наконец, в нейтральную Швейцарию. Они впервые увидели русских, из Советской России.

Солнечные зайчики весело играют на широком крестьянском столе в светлой комнате. Стол накрыт для нас, для людей свободных от страха и от неизвестности. На столе лежит буханка хлеба, банка с вареньем и кофе. От давно забытого аромата настоящего кофе еще больше хочется есть. А на улице сама природа радуется нашей свободе. Позади хмурые дни, последние дни долгого пути из неволи. Мы не знаем, что нас ждет впереди...

Вот уже и нет буханки хлеба на столе. Хозяйка, увидев наш неумный голод, несет еще одну. Да уж мы насытились, давно так плотно не ели. Старик, лукаво поглядывая на нас, о чем-то балагурит. Мы киваем ему в ответ, правда абсолютно ничего не понимая. Тяжело поднявшись из-за стола, поблагодарили гостеприимных хозяев, первых встреченных нами граждан Швейцарии. А дедулька продолжает весело болтать на непонятном французском языке. Вышли из дома. Лес, освещенный полуденным солнцем, радостно встретил нас. Старик взялся проводить нас лесом, в обход пограничных постов.

Поднимаясь по лесной тропинке впереди нас, старик вдруг сделал нам знак рукой остановиться. Вниз, безза-

ботно насвистывая, перекинув плащ через плечо, спускается молодой швейцарский пограничник. Нас он не заметил, мы вовремя успели уйти с тропинки в лес. Еще прошли вместе несколько шагов, и настало время прощания. Поочередно обнявшись с нами, старик пошел домой, а мы — в глубь швейцарской территории.

Первые шаги и первые встречи на швейцарской земле...

ШВЕЙЦАРИЯ

(Первые числа сентября 1942 года)

День клонился к вечеру, когда мы с Василием вышли из густого леса. Стоя на лесистом склоне холма, мы были очарованы открывшимся видом. Вдали, между отлогих гор по долине двигался поезд. Нам он казался на таком расстоянии игрушечным. Крохотный паровозик время от времени пискляво посвистывал, и этот свист эхо многократно разносило по горам, постепенно замирая вдали. Воздух совершенно прозрачный, и не чувствуешь большого расстояния до поезда, до дальних гор. Тихая, мирная Швейцария, совершенно другой мир, где нет войны...

А в душе к радости освобождения примешивается горький вкус обиды и унижения. Хочется отомстить за перечеркнутую юность, за войну, за плен. Кому она нужна, война? Сколько молодых и здоровых людей она унесла или покалечила! А здесь — тишина...

Ласковый и теплый ветерок обдувает нас. Мы идем по опушке леса. Подходя к вершине одного из холмов, замечаем на ней часовенку. Дверь деревянной часовни заперта на замок. Над дверью прибит католический четырехконечный крест. Над входом козырек, а под ним скамеечка. Сквозь окно в двери видны в полумраке часовни фигурки святых. Но наше внимание привлекли многочисленные окурки на земле вокруг часовни. Как заядлые курильщики, истосковавшиеся по куреву, мы

подобрали все окурки. В этом занятии мы превзошли, наверное, самого добросовестного дворника! Накурившись до одурения, мы отправились дальше.

Спустившись с горы, вышли на шоссе. Через несколько километров от шоссе ответвлялась проселочная дорога. Мы пошли по ней. Сгустившиеся сумерки застали нас возле какой-то деревушки. В некоторых домах уже зажегся электрический свет. Впервые за время наших скитаний мы увидели ночные окна без затемнения. (Пояснение: до 1943 года нейтральная Швейцария жила обычной мирной жизнью. Но Германия ультимативно заявила, что если Швейцария не предпримет светомаскировки, то она введет войска, так как она служит ночью хорошим ориентиром для авиации союзников. Швейцария тогда ввела на всей территории светомаскировку и соблюдала ее до окончания войны.)

В селении мы подошли к добротному каменному двухэтажному дому. Возле дома увидели открытые ворота скотного двора. Заглянув туда, увидели при ярком электрическом свете рослого, крепкого мужчину, сидящего на низкой скамеечке. Мужчина... доит корову! На звук наших шагов он обернулся и, не переставая доить, что-то спросил нас по-французски. Мы поздоровались, тоже по-французски. Впоследствии мы узнали, что швейцарцы не имеют своего языка. В разных кантонах (районах) говорят на французском, на немецком, на итальянском языках, то есть на языках стран, с которыми граничат эти кантоны.

Мы опять, уже который раз за дорогу, объяснили, что мы русские пленные, бежали из немецкого концлагеря. Мужчина встал, вытер о фартук руки и правую протянул нам. Мы крепко пожали друг другу руки. В это время откуда-то вышла женщина и пригласила нас в дом. Войдя в дом, поднялись по узкой деревянной лестнице на второй этаж. По виду обитателей дома и их хозяйства мы поняли, что живут они неплохо, довольно зажиточно по нашим понятиям. На втором этаже, посреди просторной комнаты стоял стол, который хозяйка

быстро накрыла для нас. Во время нашего ужина радушные хозяева засыпали нас вопросами, и возгласы удивления не смолкали. Они не могли поверить, что мы прошли такой опасный путь! Кроме взрослых в комнате были и их дети. Девочка лет одиннадцати—двенадцати и ее младший брат лет десяти—одиннадцати. Дети с большим интересом наблюдали за нами и слушали разговоры взрослых.

После ужина нас отвели в спальню. Она нас поразила. Вернее, не сама спальня, а огромная двуспальная кровать. Такие нам приходилось видеть лишь в кинофильмах о королях. Мы долго не могли осмелиться лечь на нее, ведь мы уже давно не мылись, и белье было на нас не первой свежести. Но что делать! И мы уснули в роскошных белоснежных перинах... В шесть часов утра нас разбудила хозяйка. На столе уже нас ждал завтрак, и мы, быстренько умывшись, приступили к завтраку. На столе были традиционные для Европы бутерброды с отличным швейцарским сыром и ароматный кофе.

После завтрака мы тепло попрощались с радушными швейцарцами и вышли на улицу. Погода резко контрастировала с прошедшим днем: туман и мелкий моросящий дождь. А вчера был такой великолепный день! Сегодня туман окутал все кругом: и дома, и деревья, и людей. Все вокруг видится как через матовое стекло. Но деревня уже проснулась и начала свой новый трудовой день. Мы свернули с шоссе и зашагали вдоль проселочной дороги. Низкие тучи быстро проносятся над нами. Идем то по сырой траве, то по скользким камням у дороги. От высокой влажности тяжело дышится, да и одежда промокла насквозь.

Мы остановились передохнуть у естественного небольшого грота в склоне горы. Постояли некоторое время, плотно прижавшись спинами к камню, не зная, что делать дальше. То ли идти вперед, то ли подождать улучшения погоды... Василий опустился на сухую землю, прилег, положив под голову камень, и... уснул.

Я тоже попробовал последовать его примеру, но сон не шел. Некоторое время мой друг спал по-суворовски, но, видно, и его холод и голод заставили проснуться. Мы продолжили свой путь в неизвестность. Из тумана показалась серая полоса шоссе. Перешли его и идем по проселочной дороге к ограде огорода. Ну, вот нам и повезло, можно будет перекусить.

Утро второго дня в Швейцарии встретило нас хмурым небом, туманом и мелким дождем. Проснулись мы мокрые, продрогшие и голодные. Дождливую ночь провели мы с Василием в густом сосновом лесу. Выбрав дерево погуще и место посуше, мы накрылись старым, местами рваным плащом. Этот плащ прошел с нами Германию и Францию. А «одолжили» мы его еще в самом начале пути, в Германии, когда совершали очередной рейд по огородам и сараям немецких бюргеров, сняв с огородного пугала. Часто он выручал нас в ненастные дни.

Вышли из леса. Вдали, за скошенным полем виднелся сквозь редкий туман частокол деревенского огорода. К нему-то мы и направились. Обошли вокруг огорода и увидели на калитке огромный висячий замок, который надежно сторожил вход в заповедные владения. Замок — преграда, да только не для нас. Мы справлялись и с более серьезными преградами.

Перемахнув через забор, нашли на грядках молодые огурчики и тонкую еще морковку. Здесь же, на грядках с большим аппетитом улетаем, как зайцы-кролики, эти дары полей и огородов. Заморив червячка, покидаем гостеприимный огород, не забыв заделать проделанную нами лазейку. Дождь за это время прекратился. Но низкие, хмурые тучи стремительно неслись на север, задевая косматыми краями высокие деревья на пологих горах. Шагаем по мокрому после дождя шоссе. С левой стороны дороги поднимается крутой склон горы, покрытый ярко-зеленой травой и редкими деревьями.

С правой стороны долина, а вдаль за ней — темный хвойный лес.

Настроение с улучшением погоды тоже улучшилось. Дорога пустынна. Окружающий пейзаж радует глаз. Поднявшись на косогор, видим вдаль одиноко стоящий двухэтажный дом. Он манит продрогших и уставших путников. Представляется теплая печка, горячий чай... Подошли к дому с тыльной стороны. Вдруг из-за угла вышел мужчина. Мы почти столкнулись с ним нос к носу. Меня поразило его совершенно безучастное выражение лица. Ни малейшего испуга или удивления не отразилось на его лице. Приглядевшись внимательнее, стало ясно, что этот человек несколько слаб рассудком. Он прошел мимо нас неуверенной походкой и скрылся за другим углом дома. После такой встречи захотелось уйти подальше от этого места. Мы так и хотели сделать, как из-за того же угла дома, за которым исчез странный человек, вышла женщина.

Молодая, невысокая женщина со слегка вьющимися темными волосами вопросительно взглянула на нас. На вид ей было лет двадцать — двадцать пять. Мы стояли некоторое время в отдалении и рассматривали друг друга. Худощавого сложения, она была одета в скромное ситцевое платье в горошек. Затем она сделала несколько шагов нам навстречу и что-то спросила. Говорила она по-немецки. Она спросила, что нам нужно. Мы, как обычно, рассказали коротко о себе и нашем пути. Женщина, сразу повеселев, приветливо предложила зайти в дом. Мы обогнули дом и подошли к входной двери. Вслед за хозяйкой мы вошли внутрь.

Как обычно, первой комнатой была кухня. Она была скромно обставлена, но вся сияла чистотой и уютом. Посреди нее стоял широкий стол, покрытый белоснежной скатертью. В левом от нас углу располагалась большая, чисто выбеленная печь. Справа от печи была дверь во внутренние покои. Еще правее — лестница, ведущая на второй этаж дома.

Хозяйка предложила нам умыться с дороги, а сама стала хлопотать по хозяйству. Прошло немного времени, и нас позвали к столу. Не успели мы приступить к трапезе, как входная дверь распахнулась и в дом вбежала девчушка лет трех, а за ней вошла молодая, симпатичная девушка. Они остановились при входе, с удивлением рассматривая нас.

Хозяйка объяснила нам, что девочка ее дочь, а девушка младшая сестра. Пока хозяйка рассказывала им о нас, девушка стояла возле двери, обняв за плечики стоявшую рядом девочку. Нас познакомили, но сейчас я уже забыл их имена.

Все сели за стол. Хозяйка разлила всем по тарелкам душистый суп. Мы с Василием сразу взяли за ложки. Но хозяева, прежде чем приступить к еде, стали молиться, сложив перед собой ладони. Это нас удивило, так как раньше мы этого обычая никогда не видели. Короткая молитва завершилась словом «Amen!». Воспитанные с детства в духе, а точнее, в бездуховности атеизма, мы не понимали значения обряда и лишь с любопытством наблюдали его.

За обедом хозяйка рассказала нам, что ее муж две недели как погиб. Он был шофером, но по пути на работу сам попал под машину. Рассказывая, она плакала. Видно, еще свежи были горестные воспоминания. Теперь семья осталась без кормильца. Закончив обед, мы стали собираться в дорогу. Добрая хозяйка спросила, куда мы дальше направляемся. Ответили: в Берн. Она замахала руками: «Пешком это очень далеко, подождите до вечера, что-нибудь придумаем».

Через полчаса хозяйка предложила нам искупаться. Она сказала, что вода уже согрета и нам после долгого пути следует помыться перед прибытием в Берн. В соседней комнате стояла глубокая ванна из оцинкованной жести. И я, и Василий с удовольствием приняли предложение. Смыли дорожную грязь и, раскрасневшиеся и довольные, вытерлись чистыми махровыми полотен-

цами. Хозяйка предложила нам выбрать что-нибудь из одежды ее мужа, так как наша одежда была довольно ветхой. Я постеснялся положить в стирку свое грязное и рваное белье. Я свернул его в тугий узел и засунул под матрац. Я надеялся вечером выбросить его на улицу, но такая возможность не представилась, и я забыл о нем. Вспомнил лишь через несколько дней, и мне стало стыдно за свой поступок.

Вечером, когда уже совсем стемнело, хозяйка вернулась вместе со своим родственником и его женой. Они предложили, сидя за вечерним чаем, нам самим заработать деньги на поездку в Берн. Они еще точно не знали, какая будет работа. Обещали зайти еще раз на следующей неделе. Заодно предложили принести какую-нибудь обувь для меня. Мои ботинки уже ремонту не подлежали. Долго мы сидели в этот вечер и говорили. Далеко за полночь хозяйка нас проводила в спальню. Широкая двуспальная кровать, чистое, крахмальное белье — такое нам только снилось. Мы моментально уснули.

Нас разбудили ласковые лучи солнца. Они веселыми зайчиками играли сквозь густую листву деревьев и заглядывали в окно спальни. Наскоро умывшись и одевшись, спустились вниз. Проспали мы довольно долго, так как хозяйка к нашему пробуждению успела уже приготовить завтрак и кое-что сделать по хозяйству. Чтобы не прослыть ленивыми нахлебниками, мы предложили помочь нашей хозяйке в домашних делах. Женщина решительно запротестовала, объяснив, что мы ее гости и она не позволит нам работать. Мы неоднократно предлагали свою помощь, пока жили в этом доме, но всегда хозяйка вежливо, но решительно отказывалась от нее.

Однажды Василий решил показать свое мастерство доения коров. Ему приходилось в детстве иногда доить коров в своей деревне. Он взял маленькую скамеечку и ведро. Хозяйка с батраком пошли проводить его на скотный двор. Я остался в доме. Прошло немного времени. Вдруг дружный смех раздался снизу. Вскоре

в дом вошли все трое. Впереди шел мой товарищ, за ним швейцарцы. Хозяйка что-то говорила, от души смеясь и вытирая слезы. Я недоуменно глядел на Василия. Он сконфуженно улыбался. Потом он рассказал мне, что произошло. Подойдя к корове, наш дояр поставил скамеечку и сел. Только взялся он за соски, как корова сильно хлестнула его своим хвостом по лицу. Не смутившись после первой неудачи, мой друг опять попытался приступить к дойке. Корова, почувствовав чужого, взбрыкнула. Она опрокинула ведро и свалила самого дояра. Хозяева не смогли сдержать смеха. В хлеву стояли четыре упитанные коровы, и такими темпами Василий мог доить их целый день.

Батрак вежливо отстранил добровольного помощника и сам сел возле коровы. Его натруженные руки ловко замелькали, и тугие струи молока ударили в ведро. Уже немолодой человек, он справился со своей работой в считанные минуты. Подложив коровам свежего сена, он вытер руки о холщовый фартук. Я впоследствии неоднократно мог любоваться мастерством доения этого швейцарского крестьянина. От такого ежедневного труда на его указательных пальцах были твердые мозоли, а натруженные руки потрескались от работы с землей. Тогда я понял, что благополучие и достаток даются не просто, а тяжелым каждодневным трудом. Я и сейчас испытываю огромное уважение к простым сельским труженикам Франции и Швейцарии.

Прожили мы с Василием у вдовы несколько дней. Интересно было наблюдать за повседневной жизнью простой швейцарской семьи, за их укладом. Из уважения к хозяевам и мы стали перед каждой трапезой складывать перед собой ладони, как бы участвуя в их молитве. Хорошая эта традиция: обратиться мысленно к Всевышнему и поблагодарить его за жизнь и за хлеб!

Вечерами все собирались за столом, и шла неторопливая беседа. Мы рассказывали о нашей жизни, а хозяева о своей. Недостаточное знание языка компенсировалось показом семейных фотографий. Однажды со мной про-

изошел казус. Молодая сестра нашей хозяйки пригласила меня после ужина посмотреть семейный альбом. Мы поднялись на второй этаж в просторную гостиную. В ней меня поразила большая кафельная печь-лежанка. До этого я никогда не видел таких печей. Вся комната сияла чистотой и уютом. Заботливо вытканые половички вели от двери прямо к столу. Вокруг стола стояли стулья. На них были постелены мягкие, расшитые подушечки. Этот нехитрый уют поразил меня, наверное, после всех пережитых мучений и лишений. Ведь не прошло и трех месяцев, как мы бежали из ада. Так вот, сели мы за стол, девушка открыла альбом. Переворачивая страницу за страницей, рассматриваем фотографии. А у меня, после голода, лагерной баланды и перемены в питании, началось бурление в животе. Я смутился, понимая, что девушка это прекрасно слышит. Уже только делаю вид, что рассматриваю снимки, пытаюсь задержать дыхание, заглушить утробные звуки — все бесполезно. Ерзаю на стуле, краснею и, не выдержав, выбежал из комнаты. Как же мне было стыдно!

Через два дня пришел родственник хозяйки и принес мне ботинки. Он объяснил, что это самый большой размер, какой он мог найти: «die grose Schuhe» («большие ботинки»). Но мне, чтобы их надеть, пришлось разрезать в подъеме. После этого я уже был обут и одет. Я был готов к поездке. Родственник сказал, что через два дня, в субботу и воскресенье, мы сможем заработать немного денег на дорогу до Берна. Мы должны будем два дня пилить и колоть дрова. Он поехал на велосипеде к себе домой в город Понтруит, расположенный недалеко от границы.

В последние дни я стал замечать, что хозяйка как-то странно, с подозрением посматривает на меня. Вскоре Василий смог узнать причину ее недоверия. Оказалось, что уже неоднократно родственники хозяйки говорили ей, что я, наверное, французский контрабандист, а вот Василий — действительно русский. Все объяснялось цветом волос. Я был темноволосый, а Василий — блон-

дин. У швейцарцев, не видевших русских, сложилось мнение, что все русские должны быть светловолосыми, а я не вписывался в это представление. Долго я переубеждал добрую женщину. Но, как мне кажется, я не смог ее убедить. Дело в том, что французские контрабандисты скупали в Швейцарии дефицитные вещи (шоколад, табак, спички и т. п.) и переправляли в оккупированную Францию. Там все это выдавалось по карточкам. Поэтому контрабандисты могли хорошо заработать на перепродаже. Вот так и я неожиданно попал в их компанию.

В пятницу, когда достаточно стемнело, родственник хозяйки отвел нас в Понтруит. Там мы жили в его доме, пилили и кололи дрова. Дрова мы складывали под навес. После работы все вместе садились за стол. В первый день хозяин поставил на стол трехлитровый кувшин домашнего вина. Но, увидев, что мы его полностью опорожнили, в следующий раз дал вина каждому по стакану. Кувшин на столе больше не появлялся. К вечеру в воскресенье мы полностью закончили свою работу и вернулись в дом к вдове.

Отъезд назначили на вторник и стали готовиться к поездке. Хозяйка начистила до блеска нашу обувь, отгладила одежду. Мне на голову она предложила надеть традиционный национальный убор — полосатый колпак (как у сказочных гномов).

Я, посмотрев на себя в зеркало, категорически отказался и хотел надеть свой большой французский берет. Но теперь хозяйка запротестовала. Она сказала, что я в берете — вылитый французский контрабандист. В результате решил ехать вообще без головного убора.

Наступило утро нашего расставания. Хозяйка то и дело смахивала невольную слезу, видно, уже успела привыкнуть к нам за это время. Ее дочь тоже привязалась к нам и нет-нет да и обнимет кого-то из нас за колени, прижмется и лопочет что-то...

Утро, как и все эти дни, выдалось яркое, солнечное. Но настроение у всех перед разлукой было подавлен-

ным. Как жаль было расставаться с такими добрыми и чуткими людьми! Мы жили все это время как одна большая и дружная семья.

Было решено, что до Берна нас будет сопровождать сестра хозяйки. Обнялись на прощание. Не скрывая слез, милая, добрая женщина провожала нас. Не понимали мы ее слов, но и так все было ясно...

Как сейчас вижу ее у порога дома. Молодая женщина стоит, обняв за плечи девочку, и они машут нам на прощание. Вот они исчезают вдаль за поворотом дороги...

БЕРН

Мы шагаем втроем по ровному асфальту швейцарского шоссе. Говорить особо не о чем. Солнце уже успело прогреть темную гладь дороги. До станции от дома нужно идти четыре километра, и я, с удовольствием сняв тесные ботинки, иду босиком. Кругом гористая местность, покрытая кое-где шапками лесов. Легкий ветерок временами дразнит запахом сена и предосенней прели. Неужели где-то сейчас идет война?

Вдали, за поворотом дороги показалась маленькая железнодорожная станция. Небольшое, как бы игрушечное, здание вокзала украшают часы. Они показывают полдень. На платформе нет никого, не считая толстого жандарма. Он стоит у входа в вокзал, заложив руки за спину и выпятив округлый живот. Фуражка с лаковым козырьком и пуговицы мундира блестят на солнце. Наша спутница купила нам в кассе билеты до Берна. Пока она их брала, жандарм с подозрением косился на нас, но не подошел и ничего не спросил.

Долго ждать поезда не пришлось. Сначала вдаль появилось облачко белого пара, прозвучал тонкий, пронзительный свисток. Через минуту из-за поворота показался небольшой поезд: паровоз и пять вагонов. Пропустив вперед девушку, поднимаемся в вагон. Свисток паровоза, состав тронулся.

В вагоне мы сели отдельно от девушки. Мы решили не компрометировать ее, если в пути будет проверка документов. В вагоне пассажиров немного. За окном медленно разворачивается перед нами панорама Швейцарии: горы, долины, ущелья, шапки лесов сменяют друг друга. Всю дорогу едем молча, чтобы не выдать незнание языка.

Прошло часа два с половиной — три, и люди в вагоне стали собираться к выходу. Вот и Берн. С толпой мы вышли на привокзальную площадь. Город меня поразили своей чистотой, ухоженностью и неторопливым ритмом жизни. Неспешно шли хозяйки с корзинками. Из подвальных пивных доносилась негромкая музыка. Молодые люди — наши ровесники — весело переговариваясь, гуляли, обнимая своих девушек. Простая мирная жизнь, как давно мы не видели ее! Центр города оказался в десяти минутах ходьбы от вокзала.

По узкой улочке наша проводница вывела нас на широкую, покрытую брусчаткой площадь. Напротив стояло красивое здание с колоннами. Фасад старинного особняка богато украшала изящная лепнина. Девушка сказала, что в этом здании находится правительство Швейцарии. Перейдя площадь, вошли в центральные двери Дома правительства. В вестибюле было прохладно и тихо. Широкая беломраморная лестница вела внутрь здания. Ее охраняли два офицера жандармерии. Гулко раздавались их шаги под высокими сводами дворца. Мы остановились при входе. Девушка подошла к одному из офицеров и стала объяснять причину нашего визита. После короткого разговора она направилась к нам. Уже по ее лицу было понятно, что переговоры окончились неудачей.

Она сообщила с сожалением, что советского консульства в Швейцарии нет. Оказывается, после убийства Вацлава Воровского советское правительство отозвало из Швейцарии свое консульство. Офицер посоветовал ей отвести нас в полицейский участок. Что делать? Последовать совету или попытаться уйти, пока не вызвали

охрану? В раздумье вышли на площадь. Обсуждая ситуацию, прошли по боковой улице метров триста. Вдруг увидели на стене одного здания табличку «Полицейский участок». Это был районный участок охраны порядка. В нерешительности остановились перед дверью. Была не была!

Первой вошла сопровождающая нас девушка, за ней — мы. За решетчатым ограждением стоял конторский стол, за которым сидел молодой дежурный офицер. Он заполнял какие-то бумаги. При нашем появлении он поднял голову и посмотрел на нас. После небольшой паузы первой заговорила девушка. Из соседнего помещения вышел пожилой полицейский. Он, внимательно оглядев нас, стал слушать объяснения швейцарки. Недоумение и настороженность на их лицах сменились дружескими улыбками после рассказа девушки. Они оба подошли, крепко обняли каждого и ободряюще похлопали нас. Они что-то радостно говорили нам, но мы не понимали, что они хотят сказать. Девушка стояла в стороне и платочком вытирала слезы. Это были и слезы радости, и слезы грусти от предстоящего расставания. Мы попрощались.

Прощай, добрая девушка! Спасибо тебе за искреннюю помощь и участие в нашей судьбе!

ИНТЕРНИРОВАННЫЕ

Идем мы с Василием старинными улицами швейцарской столицы в сопровождении полицейского. Кругом мирная и беззаботная жизнь. Полицейский не конвоирует, а просто сопровождает нас. Он угостил нас сигаретами и сам закурил. Идем недолго, минут пятнадцать. Подошли к одноэтажному зданию казарменного типа. Ворота охраняет вооруженный винтовкой часовой. Наш полицейский рассказал часовому о том, кто мы такие. Тот открыл ворота, и мы вошли во двор. Пройдя двор, подошли к входным дверям и нерешительно остановились. Полицейский жестом пригласил войти внутрь.

Мы вошли в просторное, длинное помещение. Полицейский простился с нами, дружески пожав нам руки на прощание. Мы огляделись. В просторном помещении были расставлены в три ряда аккуратно застеленные кровати. В соседних комнатах были слышны голоса. Я уловил характерные звуки польской речи. Вскоре из соседнего помещения, как впоследствии оказалось столовой, стали выходить люди, одетые в польскую военную форму. Они обступили меня и Василия. Посыпались вопросы. Многие из поляков знали русский язык, и поэтому проблемы в общении не было. Они дружески и с уважением выслушали наш рассказ и предложили пройти в столовую.

Пока мы ели, не прекращались расспросы. Их судьбы в чем-то перекликались с нашими. Были бои, плен и побег. Поляки хорошо приняли нас. Были, правда, негативные высказывания о Сталине, коллективизации и нашей предвоенной политике. Днем польские ребята гуляли во дворе казармы, а вечерами они пели свои песни, играли в карты. Много за время нашего общения было рассказано, но врезался в память один из рассказов...

Случилось это недели за две до нашего появления. В тот вечер после ужина в казарме уже готовились ко сну. Вдруг дверь открылась, и в помещение вошел молодой человек в сопровождении полицейского. Он был одет в полевую немецкую форму. На левой стороне кителя висел Железный крест. Вошедший был без головного убора. Сопровождавший его полицейский что-то сказал ему и вышел, закрыв за собой дверь. В первый момент в казарме воцарилась гробовая тишина. Прошло первое удивление: как же так, к антифашистам, бежавшим из плена, вдруг подселили фашистского офицера! По казарме пронесся ропот. Затем к вошедшему со всех сторон стали приближаться поляки. Тот спокойно, даже с усмешкой, смотрел в глаза подошедшим. Затем так же спокойно он заговорил с ними... по-русски!

Он рассказал, что контуженым попал в плен и, чтобы не быть расстрелянным, согласился служить у нем-

цев. В конце концов он понял, что поступил слабодушно, и при первой возможности постарался бежать. Вскоре такая возможность представилась. Он был водителем на легковой машине, возил генерала. Воспользовавшись близостью швейцарской границы, он проскочил на полной скорости по мосту через Рейн. Он сказал, что на мосту ему пришлось сбить два шлагбаума, что по нему стреляли немцы. Но, к счастью, не попали (пока похоже на сюжет Шолохова «Судьба человека»). Но дальше он не мог толком ответить на вопрос, за что он получил от немцев награду. Солдат стал что-то путано объяснять, но ему уже никто не верил... Поняв, что тучи сгущаются, он попытался вырваться из кольца окружавших его поляков и выбежать в дверь. Его поймали. Сильна была ненависть к фашистам у людей, прошедших муки ада! Но еще больше они презирали предателей, в тяжелый час вставших на сторону врагов. Изменника схватили, высоко подбросили под потолок казармы, и он плашмя упал на пол. Так его подбрасывали и роняли несколько раз... На крики прибежали швейцарские часовые и унесли обмякшее тело в караульное помещение. Но после такой обработки, как утверждали поляки, он уже не жилец на белом свете.

Иногда, когда я рассказываю этот случай, меня спрашивают: возможно, это был наш разведчик? Мне это рассказали в сентябре 1942 года сами участники этого события, и я ничего не могу добавить. Ведь многие из моих товарищей по швейцарским лагерям брали вымышленные имена и фамилии. Например, я до конца шестидесятых годов называл своего нового друга Михаилом Коршуновым. Настоящая его фамилия Александрович. До сих пор мне хочется узнать, как настоящему звали другого знакомого по лагерю, Петра Чайку, где он живет.

В этом лагере мы с Василием пробыли дней десять. Потом два жандарма нас отвели на бернский вокзал. Там мы сели в поезд, следовавший до Бельжаса. Сами

швейцарцы его называют «Швейцарская Сибирь». Так началась долгая дорога по швейцарским лагерям интернированных, долгий путь домой.

БЕЛЬЖАС

До станции города Бельжас, центра одноименной провинции, мы ехали недолго. Швейцария — страна небольшая, и из одного города до другого путь не занимает много времени. В городе нас направили в тюрьму. Такой прием нас удивил. Мы добровольно явились к властям, а нас направили в тюрьму! Но к нам подошел мужчина лет тридцати, наголо остриженный. Он представился нам как Николай Макляк, офицер, летчик. Он здесь уже второй день. Объяснил, что всех офицеров сначала содержат в тюрьме. Удостоверив личность, переводят в лагерь. Я и Василий отказались стричься и идти в камеру. Мы объяснили швейцарцам, что я рядовой, а Василий — младший сержант, но никак не офицеры. Тогда нас сопроводили в лагерь открытого типа, находившийся примерно в километре от тюрьмы.

Лагерь находился в низине, рядом протекала небольшая речка, берега которой заросли ольховником. Низинная местность была заболоченной. Для интернированных был выстроен одноэтажный барак. Там были выстроены также административное здание, кухня, скотный двор со свиньями, овощной сарай.

В лагере уже к этому времени находились одиннадцать наших соотечественников, бежавших из лагерей Германии, Франции, Италии, Голландии, Бельгии. Среди них были: Петр Чайка, Владимир Савченко, двое парней Дашко, представлявшиеся братьями, и другие. Возникает вопрос, почему всего 11 человек? Неужели к четвертому году войны было так мало военнопленных, решившихся бежать? Нет, бежали многие и успешно. Доходили разными путями до границы Швейцарии. Но буквально еще за несколько дней до нашего при-

хода швейцарские власти, по договоренности с германскими, передавали бежавших пленных Германии. Можете представить их дальнейшую судьбу! И только в сентябре 1942 года, почувствовав перелом в ходе войны, швейцарское правительство решило оставлять беглецов в Швейцарии. Финансировал содержание интернированных английский Красный Крест и консульство Англии.

Вместе с нами в этом бараке были несколько евреев из разных стран, также бежавших из лагерей. И что интересно, с нами отбывали наказание швейцарские солдаты. Они являлись для отработки наказания полностью экипированными: в форме, с ранцами, с касками и при винтовках!

Сентябрь выдался тогда хмурым, дождливым. Север Швейцарии не баловал нас погожими солнечными днями. Часто моросил нудный осенний дождь. За все время — а быть пришлось в Бельжесе около двух месяцев — редкий день был погожим. Работали мы днем на полях. Убирали морковь.

Кормили не досыта. Фактически был тюремный паек. Поэтому мы искали возможность подкормиться. Вечером, когда комендант лагеря уходил, попрощавшись с нами, мы выходили на промысел. Обычно трое из нас брали с собой две корзины и бидон из-под молока, вылезали в окно. Во дворе, набрав в корзины картошки, мы шли подальше от лагеря и на костре варили ее в бидоне. Потом приносили картошку в барак, и все наедались ею досыта. Так продолжалось около месяца. Комендант вскоре заметил, что запасы картофеля очень быстро убывают. Поэтому он приказал заколотить досками окна. Но все равно мы нашли способ добывать дополнительное питание. Поддев несколько досок, мы сделали лазейку и после отбоя вылезали в нее. Так как дверь овощехранилища стали запирать, мы воспользовались картошкой из чугунного котла, приготовленной для откорма свиней. Дополнительной подкормкой пользовались не только мы, советские интернированные, мы угощали и евреев,

и швейцарских солдат. Никто из них ни разу не сообщил о наших вылазках начальству лагеря.

Запомнился один случай. Заболел у меня зуб. В сопровождении солдата я отправился к дантисту в город. Врач в домашних условиях сначала сделал снимок больного зуба. Снимок делал компактным рентгеновским аппаратом, похожим на пистолет. Через несколько минут снимок был готов. Затем он запломбировал мне зуб так хорошо, что пломба продержалась более двадцати лет!

Через два месяца нас, советских беглецов из концлагерей, направили в другой лагерь интернированных Андельфинген.

Из Бельжаса нас перевезли на север Швейцарии в поселок Андельфинген (Andelfingen), расположенный возле границы с Германией. В этих местах, как утверждают тамошние жители, когда-то стояли войска Суворова и до сороковых годов XX века крестьяне, распахивая землю, находили подковы, пуговицы от русских мундиров и т. д. Сейчас в лагере уже находились югославы, сербы, хорваты. Они занимали один барак. Всего барачков было семь: три для интернированных с двухъярусными нарами, один для администрации (там жили начальник лагеря, врач, делопроизводители, повар), подсобный барак, кухня, столовая. Поначалу мы не работали, потом стали валить лес и выкорчевывать пни. Нас уверяли, что мы готовим поле под посев. В лагере существовала партийная и комсомольская организации. Именно там я вступил в комсомол, впоследствии был избран комсоргом и оставался в этой должности до конца своего пребывания в Швейцарии. Были в лагере организованы и кружки: «военное дело» (мы собирались в ближайшее время отправиться в партизанский отряд на территорию Франции, среди заключенных было очень много молодых людей), хоровой и музыкальный, спортивный кружок.

Постоянно прибывали новые интернированные. С появлением Яковчука (настоящую его фамилию мы не знали, по его словам, он был авиационным инженером, но кто-то утверждал, что военным летчиком) наша активность резко увеличилась. Секретарем лагерной партийной организации избрали Савченко, но всю работу по-настоящему вели Яковчук и Черняк (один из советских торгпредов в Швейцарии. В момент начала войны он не успел уехать домой и теперь жил в Цюрихе). Через него и Беренгарда мы стали общаться с местными коммунистами, получали от них газеты, инструкции и т. п.

Однажды нас предупредили, что шофер английского консула (якобы русский, выходец из семьи эмигрантов) шпионит за нами и с ним нужно держать ухо востро. Он предлагал нам уехать в СССР через Великобританию, но так никого и не завербовал. Швейцарские коммунисты организовали нам посещение ленинских мест в Цюрихе, мы побывали в историческом музее, в театре. Узнав, что я планирую уходить во Францию, в партизанский отряд, они стали отговаривать меня, ссылаясь на мою должность комсорга, на то, что мой уход помешает всему отряду организовано вступить в ряды Французской компартии. Яковчук, Черняк, Савченко долго убеждали меня остаться. Был в лагере лейтенант, раненный в левую руку. Он собирался вернуться в Советский Союз через Францию, Испанию, Португалию и, вероятно, Великобританию. Он определил день побега, подготовил оружие, карты, даже, по-моему, нашел проводника. Перед этим, изрядно выпив, завалился ко мне в барак (дело было перед самым отбоем), стал при всех соблазнять меня идти вместе с ним, хлопал по груди (я уже лежал на нарах) и с пьяными слезами продолжал и продолжал уговаривать меня. Позднее ходили слухи, что его взяли где-то на границе Франции и Испании и посадили в испанскую тюрьму, правда, насколько эти слухи соответствовали действительности, сказать сложно.

Помимо лейтенанта, меня звали с собой Гребенюк (или Гребенников, не помню точно) и Дима по проз-

вищу Даладье, но партийные каждый раз убеждали меня остаться. Они оба тоже бежали из лагеря в Андельфингене, перешли границу с Францией, но были схвачены местными жандармами и отправлены в концлагерь — один в Голландию, другой в Польшу.

В 1942 году нас, советских граждан, было в Андельфингене более пятидесяти человек. Много работали с вновь прибывающими, потому что каждый из тех, кому удалось выбраться из немецкого плена или убежать с работ и добраться до Швейцарии, чувствовал себя вполне самостоятельным и независимым, в какой-то мере героем. Бывали случаи, что такие «герои» в первый же день напивались и начинали дебоширить, но наш актив подобные вещи сразу же пресекал. И как правило, вторично подобных выходов эти люди уже не принимали — мирились с обстоятельствами и вливались в коллектив. Я заметил: если в группе есть свой костяк, то он обычно пользовался поддержкой и уважением остальной части коллектива. Такой костяк в Андельфингене образовывал наш партактив, и большинство остальных заключенных прислушивались к нам. Как-то раз, после выхода из карцера (об этом ниже), нас отправили в новый лагерь в местечке Ампернхое, и до нас там уже была такая группа, которая держала весь лагерь в страхе. Состояла она из шести человек — людей разнузданных, любителей выпить, поиграть в карты, покричать. Нас они, само собой, встретили в штыки, порывались было затеять драку, но постепенно наш дух взял верх над их псевдосплоченностью. Мы, попавшие в Швейцарию в 1942-м, считали себя «стариками», но и они не отставали от нас, хотя оказались там на год позже. В общем, мы сломали их гнилой устой, но все-таки с большим трудом.

Каждый праздник мы отмечали так, как было принято на Родине. Строили сцену, украшали лагерь лозунгами и гирляндами. Проводили торжественную часть, потом выступали музыканты и хор, кто-нибудь декламировал свои стихи или стихи советских поэтов, вы-

ступала акробатическая группа. Находились даже те, кто был не прочь поплясать.

Члены кружка ИЗО (художник Белан) написали портреты вождей партии. Раз в месяц появлялась стенная газета. Чтобы все это осуществлять, приходилось много и упорно работать. Благодаря этой работе люди становились сплоченнее, дисциплинированнее, чувствовали ответственность перед Родиной, находясь вдали от нее.

Со всех концов Швейцарии на наши праздники съезжались гости. Большинство из них имели отношение к Рабочей партии Швейцарии — рабочие, интеллигенты и учащаяся молодежь.

Помню такой случай. Он произошел 1 мая 1943 года. После торжественных выступлений и концерта (дело уже шло к вечеру) к нам на велосипедах приехали два человека — девушка и мужчина лет тридцати — тридцати пяти. Оказалось, что последний сражался добровольцем в Испании. Приехали они к нам на праздник с другого конца страны, ехали почти сутки. Усталые, все в пыли, но счастливые оттого, что увидели советских людей. Мы угостили их праздничным ужином, долго и дружески беседовали с ними, а когда настало время расставаться, они достали мешочек, в котором были деньги — мелкие монетки, — вручили их нам, сказав, что эти монеты для нас собрала рабочая молодежь. Мы стали горячо отказываться, но не тут-то было! Уже стемнело, когда мы проводили их до шоссе. Тепло простились, и они гуськом поехали прочь, махая нам руками.

До начала лета 1943 года наш лагерь в Андельфингене был единственным лагерем для советских интернированных на территории Швейцарии. Во второй половине 1943 года стали появляться и другие лагеря: после блестящей победы наших войск под Сталинградом поток беженцев резко увеличился. Мы с Василием оказались в Швейцарии в сентябре 1942 года под номерами № 12 и № 13, а в 1944—1945 годах советских интернированных насчитывалось в стране свыше сорока тысяч человек. Нам повезло, потому что до апреля 1942 года

швейцарское правительство отправляло всех советских граждан, бежавших из Германии и перешедших границу, обратно. Представляем, что ожидало наших соотечественников по возвращении в Германию!!!

Как-то раз Владимир Савченко стал агитировать меня заниматься по утрам гимнастикой и бегом. Мы находились в лагере в Андельфингене почти год, и к тому моменту с помощью своих товарищей (в столовой они всегда накладывали мне добавку; бывало, съешь свою порцию картошки, так ребята соберут еще целую тарелку с горкой; картошка на ней напоминала настоящую шапку Мономаха, и я всю ее съедал) я весил уже 90 килограммов! Я с удовольствием принял предложение и тоже стал бегать, прихватывая с собой... кружку. Дело в том, что кружка была просто необходима во время кросса: метрах в двухстах — двухстах пятидесяти от лагеря на развилке стояла специальная тумба, на которую каждое утро ставили бидон с молоком. Пробежишься к «коровкам», напьешься молочка и обратно идешь почти пешком: после такого количества выпитого молока тяжело дышать, не то что бегать. Савченко пил мало, три-четыре кружечки, а вот в меня входило до... 14 кружек. Но «дойка» продолжалась недолго: про нашу хитрость узнали Чайка, Добриков и братья Дашко, и они стали таскать бидоны прямо на лагерную кухню. Больше того. Как-то вечером, проходя мимо кухни, мы с Чайкой заметили возле открытого, но зарешеченного окна согнувшегося человека. Подошли ближе — человек в испуге отскочил, бросился бежать и растворился в темноте. Мы заглянули в окно. Внутри помещения стояли бидоны с молоком, у одного из них крышка была открыта, и из него торчал резиновый шланг, другой конец которого выходил прямо в окно. Мы попробовали отсосать молоко через трубку, и оценили чью-то идею. Отлично! Но радость наша длилась недолго: бидоны с молоком стали ставить в кухне так далеко от окна, что дотянуться до них рукой было невозможно. Так и закончилась эта история с молоком.

Коль уж я заговорил здесь о воровстве, то в свое оправдание скажу лишь, что паек, который мы получали в Андельфингене, был для нас (не стоит забывать, что мы все были молодыми людьми, к тому же после скудной баланды немецких концлагерей отчаянно хотелось есть), мягко говоря, недостаточным. И мы, в общем-то справедливо, полагали, что два-три литра молока, выпитые бывшими советскими военнопленными, никак не разорят правительство Швейцарии. Хотя других случаев какого-то откровенного воровства, кроме одного, я не припоминаю.

Каждое утро, почти на рассвете, вместе с югославами мы выходили на работу в лес — валили деревья и корчевали пни. Надо сказать, что за свой труд мы получали деньги, правда очень скудные. Вначале работали с охоткой, а потом, поняв, что к чему, стали филонить. И вот однажды, придя из леса в барак, мы обнаружили, что наш паек сильно урезан. Стали роптать, в столовой поднялся шум. Взяв тарелку с сокращенной порцией картошки, я подошел к столу, за которым сидел директор (мне он казался типичным «фашистом», хотя он и питался вместе с нами), не обращая на меня и моих товарищей никакого внимания.

Резким движением я швырнул тарелку вперед, и она попала прямо в директорскую. Тогда он стал требовать объяснений. Мы решили больше не выходить на работу и объявить голодовку. К тому же по лагерю прошел слух, что в лесу мы расчищаем площадку под аэродром, а вовсе не под поле. Прошел день. Мы не работали и не ели. Директор, два прораба и секретарши вызвали наш актив на переговоры, которые закончились безрезультатно. Директор настаивал на том, что питание все равно будет урезано, что мы находимся в Швейцарии на правах интернированных, и потому любые его приказания должны беспрекословно выполняться. Что же касается того, зачем мы расчищаем лес, — то это не наше дело. И добавил, что будет принимать строгие меры, пресекая беспорядки. Мы еще два дня не работали и не

ели. Под утро четвертого дня лагерь оцепила военная жандармерия. Кормить перестали вовсе. Из Цюриха от наших швейцарских друзей из Рабочей партии нам тайком доставили сухари и сгущенное молоко, убеждая продолжать бойкот.

Не помню, сколько дней длилась эта ситуация, но однажды утром появилось высокое начальство. Весь русский лагерь выстроили в шеренги и стали делать переключку. В списке числилось 52 человека — весь актив лагеря. Всем, чьи фамилии назвали, велели собирать вещи. Среди нас тут же кто-то распустил слух, что нас возвращают в Германию. Под конвоем нас посадили в железнодорожные вагоны. На всем пути следования поезда платформы вокзалов были пусты и оцеплены солдатами. Только в каком-то большом городе нас приветствовала криками молодежь. Вскоре по вагонам прошел слух, что нас везут в штрафной лагерь и что список из наших фамилий передал начальству один из советских интернированных. Помимо фамилий он не забыл сообщить, кто из нас какой общественной работой занимается, назвать секретаря партийной ячейки, комсорга и т. д.

Нас привезли в штрафлагерь, где уже отсиживали свое поляки, англичане (бывшие летчики) и американцы (тоже летчики со сбитых «Летающих крепостей») и греки. Поместили нас в один барак, располагавшийся при входе, а через несколько суток перевели в один из внутренних барakov. В штрафлагере мы пробыли два месяца. Вызвали нескольких человек на допрос, в том числе и меня. В административном помещении сидел офицер, хорошо говоривший по-русски, и солдат за пишущей машинкой. Сначала офицер задавал вполне отвлеченные вопросы, а потом перешел к конкретике: «Какие военные кружки были организованы? Кто их вел? Вы — комсорг, объясните, чем вы занимались в лагере». И т. д. и т. п. Как и все, я отрицал существо-

вание у нас военных кружков и какого-либо актива. Придя в барак, я пересказал ребятам все, о чем меня спрашивали. Оказалось, что им задавали похожие вопросы, но никто из них ни в чем не признался.

После двухмесячного заключения нас погрузили в поезд и под конвоем повезли в предгорье Альп, в местечко Рарон.

Деревня Рарон находилась от нашего нового лагеря на расстоянии одного километра. Со всех сторон мы были окружены горами, на некоторых вершинах даже лежал снег. Возле лагеря протекала мутная, быстрая и холодная река, которая тоже называлась Рарон. Метрах в трехстах—четырёхстах за рекой проходила железная дорога, правда, поезда по ней шли всего два раза в сутки. Вначале мы жили в лагере без охраны. В центре лагеря стоял флагшток, и мы водрузили на его макушке красный флаг. Жандармы пытались его снять, но наши ребята закрепили веревку так высоко, что никто так и не смог добраться до флага. Лишь после долгих уговоров администрации лагеря, ссылавшейся на то, что красный флаг отлично видно из окон проходящих поездов и что в Швейцарии запрещено вывешивать красные флаги, мы его сняли.

Помимо пятидесяти двух русских в лагере было еще человек семьдесят заключенных. Однажды в лагерь нагрянули солдаты, чтобы арестовать двух наших товарищей, в чем-то их обвинив (сейчас уже не помню, в чем именно). Всем лагерем мы встали на их защиту. Завязалась была драка, но рассудок взял верх. Не могу забыть лицо солдата лет пятидесяти, который, держа карабин в вытянутых руках, пытался сказать нам, что их заставляют силой применять оружие против нас, а у него самого из испуганных глаз текли слезы. В этот раз мы своих товарищей отстояли, наши ребята пытались даже сфотографировать инцидент, но фотоаппарат в суматохе разбили прикладом.

Приезжал к нам и представитель Красного Креста, но поскольку Советский Союз не признавал эту организацию, то и переговоры с ним ни к чему не привели. Однажды, рано утром 27 августа 1943 года я, закончив дежурить, вышел на улицу и увидел, что в сторону лагеря движутся машины с солдатами. Оба барака мгновенно проснулись. Мы успели спрятать оружие (у некоторых из нас были наганы и финские ножи, приготовленные на случай ухода в партизаны). Через переводчика офицеры приказали всем покинуть бараки. На улице нас выстроили спиной к деревянным стенам. Почти на каждого смотрело дуло винтовки. Переводчик стал называть фамилии по списку. Два солдата и офицер уводили названного в барак, к его личному шкафчику. Тщательно обыскивали, заставляя переключать вещи в чемодан, после чего выводили на улицу и собирали в отдельную группу. Когда в барак повели меня, то офицер обратил внимание, что на дверце висят два маленьких красных флажка, прикреплена фотография Ленина и цветная фотография, вырезанная из журнала: вид на Красную площадь, а на заднем плане — силуэт ГЭС-1, дымящей своими трубами, а рядом — едва заметный мой родной дом. С ехидной улыбкой офицер попытался сорвать фотографию, но я его остановил и, спокойно сняв снимок, неторопливо положил в чемодан.

После обыска нас по трое-четверо стали сажать в большие грузовики, затянутые брезентом. В кабине каждого грузовика сидел шофер и солдат-конвойный, а в кузов вместе с нами залезло по три солдата. Когда машины тронулись прочь из лагеря, оставшиеся товарищи стали бурно прощаться с нами. Опять мелькнула мысль: «А не в Германию ли?» Только выехав за пределы лагеря, мы обнаружили всю грандиозную работу, связанную с нашим арестом: кроме солдат, окруживших бараки, подступы к лагерю перекрывали пулеметные расчеты. Колонна грузовиков и сопровождавших их мотоциклов подъехала вплотную к дверям железнодорожного вокзала. Там уже стоял на путях пассажирский поезд. Этот

вокзал, как и все остальные, через которые мы проезжали раньше, был пуст и тщательно оцеплен. Я и трое моих товарищей оказались вместе в одном вагоне.

Ехали мы довольно долго. Нас привезли в большой город Сен-Галлен возле германской границы, в северной части Швейцарии. Стали загонять в здание тюрьмы. При входе все наши личные вещи описали и тщательно досмотрели. Нас одели в тюремные робы: пиджаки и коричневые брюки с широкими черными полосами, на ноги пришлось нацепить деревянные колодки с матерчатым верхом. Шли по тюремным коридорам, и каждый шаг разносился под сводами тюрьмы: все полы в здании были каменными или железными.

Когда нас стали разводить по камерам, был уже вечер. Два надзирателя повели меня по железным лестницам, огороженным металлической сеткой, на самый верхний этаж тюрьмы, втолкнули в темную камеру, заперли дверь и ушли. Стало темно. Помню, что в этот момент я запел. Вдруг отворилось окошечко в двери, и надзиратель грубо закричал: «Nicht singen!» («Не петь!») Я замолчал, однако стал насвистывать: хотелось узнать, где мои друзья. Но опять за дверью раздались крики и стук ключами: свистеть тоже было нельзя. Вдруг я услышал, как где-то вдалеке как будто стучат по полу колодки. Я тоже принялся стучать своими. Пауза. И опять несколько далеких ударов. Я стал стучать сильнее. Загрохотал в замке ключ, дверь резко распахнулась, на фоне освещенного коридора появился силуэт надзирателя, извергавшего брань в мой адрес. Из сотни выплунутых им слов я понял только одно: «Карцер!» Пришлось образумиться.

Прошло минут сорок, может, чуть больше, в двери открылось маленькое окошечко, и на деревянной доске возникла металлическая миска, ложка, две картофелины и что-то похожее на кусок сыра. Я перенес все это на маленький откидной столик, и дверца захлопнулась.

Стало совершенно темно. Пришлось пальцами определять, что в миске. Это был швейцарский суп: обжаренная на сковороде пшеничная мука некоторое время варилась в кипятке. Есть хотелось страшно, поэтому, не медля ни секунды, я взялся за трапезу. «Сыр» невыносимо вонял и был удивительно липким, ни дать ни взять человеческое дерьмо. Впоследствии я стал бросать эти куски сыра в суп: там они становились менее «ароматными».

Едва я справился с ужином, как железная дверь снова открылась, и на пороге возникли два надзирателя — один худой, лет пятидесяти с лишним, другой — молодой, крепкого телосложения. Велели выходить и следовать за ними. Один встал впереди меня, другой сзади. Наши шаги громким эхом разносились по коридорам. С верхнего этажа меня перевели в камеру возле туалета. Только на следующий день я смог разглядеть свою камеру: вечером, а тем более ночью сделать это было, понятное дело, просто невозможно. Лишь для осужденных пожизненно — как я узнал позднее — было сделано исключение...

Моя камера представляла собой прямоугольник со сводчатым потолком размером два на пять метров, высотой метра три с половиной — четыре. Окошко смотрело на стену женской тюрьмы. Снизу под окном находился подвал, откуда всегда тянуло сыростью и прилетали ко мне в гости комары. В подвале вымачивали лозу для корзин. Слева от двери было сделано углубление для параши. Рядом с ним в стену были встроены столик и скамеечка. Справа — железная койка с матрасом, подушка и одеяло: утром надзиратель поднимал ее и убирал, откидывая к стене, как вагонную полку. Недалеко от окна висел во дворе церковный колокол, по утрам в воскресенье он всегда досаждал мне: верующих заключенных вели в тюремную церковь. Однажды, во время какого-то местного праздника, я тоже там побывал. Нас всех ввели в довольно просторное помещение. Повсюду, в стенных нишах — деревянные статуи святых, позолоченные и

раскрашенные. Меня удивило то, что здесь же висел экран. Нас усадили в узкую ячейку, с трех сторон огороженную стенками; с четвертой стороны как раз оказывался этот экран. Ячеек было много, они располагались ступенями друг над другом. Заперев ячейки на ключ, надзиратели выстроились возле экрана, лицом к нам. Свет не погас, но на экране побежали титры. В тот день мы смотрели немую короткометражку с Чаплином в главной роли.

А еще перед входом в каждую камеру стояли ботинки. Когда нас выводили на прогулку, мы снимали деревянные колодки и надевали эти ботинки. А возвращаясь, переобувались обратно. На каждой двери висела рамка, в которой торчал листок со всеми данными заключенного. Мой листок был перечеркнут по диагонали красной полосой — «политзаключенный, атеист». Каждое утро начиналось с криков «Alarme!» («Тревога!») и звона ключей. Мы брали свои параша и выходили в широкий коридор, становясь лицом к стене и дожидаясь своей очереди идти в туалет. По воскресеньям, когда оканчивалась месса и нудный колокол переставал долдонить, в каждую камеру заходил тучный священник во всем черном с большим крестом.

Помню знакомство с ним. Дверь камеры открылась, и он еле-еле протиснулся в нее. Небольшая черная шапочка на голове, живот навывкате, лицо такое круглое, что нос-кнопочка едва заметен между щек. Выпученные как у рака глаза. Большие и бесцветные губы все время складываются в трубочку. Войдя, он поприветствовал меня, потом взял в руку крест и хотел меня перекрестить, но я отказался, всем своим видом заявляя: я атеист. Он почмокал своими пухлыми губами, недовольно взглянул на меня и протиснулся обратно в коридор.

И все же он потом приходил ко мне не раз, восклицая: «Как дела?» В ответ я показывал ему большой палец, произнося: «Wo!» Он тут же спрашивал меня, широко улыбаясь: «Was ist das — Wo?» Я пояснял: «Das ist gut!» — и обводил камеру рукой. Он начинал улыбаться еще

шире, грозя мне указательным пальцем: «Kommunist!» Мне шел тогда двадцать второй год. Союзники уже высадились в Нормандии, и однажды ночью я слышал, как они яростно бомбят немецкий город по соседству. При каждом взрыве двери ходили ходуном, камера слабо озярлась желтыми отблесками, по небу гуляло зарево, а охрана носилась по коридорам. Хоть и жутковато было, но в душе царил настоящий праздник!

Однажды нас вывели на прогулку и повели вверх по железным ступеням лестницы. Я держался за перила, и вдруг в мою свободную руку шедший спереди заключенный сунул огрызок карандаша и огрызок бумаги, которые я сразу спрятал в карман. Выйдя во двор, я попытался рассмотреть его — это оказался молодой человек моих лет (может быть, старше года на два-три), стройный, ростом выше среднего и белобрысый. На прогулке заключенные ходили, образуя два круга, навстречу друг другу. Вернувшись в камеру, я обнаружил, что помимо исписанного листка у меня оказался и второй, чистый — очевидно, для ответа. Я углубился в чтение. Я смог определить, что послание было написано по-польски и что союзники открыли второй фронт.

Совершенно не владея польским языком, я все-таки стал сочинять ответ своему товарищу по несчастью. Писал русские слова немецкими буквами. На следующей прогулке он оказался далеко от меня. Как передать ему записку? Пришлось сделать вид, что у меня развязался шнурок. Отойдя в сторону на один шаг, я нагнулся, наблюдая, когда подойдет поляк. Заворчал надзиратель, подгоняя меня встать в строй, и я встал, оказавшись прямо позади поляка. Спускаясь вниз по лестнице, я незаметно всунул ему в руку исписанный листок. Так мы стали переписываться, хотя почти не понимали ничего из получаемых писем.

Как-то дверь моей камеры открылась во внеурочное время, и надзиратель вывел меня в коридор. Там уже стоял поляк. Старик-надзиратель подвел нас к корзинам с грязным бельем, жестом распорядившись их поднять.

Он повел нас по тюремным коридорам в подвал, откуда мы снова вышли в широкий коридор, перегороженный зарешеченными воротами. Ворота нам открыла женщина. Мы двинулись дальше, вдоль камер. Возле них стояли женские туфельки. Женская тюрьма! Почему-то при виде женской обуви мне стало грустно и жутковато.

По пути назад поляк жестами стал показывать мне на револьвер, висевший у старика на поясе. Я понял, что он хочет наброситься на надзирателя, разоружить его, а может, и задушить. Побег! Однако тогда мне совершенно не хотелось бежать, несмотря на красноречивые жесты поляка. И после этого случая наша переписка прекратилась.

Тамошние надзиратели называли меня Шмеллингом (чемпион по боксу фашистской Германии, любимец самого Гитлера) за физические данные и упрямый характер. Однажды в очередное воскресенье в камеру зашел молодой надзиратель. Он принес мне две круглые булочки и два яблока. Встав в проеме двери, он начал что-то говорить по-немецки, попытавшись объяснить, что до войны работал слесарем-сборщиком и что присутствовал при отправке станков в Советский Союз — по торговому договору. Однако война все изменила, и из-за безработицы ему пришлось идти работать в тюрьму. Рассказывая о себе, он то и дело посматривал в коридор, а потом предупредил меня, чтобы я молчал о нашем разговоре: боялся потерять место надзирателя. Жестами он объяснил мне, что у него есть жена и дочь. Потом в свое дежурство он иногда тайком давал мне добавку (картошку, хлеб и суп). И даже принес две подшивки журналов на немецком языке. В одном из них я увидел портрет Сталина в окружении женских лиц: Аллилуевой, Осипенко, Расковой и еще нескольких. Надзиратель принялся объяснять мне, что эти женщины — фаворитки Сталина и что свою жену, Аллилуеву, он лично застрелил. На мои неуверенные возражения он постоянно тыкал пальцем в статью. Вечером он забрал журналы и больше их не приносил. Впоследствии я видел его только один раз: тогда

он отвел меня в тюремную хлебопекарню, где трудились пекарь и его помощник, парень моих лет. Надзиратель куда-то увел пекаря, а нам с молодым человеком дал задание сложить в штабель мешки с мукой. Мы разговорились, и я узнал, что юноше двадцать два года, как и мне, и что он посажен в тюрьму на три месяца за отказ идти служить. Закончив работу, мы получили по черствому длинному батону.

Прошел ровно месяц с момента, как мы оказались в этой тюрьме, и вот нас, русских, вывели из камер и отвели на второй этаж, поставив там всех лицом к стене, подальше друг от друга. Как только мы пытались обменяться парой слов, надзиратели принимались кричать: «Ruhe! Karzer!» («Спокойно! Карцер!») Тут одна из дверей открылась, и меня пригласили внутрь. В комнате находился настоящий русский священник! Он усадил меня на стул, спросив, курю ли я. Я сказал, что курю. Тогда он придвинул ко мне пачку сигарет и спички (здесь я согрешил — вместо одной сигареты незаметно взял две). Потом он спросил, откуда я и в чем нуждаюсь. Когда я жадно заканчивал курить, он предложил мне исповедаться, а на мое возражение, что я атеист, вежливо сказал мне: «Идите». Надзиратель вывел меня в коридор. Я рассказал ребятам, для чего нас сюда привели, и тут же на меня снова обрушилась ругань надзирателя.

Спустя несколько дней меня вызвали на допрос. Пригласили сесть. В комнате находились два офицера. Один из них сносно говорил по-русски. Вопросы были уже знакомыми: о военных кружках, обязанностях комсорга и т. д. Я пытался объяснить, что никаких кружков в лагере не было, кроме художественной самодеятельности. По окончании допроса мне сунули подписать протокол, но я отказался, ссылаясь на незнание языка. Офицер перевел мой отказ своему коллеге. Потом он начал переводить текст протокола мне, и вновь я отказался подписываться. Посоветовавшись, они объявили, что в скором времени мне пришлют этот документ на русском языке, но больше я его так и не видел.

По истечении примерно полутора месяцев заключения меня и трех моих соотечественников собрали в той же комнате, где мы «исповедовались». Перед нами на столе были положены плитки шоколада, спички и сигареты. До шоколада никто не дотронулся, зато через пять минут комнатка оказалась затянута дымом. Потом, уже дома, я вспоминал этот эпизод своих странствий, глядя на людей, набивающихся в театральную курилку в антракте между действиями: столько дыма, что почти не видно людей. Нам объявили, что дня через два или три нас освобождают из тюрьмы! Как же медленно тянулись эти дни. Наконец, нас вывели к воротам. На проходной вернули наши чемоданы. Примечательно, что все вещи и деньги остались целы, а грязное белье было выстирано и поглажено! Так 11 октября 1943 года мы вышли на свободу и в сопровождении жандарма отправились на вокзал, по дороге он так и не сказал, куда же мы едем.

Ехали мы довольно долго, и опять оказались в штрафлагере, теперь это был Ваувилермос, барак № 5. В этом лагере мы просидели до конца января 1944 года. До нас там уже находилось восемнадцать советских заключенных. Они попали туда потому, что, несмотря на все запреты начальства Андельфингена, решили отпраздновать 26-ю годовщину Октябрьской революции. Мне тоже удалось отметить свой собственный праздник — там мне исполнилось 22 года!

Из этого лагеря мы помогли бежать во Францию двум нашим товарищам: ночью вышли из барака, раздвинули палками колючую проволоку, и оба они попластунски выползли за территорию. У нас с ними был такой договор: перейдя швейцарско-французскую границу, они должны были связаться с партизанами, а потом вернуться за нами в лагерь, чтобы все вместе мы бежали во Францию, в партизанский отряд, но этого, по разным причинам, так и не случилось.

28 января 1944 года нас перевезли в лагерь Ампфернхое, расположенный в восьми километрах от границы с Германией. Позднее мы узнали из местных газет, почему несколько лагерей для военнопленных располагалось вдоль границы: это было сделано на случай вторжения в Швейцарию немецких войск. Тогда под удар первыми должны были бы попасть именно штрафлагеря. Варварство, но факт!

Не дождавшись возвращения в Ампфернхое двух наших соотечественников, мы стали сами активно готовиться к побегу и уходу во Францию.

До чего же прекрасна природа Швейцарии! Горы, покрытые густыми лесами, альпийские луга с изумрудной зеленью пастбищ. Они завораживают и создают необыкновенное состояние радости и покоя. Ощущаешь все величие и совершенство природы, радость жизни. Особенно остро это понимали мы, узники фашистских концлагерей, удачно бежавшие из ада неволи.

За окнами электропоезда мирные пейзажи прекрасной Швейцарии. Под ровный и неторопливый перестук колес мы, десять советских ребят, едем в Цюрих на экскурсию. Ее нам организовала швейцарская Рабочая партия, собрав немного денег на поездку.

Летнее утро, солнечное и теплое, радует нас, настроение отличное. Мы весело балагурим, совершенно не обращая внимания на редких попутчиков. В вагоне вместе с нами едут несколько крестьян, нарядно одетых по случаю поездки в город в выходной день.

Обособленно сидят две монашки. Они одеты в черные длинные платья, а на головах — белые, остроконечные и накрахмаленные головные уборы. Монашки углубились в чтение Библии и совершенно не обращают внимания на окружающих.

Поезд делает частые остановки на маленьких станциях. Вот и сейчас он замедлил ход и постепенно остановился у платформы небольшого городка.

Постояв две-три минуты, он тронулся после удара станционного колокола и свистка кондуктора. В вагон вошло несколько пассажиров. Среди них мое внимание привлек один из них. Это был господин средних лет, в безупречно отглаженном сером костюме и котелке. Он был небольшого роста и, что особенно бросалось в глаза, — очень толстый. Ну, буквально пузырь. Пот струился по его лицу, он тяжело дышал.

Так вот, этот «пузырь» направился в нашу сторону. Я, со смехом обращаясь к товарищам, сказал: «Сейчас лопнет!» Они громко расхохотались на мое замечание. Монашки удивленно оторвались от чтения и посмотрели в нашу сторону. Мы уже привыкли, что нас, русских, никто здесь не понимает, и поэтому могли говорить между собой вполне спокойно и громко.

Толстый господин тяжело опустился на скамейку напротив меня. Достал большой белый платок и, сняв котелок, вытер пот и с улыбкой сказал: «А вот и не лопнул!»

Смех мигом оборвался, и наступила неловкая тишина. Я почувствовал, что краснею. Как же мне было неловко!

Оказалось, что нашим попутчиком был эмигрант из России. В Швейцарии его застала революция, а затем Гражданская война не позволила вернуться на Родину. Здесь он обзавелся семьей и уже давно не встречался с соотечественниками. Мы рассказали ему о жизни в Советской России и о наших военных приключениях. Какая же невыразимая тоска по Родине была в его глазах!

К сожалению, мы не смогли продолжить беседу, так как поезд уже подошел к перрону вокзала в Цюрихе и мы расстались. Нашу группу встретили представители Рабочей партии и повели на экскурсию.

Я обернулся. У вагона стоял маленький, толстый господин и, не стесняясь, вытирал платком слезы...

ВЫХОДИМ НА СВЯЗЬ!

Я, Кострыкин, Чайка и Добриков направляемся на юг Швейцарии по заданию Рабочей партии и нашей комсомольско-партийной организации — наладить связь с югославскими или итальянскими партизанами. Ночью все четверо, взяв свои чемоданы с едой и оружием, а я еще и чужой черный костюм (мой серый был слишком простым и броским), благополучно добираемся до Цюриха и получаем инструкции от наших швейцарских товарищей. Они купили нам билеты, и мы дружески с ними попрощались. Миновали 39 тоннелей Сен-Готарда, на какой-то станции в поезд к нам подсел солдат-пограничник. Добравшись до Лозанны, мы встретились с местным коммунистом. Он отвел нас в особняк и велел ждать там. Он увел с собой одного Кострыкина, как выяснилось позже — на какой-то очередной съезд Рабочей партии Швейцарии. Здание, где этот съезд проходил, охранялось полицией. Кострыкин надеялся договориться там с людьми, которые могли помочь нам перейти границу с Францией, снабдить проводником. Оказалось, что за день до нашего приезда этого проводника убили как раз на границе. Пришлось ждать. Нас расселили по квартирам к рабочим. Я оказался в семье у пожилых супругов, для безопасности меня поместили на чердаке их двухэтажного дома, гулял я поздно вечером. Мы ждали четыре дня, надеясь, что нам смогут подыскать другого проводника. Однако по истечении этого срока кто-то из местного начальства велел нам вернуться в лагерь, что означало автоматически три месяца в одиночной камере.

Ребята поехали в Цюрих, а я вернулся к лагерю и, стараясь не попадаться на глаза местным, поселился в лесу в шалаше, который сделали мне наши ребята. Они принесли мне из лагеря одеяло и подушку и целый месяц тайком снабжали меня едой. Как-то утром появился Николай Кострыкин и забрал меня в Цюрих. Там нас уже ждали Черняк, Беренгард и кто-то еще. На вокзале

нам вручили два рюкзака с сухарями, сгущенкой и сигаретами. Предупредив, чтобы мы не общались в вагоне друг с другом, нас посадили в поезд. Мы проехали Женеvu, благополучно миновали границу, добрались до партизан и оказались в штабе отряда в Гренобле.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(Как нас встречала Родина в ноябре 1944 года)

В штабе французского Сопротивления в городе Гренобле в наш отряд вошли четыре советские женщины, попавшие в плен на фронте. Кто-то из них были санитарками, кто-то — радистками. Основной костяк нашего отряда сформировался как раз там, в Гренобле. Чем дальше мы двигались на юг, тем больше становилось в нашем отряде партизан из разных стран. Мы сохраняли патриотический подъем, дисциплину и сплоченность до самого возвращения на Родину. В Марселе нас провожали французские партизаны примерно такими словами: «Спасибо Советскому Союзу, спасибо русским за пролитую кровь, за освобождение Европы! Теперь война завершается и вы больше нужны своей Родине, возвращайтесь домой, мы не забудем вас!» На прощание командир партизанского отряда передал нам красное знамя, отбитое у немцев в бою. Хорошо помню бархат и кисти на знамени. Сейчас не знаю, какому соединению или части это знамя принадлежало. Но судьба его мне известна. Забегая вперед, хочу сказать, что я видел это знамя, постеленное на столе у следователя НКВД в Сталине на госпроверке. Как это было обидно! Сколько крови и жизней отдано за этот кусок бархата... А теперь оно служит скатертью какому-то безусому лейтенанту, не нюхавшему пороха.

В городе меня очень поразила одна сцена. По узкой улочке шла толпа горожан, по большей части состоявшая из женщин и детей. Впереди бежала молодая женщина, обритая наголо, в оборванном платье, почти

обнаженная, босиком. Она прижимала к груди маленького ребенка, завернутого в одеяльце. Толпа за ней что-то кричала и скандировала, мальчишки подбирали грязь с улицы и бросали в женщину. Грязная, вся в слезах, она, как могла, прикрывала своего ребенка и себя от летящих комков грязи и камней. Мы хотели заступиться на нее, но один из сопровождавших нас партизан остановил нас. Он, как мог, объяснил нам, что эта женщина была на службе у немцев и ребенок от немецкого солдата. В знак презрения к таким изменникам их брили наголо и могли буквально растерзать. После мы не один раз наблюдали такое и в Италии.

Но это уже потом, а сейчас нас погрузили на транспорт с оружием и продовольствием на дорогу до Италии. При отчаливании был салют из стрелкового оружия как с нашей стороны, так и с французского берега. Мы слышали: «Vive les Russes! Vive les Sovietiques!» Медленно уплывал вдаль берег гостеприимной Франции. Перед нами раскрывались просторы Средиземного моря, по которому лежал еще долгий путь на Родину.

В море разыгрался сильный шторм, как раз когда мы проплывали между Корсикой и Сардинией. Корабль то зарывался носом в серые пенные волны, то взмывал к хмурому небу. На палубе было мокро и скользко. Мои товарищи сидели в трюмах, а я вышел наверх и прошел, держась за леер, на нос корабля. До сих пор в памяти то незабываемое ощущение восторга и страха, замирание сердца и юношеская бравада. В пене и брызгах взмываешь вверх, замираешь на мгновение и... проваливаешься в бушующую пропасть между волнами. Косточки на пальцах побелели от напряжения, широко расставленные ноги отрываются в верхней точке от палубы, вот-вот волна захлестнет и смоеет меня. Страх и восторг от близости и реальности опасности. Безрассудство — скажете вы, и будете правы. Но мне, двадцатилетнему пареньку, только что прошедшему лагеря и пытки немецкой неволи, свобода и ожидание возвращения на Родину вскружили голову. Мне буквально море

было по колено. Долго я наслаждался буйством стихии и моим противоборством ей, пока товарищи не позвали меня в трюм. Как ни странно, в отличие от большинства моих товарищей, я не страдал морской болезнью и спокойно перенес шторм и качку корабля. К утру шторм стих, было абсолютно чистое и безоблачное небо и гладь моря. Только цвет воды после ночного шторма был белесо-мутным. Чайки кружили над палубой, и мы бросали им кусочки хлеба, которые чайки хватали на лету.

Вот в дымке показался итальянский берег, множество судов на рейде. Порт Неаполя встретил нас шумом и гомоном большого приморского города. Нас высадили с корабля и, разместив в портовых казармах, дали свободное время для осмотра города. Разбившись на группы по три-четыре человека, отправляемся в город. Узкие улицы, извиваясь и путаясь, поднимаются в гору. Они настолько узкие, что, расставив руки в стороны, можно коснуться противоположных стен. Между домами протянуты веревки с бельем от одной стороны улицы к другой.

Грязь и зловоние в бедных кварталах. Множество детей, грязных и оборванных. Дергают за одежду и просят денег. А маленькие девочки, лет девяти—двенадцати, предлагают себя. Как это для нас непривычно и дико! Здесь же гадалки предлагают свои услуги.

В эти моменты вспомнил, что еще дома, на Раушской набережной в Москве, когда мне было лет четырнадцать, во двор к нам вошла группа ярко одетых людей. Одна из женщин зашла в нашу комнату и попросила воды, потом предложила погадать. Моя мама сказала, что не верит цыганкам. На это женщина ответила, как сейчас помню: «Я не цыганка, я сербиянка и погадаю без денег. Скажу, что твой сын будет счастлив и доживет до 90 лет...» И ушла, не попросив денег. Вот когда вспомнилось мне предсказание... Побродив по Неаполю, присели в таверне и заказали выпить. Нам при-

несли графинчик вина, но мы попросили покрепче. Мальчик, обслуживавший нас, принес другой графин и малюсенькие стопочки. Ребята рассмеялись и жестами попросили стаканы. Все немногочисленные посетители обернулись в нашу сторону. Мы налили по полному стакану огненной жидкости, чокнулись и залпом выпили. Тишина, затем аплодисменты и крики «Браво!». К нам стали подходить и спрашивать что-то по-итальянски. Как могли, объяснили, что мы русские, возвращаемся из немецкого плена домой. Итальянцы устроили настоящую овацию и стали нас обнимать и целовать. Нам это было непривычно, но приятно. Правда некоторые из нас недосчитались своих карманных денег. Но это уже потом... По возвращении в казарму нам объявили, что утром будет погрузка в грузовики и отправка в город Бари, на другой стороне Апеннинского полуострова, а пока — отдыхать.

Рано утром нас построили и распределили по грузовикам, человек по двадцать в каждый. Колонна двинулась на восток, навстречу восходящему солнышку.

Дорога идет горной местностью, петляя по склонам и ущельям. Встречаются маленькие деревушки, буквально состоящие из двух-трех домов. Склоны покрыты низкорослыми соснами и кустарником. Через три или четыре часа пути показались первые дома города Бари. Город старинный, расположен на горах. Дома беленькие с черепичными крышами, многие обнесены каменными заборами тоже белого цвета. В городе видели издалека какую-то старинную крепость. Улицы узкие, все идут вдоль моря.

Недолго мы оставались в этом городе. Оказалось, что дальнейший путь нам предстоит продолжить из города Таранто. Перекусив и немного размяв ноги, опять высаживаемся на другие грузовики и отправляемся в путь. Опять едем по гористой местности с таким же пейзажем и через несколько часов прибываем в город Таранто.

Уже стемнело, мы почти целый день потратили на путешествие. Размещают нас опять в каких-то казармах, довольно грязных и запущенных. Ну да ладно, все ж ближе к дому... Ранний подъем, и колонной выдвигаемся к причалу, где под парами уже стоит наш пароход. Комфорта, конечно, никакого, но нам не привыкать, и хуже было. Предстоит достаточно длинный переход в сторону Африки, нас ждет город Александрия.

На этот раз море балует нас бирюзой и тишиной. Только чайки кружат над головами и своим беспрестанным криком нарушают покой и тишину. Корпус старенького парохода вибрирует от работы паровых машин, все ребята высыпали на палубу и провожают исчезающий в морской дымке итальянский берег. Здесь многие из нас впервые увидели стаю дельфинов. Они плыли вдоль борта нашего судна совсем близко от поверхности воды, иногда обгоняли корабль и выпрыгивали высоко в воздух. На солнце сверкала их черная кожа.

Плыли мы примерно сутки — сказала маленькая скорость изношенного парохода.

Вот показался порт Александрия. Город стоит на берегу бухты. Большинство построек каменные, выделяется большое количество мусульманских минаретов, возвышавшихся над остальными зданиями. С этих высоких башен звучали протяжные крики священников, заглушавшие шум города. В городе нас поразили грязь и нищета, множество оборванных нищих-попрошаек, грязные дети на улицах, женщины, закрывавшие свои лица. По улицам текли ручьи грязной воды, которые нам приходилось постоянно обходить и перешагивать. Вокруг нас было много любопытных и попрошаек, они тянули нас за рукава и просили: «Бакшиш!» Английские солдаты бесцеремонно расталкивали толпу арабов прикладами и прокладывали нам дорогу в этом хаосе и суетолоке. Долго мы пробирались улицами и закоулками до нашего временного пристанища. Это опять было какое-то большое здание, принадлежавшее англичанам, но не казарменного типа, а разбитое на отдельные ком-

наты, рассчитанные человек на шесть—восемь. Здесь была возможность помыться и привести себя в порядок после длительного путешествия. Усталые, мы повалились на армейские кровати и провалились в сон.

Утро нас разбудило шумом и гомоном за окнами. Восточный город уже начал жить своей жизнью, как жил уже многие века. Нам после завтрака дали немного свободного времени для знакомства с городом. Многие из моих товарищей остались коротать время за картами и не пошли в город.

Как-то боязно окунуться в эту суету совершенно чужого нам города, но любопытство пересиливает, и мы с товарищами выходим в этот незнакомый мир. При выходе нас встречает человек, продающий обычную воду. На голове у него кувшин, а в руках чашка. Он настойчиво протягивает чашку, наполненную водой, в нашу сторону. Мы отказываемся и идем дальше по узенькой улочке. По обе стороны располагаются разные лавчонки. В одних продают какие-то сладости и сушеные фрукты, в других — старинные кувшины и восточные кинжалы. Каждый торговец голосом и жестами старается привлечь наше внимание к своему «богатству». Ребята предлагают найти выпивку, и мы идем дальше по улице. Но нигде нет ни одного винного магазина или ресторанчика. Потом переводчик нам объяснил, что у арабов запрещено спиртное и здесь нет, как это принято в Европе, питейных заведений.

Пройдя по этой улице до поворота, решаем вернуться назад, боясь заблудиться и не зная языка. Вовремя, оказывается, мы вернулись, так как уже все наши собрались и построились для посадки на транспорт до порта Хайфа. Путь до порта занял немного времени. Там стоял пароход под английским флагом. Он раньше перевозил лошадей, и поэтому запах «конины» еще сильно напоминал о его прошлом предназначении. Но нам, пережившим столько испытаний, было не привыкать, разместились, хотя некоторые и высказали свое недовольство. Кают на этом «лайнере» не было, конечно, поэтому все разместились

на палубе. Немного постояв у причала, пароход медленно отчалил и вышел в открытое море. Мы взяли курс на палестинский порт Хайфа.

Вторая мировая война все еще бушевала на планете. Нам, бывшим узникам фашистских концлагерей и участникам партизанского движения, хотелось как можно скорее вернуться на Родину, мы горели желанием прогнать фашистских захватчиков из своей страны, помочь Красной армии.

В Хайфе еврейские эмигранты из Советского Союза, узнав, что советские русские появились на их Земле обетованной, стали навещать нас в английском военном лагере. Эти эмигранты относились к нам дружелюбно и с уважением. Поразила нас нищая арабская детвора, атаковывавшая нас с утра и до вечера, прося подаяния. От них не было отбоя. Неряшливо одетые, грязные, оборванные и сопливые, они большими группами окружали английских и американских солдат и нас. Как сейчас вижу оравы ребят-попрошаек, с протянутыми к нам ручонками. Они наперебой кричали «Бакшиш! Бакшиш!», что означало «Поддай! Поддай!».

Один из евреев-эмигрантов, говоривший по-русски очень чисто, посоветовал кому-то из наших ребят сходить на Священную гору. Никто из нас об этой Священной горе ничего не знал, да и откуда тогда было знать? Подавляющее большинство из нас были атеистами, и об историческом значении этого места никто не слышал. Так или иначе, собралась небольшая группа желающих отправиться на эту гору, и я тоже пошел. Этот эмигрант вызвался нас сопровождать. Безлесная, почти голая гора была покрыта только зеленой травой. Со склона был виден весь город. Усевшись на траву, разговаривая между собой и покуривая, мы любовались голубым небом и раскинувшимся внизу городом. Неожиданно эмигрант обратился к нам и торжественно спросил: «А знаете ли вы, друзья, что вы сидите на Священной горе, по которой

ходил Иисус Христос?!» Мы вообще практически ничего не знали о Христе, и эмигрант продолжил: «Друзья мои, вы на всю свою жизнь запомните это священное место!»

Так оно и вышло! Миновало уже более полувека, а я до сих пор с трепетом храню в памяти те минуты! Сейчас пишу этот небольшой рассказ, а перед моими глазами снова встает город у подножия горы.

В палестинском порту Хайфа, после нескольких дней отдыха, нас посадили на грузовики. Путь наш лежал через Иорданию, Ирак и Иран. Дорога проходила то по пустыне, то горными ущельями, то по пыльным арабским улицам. На ночевки нам выделяли самые разные помещения. Иногда это были большие складские сараи, иногда — солдатские казармы, свободные от размещения английских солдат. Редко удавалось выйти за пределы выделенного «крова», охрана не разрешала. Через три дня пути нас привезли в порт Бендер-Шах на Каспийском море. В порту нас уже ждал грузовой пароход, на котором мы отплыли в Баку. В состав нашей группы входили бывшие партизаны Сопротивления, воевавшие против фашистской Германии во Франции, Италии и Югославии.

Как сейчас помню: караван торговых судов, перевозивших нас, приближался к Бакинскому порту, на горизонте уже показались горы и белые дома. Мы все, как один, ликуя, высыпали со своими автоматами на палубу. Нас переполняли восторг и радость — наконец-то мы возвращались домой! И вот, когда до Бакинской гавани оставалось всего несколько сотен метров, мы стали палить вверх из оружия, крича: «Ура!»

Корабль причалил к почти пустой пристани, и вдруг на причал высыпали вооруженные автоматчики в форме войск НКВД. Наше ликование пошло на убыль. Подали трап, и мы всей массой столпились возле борта. По трапу вверх вбежали несколько солдат, и с ними два или три офицера. Старший офицер, обращаясь к нам, ска-

зал: «Вы прибыли в Советский Союз, и на берегу вам надлежит сдать все имеющееся у вас оружие». Наша радость сменилась настороженностью, а затем и тревожным ожиданием. Сложив все оружие грудой у трапа, нас построили на берегу, каждого тщательно обыскали и строем повели к товарному составу, стоявшему не-вдалеке от пристани. Маленькие вагоны окошечек были опутаны колючей проволокой. Мы поняли, что, вернувшись домой, здесь вновь стали арестантами.

Несколько суток нас везли в неизвестном направлении. На одной из остановок местные мальчишки стали бросать в наши вагоны камни, крича унижительное: «Смерть фашистским гадам! Изменники!» Солдатня из нашей охраны, усмехаясь, стояла в стороне.

Наконец, мы прибыли на совершенно безлюдную станцию. Двери вагонов открылись, послышалась команда: «На выход! Становись в строй по двое!» Настроение у всех нас было, мягко говоря, подавленным, но все равно где-то в глубине души мы радовались, что сейчас мы на своей земле!

Скоро мы узнали, что нас привезли на Украину в город Сталино (ныне Донецк). Нашу группу под охраной солдат НКВД подвели к лагерю, огражденному плотной колючей проволокой, на каждом углу территории торчали высокие деревянные вышки, на них находились вооруженные солдаты и были видны прожектора. В лагере уже были заключенные, и теперь они с любопытством ждали, когда мы присоединимся к ним. Охранники раскрыли ворота, также опутанные колючей проволокой, и мы вошли внутрь. Старший конвойный подвел всех нас к деревянному бараку, сказав, что тут мы будем жить. Впоследствии выяснилось, что нас поместили в проверочно-фильтрационный лагерь НКВД № 240. До нас в нем содержались находившиеся на госпроверке в большинстве своем бывшие власовцы, а также полицаи и украинские националисты-бендеровцы, ярые противники советской власти. Находились здесь и бывшие военнопленные фашистских концлагерей.

Кое-кто из «старожилов», узнав, что все мы — бывшие партизаны, — ехидно, с нескрываемой ненавистью заявлял: «Ну что? Навоевались, москали?! Так вам и надо, гады!» Некоторые из нас отвечали им кулаками или огрызались. Постепенно мы стали привыкать к лагерной обстановке: как и все, получали положенный хлебный паек и жидкую баланду. Поили нас чаем с сахарином. Дни тянулись однообразно: шумный утренний подъем, крики и ругань охранников. Иногда вызывали на допрос. Один из них я запомнил на всю жизнь. Вел его совсем молоденький следователь, видимо, опыта у него еще не было никакого. Однако он старался изо всех сил казаться солиднее. Усадив меня на стул возле стола, он стал, как обычно, задавать вопросы, и когда коснулся периода моего пребывания в Швейцарии, то вдруг спросил: «Говори! В какой армии ты служил в Швейцарии?!» Я улыбаясь ответил ему своим вопросом: «А вы знаете, что Швейцария — нейтральная страна? Вероятно, не знаете!» Он резко вскочил со стула, швырнул на стол свою ручку и выкрикнул: «Я здесь задаю вопросы, а не ты!» Улыбаясь, я замолчал, но потом все же коротко рассказал ему, что представляет собой Швейцария. После этого допрос быстро завершился, но сама сцена осталась у меня в памяти.

Из лагерной зоны нас, разумеется, никуда не выпускали. Родные даже не знали, где мы и что с нами. О моей судьбе родители не знали абсолютно ничего два года. Не раз они наводили справки, но все время получали противоречивые известия: либо что я погиб, либо что пропал без вести. О моем старшем брате им узнать удалось. Его самолет был сбит возле города Балаклея, на Украине, и, спустившись на парашюте, брат был схвачен немцами. После того как он на глазах у свидетелей плюнул в лицо немецкому офицеру сгустком крови, его расстреляли.

Наступил день, когда нас отбрали на работы на коксохимическом заводе в городе Рудченково. Рано утром нас отводили на завод, и старший конвоир напоминал:

«Шаг вправо, шаг влево считается побегом. Будем стрелять». И если бы вы знали, как мы были рады выходить за пределы лагеря!!

Пока я и еще несколько моих бывших спутников работали на заводе, других отправили добывать каменный уголь в шахту — «давать на-гора», как говорили бывалые шахтеры. Я же попал монтером в электроцех. В первый день мы все были поражены: никто из гражданских сотрудников завода с нами не разговаривал, все старались молча отвернуться. Оказалось, что перед нашим появлением представители НКВД собрали митинг, на котором заводчанам сообщили, что мы все — изменники Родины, предатели и шпионы и что какая-либо связь с нами будет караться по закону. В общем, атмосфера поначалу была жутковатая, но спустя несколько дней все изменилось.

Понемногу мы стали беседовать с рабочими, рассказывать о себе правду. Они внимательно и сначала с недоверием слушали наши рассказы. Постепенно они прониклись пониманием и сочувствием к нам, оказавшимся в таких условиях. Впервые за два года мне удалось отправить с их помощью первую весточку родителям. Получив это письмо, мама с криком «Валера жив!» упала в обморок. Потом один из рабочих ехал проездом через Москву и смог передать маме записку от меня. Эту записку, изрядно помятую и затертую, я нашел совсем недавно в конверте с документами. Ее она хранила и перечитывала, не веря в то, что я остался жив. Она дважды приезжала в Сталино — повидаться со мной, и останавливалась в доме у одного из моих новых друзей. Один раз по разрешению органов НКВД, а второй — нелегально, мы встречались тайком от охранников.

ДОРОГИ НЕ КОНЧАЮТСЯ

Начинал я писать эти зарисовки в 1970 году, вернувшись из замечательной поездки на Байкал. В то время я был еще полон сил и здоров. Было написано тогда

всего несколько наиболее ярких рассказов. Так, недоделанные, они лежали на отдельных листках, и я не думал, что когда-нибудь буду писать дальше.

Но в сентябре 1978 года случилась производственная травма. Попал я тогда в Первую градскую больницу, где после неудачной (да и ненужной) операции получил заражение крови — сепсис. Буквально чудом, благодаря самоотверженной заботе и уходу моей милой и дорогой жены Тонечки, я вернулся к жизни. Именно тогда, на краю жизни, я понял, что с моим уходом уйдет все, что я пережил, что я помню. Я попросил принести побольше чистой бумаги и сделал черновые наброски-конспекты. При благоприятных условиях хотел с ними поработать, привести к более литературной форме. Но дальнейшие события не дали возможности завершить работу.

Только-только я смог побороть одну смертельную болезнь, как на слабый еще организм набросилась новая напасть — гепатит. Видно, во время операции, когда мне практически сменили всю кровь, занесли от недобросовестного донора вирус гепатита — желтухи. К тому же получилось нагноение левой оперированной ключицы — остеомиелит. В то время меня готовили уже ко второй операции.

Но, видно, Всевышний не дал свершиться этому. Буквально в день назначенной операции, за два-три часа до нее, меня моя жена успела перевезти в другую больницу, 7-ю городскую, где я впервые познакомился с замечательным человеком Александром Николаевичем Щербюком. За суровой и, как могло показаться, грубой манерой обращения скрывалась очень чуткая человеческая душа. Сколько раз в критические моменты он, как бы случайно, оказывался рядом и спасал меня! Надо отдать должное, в трудное время проверяются настоящие люди, настоящие друзья. Василий и Евгения Пименовы, наши давние друзья, подняли на ноги тогда всю партийную номенклатуру и смогли достать так мне необходимые дефицитные лекарства. А ведь в Первой градской больнице мне уже не хотели даже делать перевязки! Прямо в глаза

говорили: «Зачем тратить бинты, ведь этот больной безнадёжный!»

И все же выжил! И более того, справился с остеомиелитом, практически пожизненной болезнью. Моя Тонечка прикладывала к гноящейся ране сырой тертый картофель, регулярно меняя его. Хочу добрым словом помянуть отличного специалиста, врача Василия Александровича Матусевича. Он долго и внимательно занимался лечением моего остеомиелита. И произошло чудо! Рана затянулась, нагноения исчезли совсем. Однажды из больницы позвонили и сердито спросили: «Почему не идете на чистку?» Представьте, как были удивлены на другом конце провода, узнав, что я сам излечился!

Все это пишу, чтобы дать представление читателю о цели повествования. Знаю, что с литературной точки зрения мои рассказы не выдерживают никакой критики. Мне только хотелось донести свои личные воспоминания и рассказать все, что я пережил. Старался не кривить душой и не приукрашивать себя.

Сейчас мне уже за семьдесят. Память стала сдавать. Поэтому я передал свои рассказы и наброски сыну, доверив ему завершить начатое. В этот цикл не вошли мои рассказы о Швейцарии, возвращении на Родину и «теплой» встрече. На этом мои дороги не кончаются...

Содержание

История создания этой книги	5
От автора	8
Жаворонки (Конец июня 1941 года)	9
Бой (Украина, июнь 1941 года)	15
Живой бруствер	18
В тылу врага (Украина, конец июня 1941 года)	20
Попались... (10—11 июля 1941 года)	24
Первый побег (Украина, Тернополь, июль 1941 года)	30
Этап (Перемышль—Ярослав, июль 1941 года)	37
Рядом Голландия (Германия, Меппен, осень 1941 года)	41
Горькая горбушка.	50
Линия Зигфрида (Юг Германии, июнь 1942 года)	52
Тяжелая картошка	56
День рождения (Германия, 20 октября 1941 года)	60
Учитель	63
Танкист (Германия, Меппен, март—апрель 1942 года)	66
Госпиталь	70
Дневальный	72
Русская кость	75
Лимбург (Германия, конец 1941 года)	77
Новогодняя ночь (Германия, декабрь 1941 года)	80
Побег	83
В дороге (Германия, первая половина июня 1942 года)	96
Облава	99
Рейн (Германия, июль 1942 года)	102
По Германии.	106
Эльзас.	118
Потеря (Недалеко от границы Эльзаса, конец июля 1942 года)	121
Вот она, Франция!	126

Линия Мажино	133
Случайность ли это?	140
А жизнь идет... (Франция, август 1942 года).....	155
Кража (Франция, август 1942 года)	156
Встреча (Франция, август 1942 года)	160
Хутор на горе	165
Граница (Франко-швейцарская граница, 8—9 августа 1942 года).....	168
Швейцария (Первые числа сентября 1942 года).....	174
Берн	184
Интернированные	186
Бельжас	189
Выходим на связь!	209
Возвращение (Как нас встречала Родина в ноябре 1944 года).....	210
Дороги не кончаются	220

Валерий Вахромеев

ВЫЖИТЬ И ВЕРНУТЬСЯ

Одиссея советского военнопленного

1941—1945

Ответственный редактор *А.Ю. Безугольный*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 23.03.2011.
 Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
 Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
 Уч.-изд. л. 10,21 + вклейка = 11,08.
 Тираж 4 000 экз. Заказ № 4563.

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
 111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
 E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано по технологии СТР в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
 194044, Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, д. 9. Телефон/факс: (812) 495-56-10

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Валерий Вахромеев

ВЫЖИТЬ И ВЕРНУТЬСЯ

**ОДИССЕЯ СОВЕТСКОГО
ВОЕННОПЛЕННОГО**

1941—1945

Уникальная судьба и невероятные приключения ждали Валерия Вахромеева, хотя, казалось, все предвещало быстрый и страшный конец. Смерть в лагерном застенке, ожидавшая большинство окруженцев 41-го. Однако сперва судьба улыбнулась В. Вахромееву, когда поезд с советскими военнопленными проехал мимо лагеря смерти. Затем ему посчастливилось сбежать с военной фабрики в городе Дармштадт и не оказаться пойманным, подобно тысячам других беглецов. А затем началось немыслимое для советского паренька путешествие: Германия, Франция, Швейцария, Италия, Египет, Палестина, Иран и, наконец, советский Баку. Долгая дорога на родину, к сожалению, как и для многих бывших военнопленных, закончилась фильтрационным лагерем НКВД и работами на тяжелом производстве. Однако автор никогда не унывал, веря, что его дороги еще впереди...

ISBN 978-5-227-02790-0

9 785227 027900

ЦЕНТРОЛИГРАФ®